

БОЛЬШАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

МАСОНЫ

ТОМ II

Фронтиспис

«La frache maçonnerie a sa veritable crigine», Париж, 1814.

ОТ РЕДАКЦИИ

Выпуская второй том нашего издания, мы должны сказать несколько слов в ответ на те критические замечания, которые были сделаны в появившихся до сих пор в целом благоприятных рецензиях.

Мы не будем повторять сказанное в предисловии к первому тому по поводу плана, избранного редакцией, а также ее отношения к отдельным статьям, входящим в состав коллективного труда. В издании, состоящем из ряда отдельных статей различных авторов, неизбежно должна быть допущена свободная трактовка вопросов: здесь сам автор как бы отвечает за свои взгляды. По-другому не может быть. У различных авторов могут быть разные взгляды на значение тех явлений западноевропейской и русской культуры, которые входят в историю масонства. И эти взгляды, *как мы знаем*, подчас резко расходятся между собой в зависимости от научного и общественного мировосприятия авторов. Именно масонство, явление, недостаточно еще изученное в его историческом прошлом, явление, временами тесно связанное с мистическим течением человеческой мысли, так по-разному оценивается в исторических и историко-литературных исследованиях. С этой точки зрения мы и говорили в предисловии к первому тому нашего издания о субъективности авторов в оценке различных явлений в истории масонства. Некоторые из критиков усмотрели, однако, в этом как бы слабую позицию редакции и указывали, что история должна быть объективной. Но не произошло ли у них в данном случае подмены понятия «субъективность» по-

нятием «тенденциозность»?! Во всяком случае, мы не имеем возможности разрешать здесь сложные вопросы теории исторического познания об отношении субъективных моментов нашего знания к объективно-историческому процессу.

Необходимо дать читателю-неспециалисту путеводную нить, дабы он мог разобраться в противоречиях коллективного сборника; нужна руководящая или обобщающая статья, — это другой упрек, сделанный редакции. Но мы и сейчас думаем, что эта обобщающая статья скорее нужна там, где подводятся итоги. Пусть перед читателем пройдет фактический материал в *субъективной* оценке отдельных авторов; с тем большим пониманием читатель отнесется и к *субъективной* оценке редакции.

Может быть, одну оговорку нам следует сделать заранее в связи с напечатанными во втором томе статьями Т.О. Соколовской. Автор, вероятно, единственный сейчас знаток *обрядности* русского масонства, представляющей собой область еще недостаточно изведенную и весьма запутанную. Как ни тесно связаны вся традиционная масонская символика и обрядность с общим духом масонства, едва ли, однако, это интересное в бытовом и психологическом плане явление *само по себе* может иметь *большое научное* значение... Во всяком случае, читатель должен помнить, что достаточно неопределенная теория масонского ритуала была еще более неопределенна в жизни. И нетрудно доказать, хотя бы по протоколам заседаний масонских лож, что рядовой Вольный Каменщик, как и рядовой читатель, а может быть, отчасти и исследователь, пытающийся углубиться в исторические изыскания и осмыслить легендарное прошлое, так же тонул в дебрях непонимания. Оставались лишь общие масонские символы, иероглифический язык, который являлся для XIX в. уже историческим пережитком. Эмблемы и символы если не могут, по мнению редакции, раскрыть смысл обряда, то могут его пояснить, что и делает помещенная ниже статья госпожи Соколовской о масонской обрядности¹.

В связи с изложенным мы еще раз должны подчеркнуть, какое значение придаем помещаемым в издании иллюстрациям. Мы отнюдь не присваиваем им «научное» значение как по указанным выше причинам, так и по тому, что редакция не чув-

ствуется себя ни компетентной, ни способной точно разобраться в них при современном состоянии исторических данных в этой области. Мы думаем, что и читателю для понимания масонской бутафории и символики важны не точные определения, которые подчас и невозможно дать, а *разнообразие* иллюстраций, определяющее *дух* той обрядности, которая сопутствовала и сопутствует отчасти и теперь так называемому «масонскому учению». Нам кажется, что эта цель, при обилии разнообразных по характеру рисунков, более или менее достигнута. А это, по нашему мнению, и есть самое главное. Здесь, пожалуй, «субъективность» понимания сказывается особенно сильно, а потому приходится быть сугубо осторожным. Легко иногда дать более или менее точное определение тому или иному знаку или предмету, но часто это вовсе не будет оригиналом, присущим определенной системе или ложе, а лишь скопированной и притом произвольной традицией. Вы найдете якобы оригинальные ковры или запонки, употреблявшиеся исключительно в русских ложах начала XIX в., а в действительности это будут случайные копии, срисованные с чужого оригинала. Таким образом, американский прототип в каком-нибудь филадельфийском издании конца XVIII в., в свою очередь воспроизводящий, быть может, более отдаленную традицию, с успехом будет фигурировать в подобных исторических изысканиях как русский оригинал 20-х гг. В критике высказывалось некоторое сожаление, что мы иногда недостаточно точно называем или определяем рисунок, ограничиваясь невнятным указанием: «символическая картина»... Но иногда действительно трудно дать бесспорное объяснение какой-либо розенкрейцерской таблицы. Здесь часты будут догадки, а быть может, еще худшее — произвольное толкование таинственной мудрости розенкрейцерских учителей.

Когда первоисточник дает тот или иной материал для объяснения, мы стараемся, по мере возможности, его привести, хотя непосвященному читателю и это объяснение не всегда будет ясно. Приведем один достаточно характерный пример. В известной и распространенной, в свое время и на русский язык переведенной книге Гутчинсона «Дух масонства»

(1780) помещен воспроизведенный ниже рисунок с такого рода комментарием:

«Древнее оное Каменщицкое писание говорит, что Каменщики знают путь к достижению уразумения Аврака. Все истолкователи Каменщичества (которых читал я) признают свое недоумение о слове сем.

Аврак, или Авракар, есть имя, которое Василид, духовная особа, жившая во втором столетии, прилагал Богу, который, по его мнению, был Творец 365.

Говорят, что основатель суеверия сего жил во время Адриана. Имя сие сделано из “Авразан”, или “Авракас”, название, прилагаемое Василидом Богу. Он называл его Высочайший Бог и приписывал ему семь сил или Ангелов подчиненных, которые управляли небом. Равным образом по числу дней в году полагал он 365 сил, могуществ, или существ, яко Божеские истечения существующих. Буквы, составляющие слово сие, по древним греческим числам, составляют 365.

Α. Β. Ρ. Α. Ζ. Σ.
1. 2. 100. 1. 60. 1. 200.

У испытателей древности Авраксас значит гемму, или резной камень, со словом Авраксас, на нем находящимся. Есть множество родов камней сих разных фигур и видов, по большей части из третьего столетия.

Рисунок, здесь приложенный, списан с геммы, находящейся в Британском музее. Он почти вдвое больше подлинника, вырезанного на овальном

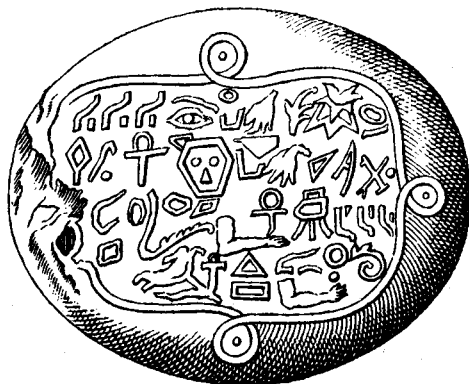
берилле. Голова есть выпуклая сторона (Комсо); а задняя сторона плоская (Талио). Говорят, что голова представляет Творца под именем Юпитера Амона; солнце и луна на другой стороне — Озириса и Изиду Египетских, и употреблены они в иероглифическом смысле для обозначения Всемогущества, вездесущности и вечности Божией. Кажется, что звезда употреблена тут как пункт; но она есть символ благоразумия, третьего истечения Божества, Василидом исповедуемого. Скорпион означает в иероглифах злость, а змей — еретика. Значение сего, кажется мне, есть следующее: еретичество, хитрость и пороки неверных и собеседников сатанинских истребляются познанием истинного Бога. Признаюсь, что надпись истолковать я не в состоянии, ибо буквы несовершенны или плохо списаны».

Далее, однако, Гутчинсон толкует эту надпись: она означает или «Восхвалит земля тебя 1305», или «Земля вещает хвалу твою и славу» и т.д. Со своей стороны, мы не считаем себя обязанными продолжать толкование Гутчинсона, пояснять читателю мистическое значение «Абраксаса» в мировоззрении гностической секты Василида (II в. по Р.Х.), заимствовавшего таинственное слово из обихода древней народной магии. Для самого масонства характерно именно это «недоумение» Гутчинсона о «значении сих иероглифов».

Мы старались, повторяем, в своем издании воспроизвести самые различные по характеру предметы масонской символики и тем самым дать читателю понятие, что она из себя представляет. Нам удалось использовать с этой целью коллекции общественные и частные, как русские, так и иностранные, и мы должны еще раз принести глубочайшую благодарность всем людям и учреждениям, оказавшим нам помощь. Повторяя свою благодарность людям, упомянутым в первом томе, мы должны поблагодарить также Я.Л. Барскова, С.П. Виноградова, С.М. Горяинова, С.С. Привалова, Н.И. Романова, И.М. Фадеева и П.П. Шибанова. В особенности редакция должна отметить любезность Д.Г. Бурьлина, владельца едва ли не лучших в России масонских коллекций, предоставившего нам возможность широко воспользоваться как коллекциями его музея в Иванове-Вознесенске, так и новыми приобретениями этого неутомимого собирателя вольнокаменнических реликвий.

Мы завершаем второй том нашего издания статьей, посвященной характеристике американского масонства, которую ло-

гичнее было бы поместить в первый том, в главу о западноевропейском масонстве XVIII в. В свое время она туда не смогла попасть, и думается, что это маленькое отступление не нарушит цельности общего плана.

Из «Surles inconnus», 1777 г.

Масонская грамота
(Национальная библиотека в Париже)

Московское общество розенкрейцеров (Второстепенные деятели масонства)

Масонское общество розенкрейцеров, кроме вышеупомянутых влиятельных лиц, таких как Шварц, Н.И. Новиков и Ив.Вл. Лопухин, — состояло еще из целого ряда *второстепенных* деятелей, а именно: И.П. Тургенев, А.М. Кутузов, братья Н. и Ю. Трубецкие, братья А. и П. Ладыженские, В.В. Чулков, Г.М. Походяшин, Ф.П. Ключарев, Д.И. Дмитриевский, кн. Энгальчев, П.А. Татищев, П.В. Лопухин и некоторые другие. Характеристике этих людей и посвящена настоящая статья.

I

Почувствовав жажду познания истины, особенно истины сокровенной, масонской, эти простые, иногда наивные люди всем сердцем прикипели к Дружескому ученому обществу и Типографской компании. Их деятельность не была столь громкой и столь блестящей, как деятельность Новикова, Шварца и Лопухина; они не стояли во главе дела и, может быть, не были людьми инициативы, но нельзя представить себе, чтобы без них дело могло так широко развиваться и достигнуть таких успехов. Даже более: мы уверены, что двое из них, Тургенев и Кутузов, до сих пор недостаточно оценены, что роль их в масонско-просветительном движении XVIII в. была более значительной, чем принято считать.

Среди упомянутой толпы второстепенных деятелей некоторые не могли создать ничего важного и значительного, так как не имели ни талантов, ни умственной подготовки. Но заслуга их в том, что они глубоко почувствовали и восприняли идею о познании себя и о совершенствовании человеческой природы, а почувствовав — старались служить этой идее, сколько могли, своими материальными средствами. «Складочный» (объединенный) капитал Типографской компании образовался именно за счет пожертвований этих людей. Так, братья Н. и Ю. Трубецкие пожертвовали десять тысяч рублей, князь Черкасский — около пяти или шести тысяч, В.В. Чулков — пять тысяч, А. Ладыженский — пять тысяч и т.д. По-видимому, жертвования братьев Трубецких и князя Черкасского этим не ограничивались. Они помогали нуждающимся братьям-масонам в России и особенно за границей, содержали на свои средства (вместе с И.В. Лопухиным) командированного за границу по масонским делам А.М. Кутузова и т.д. Всем этим они занимались так усердно, что совершенно растратили свои состояния. Но оказать какую-нибудь другую, не масонского характера услугу общему делу эти люди едва ли могли. Насколько мы знаем, например, Василий Васильевич Чулков был совсем простодушным и довольно болтливым человеком, а про одного из Трубецких, притом наиболее способного — Николая Никитича — князь Прозоровский говорил, что он «человек не мудрый», действующий главным об-

разом под влиянием жены своей, Варвары Александровны, урожденной княгини Черкасской. Точно так же значительную сумму пожертвовал Дружескому ученому обществу богатый Петр Алексеевич Татищев, и на эти деньги оно устроило Педагогическую семинарию². Но было бы ошибкой думать, что этот человек имел какое-то другое значение. Наконец, на те же просветительские цели и на дела благотворительности пожертвовал, как увидим ниже, огромную сумму Григорий Максимович Походяшин. Но и этот человек ничем другим не проявил себя, и даже в Ордене Розенкрейцеров не занимал какого-либо почетного поста. Биографических сведений обо всех упомянутых персонах сохранилось очень мало, и это малое собрано в классической книге Лонгинова³. Когда Орден Розенкрейцеров был разгромлен, то не все пострадали одинаково, а иных кара и совсем миновала. Князь Н.Н. Трубецкой был сослан в свою слободу (Ливен. уезд). Как его состояние, так и состояние его брата Юрия Никитича и зятя (брата жены), князя Черкасского, были серьезно растрачены и обременены долгами. Хотя с восшествием на престол императора Павла князь Николай Никитич и был произведен в московские сенаторы, но дальнейшая судьба его и супруги, княгини Варвары Александровны, была самая печальная: под конец жизни они едва сводили концы с концами и проводили одинокую старость в Костроме, угнетаемые нуждой⁴.

После Новикова сильнее всех пострадал и совершенно разорился богатый Григорий Максимович Походяшин. Сын сибирского богача и золотопромышленника, он родился в 1760 г., служил в Преображенском полку и в 1786 г. вышел в отставку в чине премьер-майора. Еще будучи молодым офицером, он принял масонство и в 1785 г. в Москве через Ключарева познакомился с

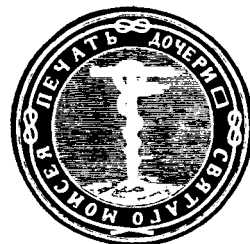

Замок
(собрание Д.Г. Бурылина)

Новиковым, который и обратил его на путь благотворительности. Сделавшись мартинистом, Походяшин пожертвовал на дела благотворительности значительные суммы, приблизительно до полумиллиона рублей⁵, что в то время составляло громадный капитал. Это было в 1787 г., когда в России свирепствовал голод, и мартинисты, с живым сочувствием относившиеся к народному бедствию, искали средства для помощи голодающим. Потрясенный речью Новикова, Походяшин немедленно вручил ему триста тысяч рублей, которые и были истрачены на покупку хлеба и бесплатную раздачу его голодающим. Оставшаяся часть пожертвованной Походяшиным суммы была вложена в предприятие Новикова, то есть в Типографскую компанию. С крушением последней разорился и Походяшин. Несколько лет подряд хлопотал он о возвращении ему хотя бы части имущества, секвестированного при аресте Новикова, причем для уплаты по векселям истратил еще сто тридцать тысяч рублей. В конце всех мытарств Походяшину достались только книги Типографской компании на номинальную сумму в семьсот тысяч рублей. В царствование императора Павла Тургенев, имевший векселя от него, требовал по ним уплаты. На это Григорий Максимович ответил таким письмом (13 сентября 1797 г.): «С начала моего знакомства с вами привык я вас почитать и любить. Сие почтение было искренним, чему доказательством может служить то, что я не верю, что вы будете первым, кто повлечет меня в тюрьму; а при выполнении того, что вы намерены сделать, иного следствия быть не может. Поверьте, что мои обстоятельства гораздо хуже, нежели я их изобразить могу». Далее он говорит, что единственное средство выплатить долг — это продажа его калужской вотчины, на которую, однако, покупателя не находится. «Имение, или компания Типографская, в которую я вложил все свое имущество, через разорение которой и я теперь разоряюсь, не может удовлетворить не только меня, а разве что воспитательный дом... Неужели один я должен ожидать вышнего благоволения и терпеть все неприятности, когда не я являюсь причиной столь необыкновенного приключения». Общий их приятель Ленивец также писал Тургеневу о «тесном положении» Походяшина.

В 1801 г., уже в царствование императора Александра I, собрание кредиторов Новикова постановило отдать когда-то сек-

вестированное имущество в распоряжение Походяшина как самого значительного кредитора (четыреста шестьдесят две тысячи сто сорок девять рублей из общей суммы долга в семьсот пятьдесят три тысячи пятьсот тридцать четыре рубля). Ему было поручено продать имущество и вернуть долг как себе, так и другим кредиторам. В товарищи Походяшину кредиторами был избран А.О. Ладыженский. Результатом этой операции, по-видимому, явилось то, что у Походяшина оказался на руках огромный книжный магазин, который, однако, распродался плохо, и он в 1803 г. получил разрешение разыграть его в лотерею. Розыгрыш прошел только в 1805 г., но какую выгоду получил от этого сам Походяшин, нам неизвестно. Мы знаем только⁶, что он умер в ноябре 1820 г., в нищете, и, однако, невзирая на это, сохранил какое-то благоволение к Новикову до самой смерти: даже умирая, он с умилением глядел на портрет своего друга, висевший над его смертным одром. Нравственный облик этого масона-благотворителя производил сильное впечатление на неиспорченные души, и вот как говорит о нем молодой Жихарев в своем дневнике: «Это человек тихий, скромный и молчаливый; живет более жизнью созерцательной, однако же не забывает исполнять и некоторые светские обязанности в своем кружке. Ростом не мал, худошав, и лицо имеет бесстрастное». Походяшин никогда не говорил в обществе, состоящем более чем из трех человек; при лишнях людях он был молчалив и мог казаться человеком очень ограниченным. «Был некогда очень богат, но призревал *нища и убога* и отдал все *в заем Богови*. Теперь сам немного разве что богаче Максима Ив. (Невзорова)». Таким казался Походяшин С.П. Жихареву в 1806 г.⁷

Масонские печати
И.П. Тургенева

Более замечательными фигурами среди второстепенных мартинистов были, как сказано выше, И.П. Тургенев и А.М. Кутузов.

II

Иван Петрович Тургенев происходил из дворян Симбирской губернии, но родился в Сибири (21 июня 1752 г.), на линии, где временно, по делам службы, проживали его родители Петр Андреевич и Анна Петровна Тургеневы. Рос и воспитывался Иван Петрович в Симбирской губернии, в родовом имении Тургеневых и в самом Симбирске. Из первоначального, домашнего обучения, о котором до нас не дошло известий, он вынес отличное знание немецкого языка. Для того времени это факт обычный: провинциальные дворяне изучали именно немецкий язык. В 1767 г. молодой Тургенев был привезен в Москву и записан (24 августа) в Санкт-Петербургский пехотный полк сержантом, а на самом деле поступил в Московский университет и оставался в нем до конца 1770 г. По окончании университета Тургенев был определен на военную службу сержантом в Санкт-Петербургский пехотный полк, из которого затем был переведен в Московский легион. Многолетняя и трудная военная служба закончилась 21 апреля 1789 г., когда Тургенев вышел в отставку, получивши при этом последний военный чин — чин бригадира. Так не блестяще завершилась его военная карьера и вообще государственная служба; она возобновилась уже на гражданском поприще только через семь лет, при императоре Павле.

Гораздо важнее и плодотворнее была не служебная, а частная, общественная деятельность Тургенева, а именно: масонская, литературно-просветительская. Тургенев, по собственному признанию, принят был в масонский орден в октябре 1776 г., то есть еще тогда, когда находился в Крымском корпусе на юге. Вслед за этим он, перебравшись в Петербург, сблизился с кружком Новикова и вошел в число тех девяти братьев, которые из двух лож, «Урания» и «Астрея», составили новую ложу — «Гармонию». Среди этого ядра будущих мартинистов были А.М. Кутузов и В.В. Чулков, с которыми Тургенев подружился на всю жизнь, точно так же, как с самим Новиковым.

Год рождения Алексея Михайловича Кутузова нам неизвестен, но как товарищ и друг Радищева (родился в 1749 г.) и Тур-

генева (родился в 1752 г.), он мог быть их сверстником, и тогда время его рождения приходится на 1749–1752 гг. Достоверно не установлено, учился ли он в Московском университете и был ли уже тогда знаком с Тургеневым. Нам хорошо известно одно, что до 1766 г. Кутузов несколько лет состоял пажом при императрице Екатерине II⁸. По собственным словам Кутузова, он был пажом при Екатерине II вместе с Радищевым, с которым прожил неразлучно в одной комнате 14 лет, то есть до самой женитьбы последнего. Пробыв при императрице пажами около четырех лет, они были в 1766 г. отправлены в Лейпцигский университет для изучения юридических дисциплин и оставались там до 1771 г.⁹

В конце 1771 г. Кутузов и Радищев возвратились в Петербург и поступили на службу в Сенат — протоколистами, причем жили вместе, в одной квартире и в одной комнате. Они так основательно забыли русский язык, что им пришлось изучать его снова. В Сенате Кутузов оставался до 1775 г., то есть до женитьбы Радищева, или даже до 1776 г., после чего уехал в армию. Очевидно, в эту эпоху он сблизился с Новиковым и его друзьями: В.В. Чулковым, И.П. Тургеневым и др. Потом, служа в армии, он считался членом их масонской ложи «Гармония», а когда они переселились в Москву, имея намерения заняться масонско-просветительской деятельностью, то Кутузов и там не порывал с ними связи и, кажется, не один раз навещал их, как это можно предположить по письмам, хранящимся в Тургеневском архиве Академии наук. Также скоро возобновились у него связи с Радищевым: через несколько лет они вступили в переписку, и дружба их стала еще теснее, невзирая на то, что во время разлуки образ их мыслей сделался «весьма различен»; но они хотя и спорили, а любили друг друга, «ибо видели ясно, что разность находилась в их головах, а не в сердце»¹⁰.

В какой полк армии уехал Кутузов в 1775–1776 гг., мы не знаем, но приблизительно с 1780 г. он находился в Луганском полку М.Ил. Голенищева-Кутузова, знаменитого впоследствии князя Смоленского; следовательно, принимал участие в подавлении восстания крымских татар (1782–1783). От этого периода имеются интересные письма, находящиеся в Академии наук (архив Тургеневых). Но в январе 1783 г. Кутузов выходит в отставку,

поселяется в Москве, в переводческой семинарии новиковского кружка и делается членом «Дружеского ученого общества» и участником всех предприятий Типографской компании, внося в складочный капитал 3000 рублей.

III

Вот некоторые сведения из биографии Тургенева и Кутузова до их совместной жизни в Москве (1783–1787). Мы переходим к ней. Это была блестящая эпоха деятельности Новиковского кружка, и на долю обоих друзей выпала значительная, даже крупная, но мало оцененная роль. Как мы знаем, оба они внесли в общее предприятие значительные суммы. Но, помимо денег, они внесли еще свои знания, дарования и огромный труд, которые, несомненно, должны цениться выше. По нашему мнению, среди новиковского кружка Тургенев в этом отношении занимает первое место. Зная отлично немецкий язык и имея решительное призвание к литературной деятельности, он особенно много потрудился для Дружеского общества и Типографской компании в качестве переводчика и сочинителя. К сожалению, его литературная деятельность, за недостатком сведений, мало доступна исследованию; но все-таки кое-что известно о переводах и сочинениях, принадлежащих перу Тургенева. Нам известно семь переводов, сделанных им, и два оригинальных сочинения, одно из которых написано им по поручению Лопухина. Вот список этих трудов:

1) *Иоанн Арндт*. О истинном христианстве. 5 частей (М., 1784, тип. Лопухина).

2) *Иоанн Пордедж (Pordedge)*. Первый трактат о вечном мире, в двух книгах. (М., 1782).

3) *Иоанн Масон*. О познании самого себя. (М., 1783; 2-е изд., 1786; 3-е изд., 1880).

4) Апология или Защищение вольных каменщиков. Перев. с нем. (М., 1784).

5) Избранные сочинения блаженного Августина (М., 1786).

6) Тайнство креста, огорчающего и утешающего... торжествующего Иисуса Христова и членов его.

7) 24 первые главы из *Deutsche Theologia*, сохранившиеся в рукописи и нигде не напечатанные.

Из оригинальных трудов Тургенева нам известны только два:

8) «Кто может быть добрым гражданином и подданным верным?»

9) Переложение некоторых псалмов Давидовых (М., 1796).

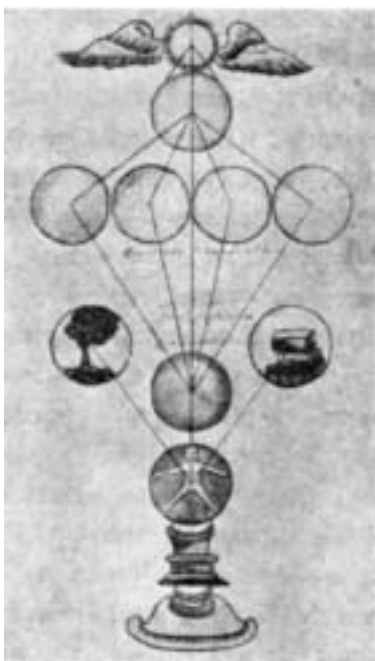
Нам, конечно, важнее всего познакомиться с оригинальными трудами Тургенева. «Кто может быть добрым гражданином и подданным верным» — сочинение, написанное по поручению И.Вл. Лопухина, который вот как говорит об этом в своих записках: «Для того же предмета, для которого издал я свой нравоучительный катехизис, заставил я написать известную книжку “*Кто может быть добрым гражданином и подданным верным?*”, которая также переведена на французский и пущена была в продажу. Сочинил ее по моему плану самый ближний друг мой Иван Петрович Тургенев, сей честнейший человек, коего память всегда любезна будет всем его знавшим и любящим добродетель»¹¹.

Эта маленькая книжечка Тургенева была потом два раза издана по-русски (под тем же заглавием), в 1796 и в 1798 гг. Первое издание имеет такую пометку: «С французского на Российский перевел Серп. Протоп. Василий Протопопов (Москва в университет. Типографии у Ридигера и Клаудия. 1796)». При чем есть и посвящение переводчика преосвящ. Афанасию, епископу Коломенскому и Тульскому. Во втором издании (1798 г.) ничего этого нет, а помечено только: «Российское сочинение», и еще эпиграф на обороте: «Братство возлюбите, Бога бойтесь, Царя чтите».

В первом издании из примечания к стр. 8 ясно видно, что сочинение напечатано еще при жизни императрицы Екатерины II, поскольку про нее сказано так: «Великая Екатерина, Исполнительница Петровых начинаний, уже в сей жизни начала свое бессмертие. Законы пишушая и сама им прежде верноподданных своих покоряющаяся, мудрые законы для благоденствия отечества из Божеских почерпающая, может ли изглажена быть из сердец чувствительных? Благо Ее чад есть боль, лежащая на душе Ее. Проклято да будет то перо, которое вдохновенный адом писатель, омочивши в желчи, употребит в очернение Великой Екатерины! В...» Любопытно отметить, что во втором издании

(1798) это хвалебное примечание выкинуто — по какой причине, об этом скажем ниже.

Когда это сочинение написано Тургеневым, мы не знаем, но что Василий Протопопов перевел его и напечатал в 1796 г., очевидно, как несомненно и то, что переводчику принадлежит вышеприведенное примечание. Получив амнистию в 1797 г., Тургенев в следующем, 1798-м, напечатал свое сочинение уже по соб-

Из розенкрейцерских
рукописей

ственному русскому подлиннику, причем, конечно, выкинул это примечание как ему не принадлежащее, тем более что, во-первых, в нем восхвалялась его гонительница и, во-вторых, в царствование Павла, пожалуй, и неудобно было восхвалять Екатерину II. Такова судьба этой книги.

В ней Иван Петрович стремится разрешить следующий вопрос: «Какие суть сильнейшие побуждения, чтобы учиниться добрым гражданином и верным подданным?» И находит, что таким побуждением не могут служить ни богатство, ни похвала и награды, ни жажда бессмертия в потомстве, ни соблазн известности. «Сии побуждения должны быть внутренними, а не внешними, Божественными, а не человеческими, кои сами собою не довольны обязать человека к порядочному прохожде-

нию должности его». Во главе всех побуждений должен быть «страх наказания Божия и стыд перед человеками». Вот как это выражено в резюме в конце книги (стр. 32): «Кто же может быть добрым гражданином и верным подданным? Тот, кто, боясь Бога, почитает Государя, повинуется Властям; который не только не убивает, но и в гнев не приводит, который любит врагов своих, благотворит тем, кои его ненавидят, благословляет тех, кои его злословят и ввергают в бедствие; дает требующему, не отвращается от того, кто в заем просит», и т.д. и т.п., в духе христианской

проповеди. «Кто все сие может сделать? — Истинный Христианин». Таково содержание и главная мысль сочинения Тургенева. Конечно, он, как и Лопухин и Кутузов, говорил о необходимости повиновения властям, ссылаясь на послания ап. Павла к Титу. Точно так же, как Лопухин, он делает выпад против французской революции: «О! Когда бы во Франции больше господствовало истинное христианство, не представила бы она оно-го плачевного позорища, которое скорбь и ужас приносить должно всем человеколюбивым и богобоязненным сердцам! О Боже! Неужели и ныне не видят, что корень зол, губящих Францию, должно искать в пренебрежении фундаментальными законами святой религии Иисусовой? По крайней мере, нет другого источника несчастья ее. Ибо все другое есть только следствие». Как известно, Лопухин в своих записках высказывал те же мысли о французской революции. Подобно ему Тургенев проповедует необходимость повиновения всякому, даже дурному, господину, по принципу «Несть власти, аще не от Бога».

«Подражание песням Давидовым» написано, очевидно, около 1795 г., во время ссылки в Симбирской губернии, и посвящено «любезнейшему другу», может быть, И.В. Лопухину, к которому автор в посвящении обращается так: «Во дни уныния, печали, в грусти, в скуке, во время горести, с любезными в разлуке, ищу я иногда мученье прекратить и чувства горькие в отрады превратить».

Из переводных работ Тургенева особенно важно обратить внимание на Иоанна Масона «Опознании самого себя». Уже тот факт, что книга эта разошлась в трех изданиях, показывает, как она была нужна публике. С другой стороны, нельзя не заметить, что на самого переводчика это сочинение оказало громадное и прочное влияние. На эту книгу указал Тургеневу, очевидно, Шварц, и свой перевод Тургенев посвящает друзьям своим, членам Дружеского общества. «Входя в намерения ваши распространить охоту к подобным книгам, решился и я, — говорит он в посвящении, — споспешествовать видам вашим, клонящимся к пользе и благу сограждан наших». По мнению Тургенева, книга, переведенная им, содержит в себе «нужнейшее учение о Познании Самого Себя, о преимуществах сего познания перед прочими и о способах достижения оно-го; а вы находитесь уже при

Источнике, из которого желающие утолять жажду к познанию могут почерпнуть обильно учение сие. Книга сия научает человека познавать обязанности свои и его отношения, в каковых он находится к Богу, Творцу своему, к природе, яко творению, и к самому себе». Работая над переводом этой книги, Тургенев в письмах к своему другу А.М. Кутузову советовал «проницать» в изгибы человеческого сердца и искать там, «как наши слабости от глаз наших укрываются». Такие советы действовали на Кутузова очень сильно и, судя по его письмам из Луганского полка (в конце 1782 г.)¹², наводили на него «ипохондрию». На самого Тургенева книжка Масона также оказала громадное влияние; без ошибки можно сказать, что он на всю жизнь усвоил основные выводы этого автора. По крайней мере, позже, в 1800 г., в письме к своим детям, рекомендуя им новое издание своего перевода Масона, Тургенев говорит так: «Я уверен, что она может вам принести истинную пользу. *Я нравственностью своею много должен этой книге*»¹³. Следующие мысли особенно врезались в душу Ивана Петровича: «Всякий, кто себя знает, гораздо ведает, сколь сильно в нем господствует желание похвалы» (глава 12). Или: «Теплая и твердая молитва есть сильнейшее средство к достижению истинного о самом себе познания» (10 глава второй части). Тургенев запомнил также и советы Масона: 1) беречься всех родов невоздержания в удовлетворении похотей и страстей своих; 2) употреблять записную книжку, в которой «все вкратце изображено быть должно, и прочитывать ее каждый год». Сохранился листок, начало дневника, писанный рукой Тургенева в 1788 г., то есть шесть лет спустя после его работы над переводом Масона, и, несмотря на это, мы в листке находим те же мысли, что и у Иоанна Масона. Тургенев даже начал было делать заметки вроде дневника, рекомендованного его любимым писателем, но, к сожалению, скоро оставил это намерение, или же заметки не дошли до нас.

Если книжка Масона «О познании самого себя» оказала на Тургенева огромное влияние, то перевод «Таинства креста» оказал, несомненно, большее влияние на главу московских «мартинистов» Николая Ив. Новикова. «Таинство креста, огорчающего и утешающего, умерщвляющего и животворящего, уничиженного и торжествующего Иисуса Христова и членов его» —

старая книжка, написанная в 1732 г. Дузетаном, изображает таинство страданий, которые очищают человека и приводят его к спасению. Здесь встречаются обычные нападки на разум: «Мудрые мира не признают в человеке иного света, иного вождя к познанию истины, кроме разума». Но есть и такие любопытные мысли: «Доколь христианство было под крестом гонений при имп. Нероне, Домицианне, Траяне и т.д., дотоле оно пребывало славным и плодородным в чадах и воспитало бесчисленное множество мучеников, коих кровь служила семенем к порождению новых христиан. Но как только христианство успокоилось во плоти, стало наслаждаться довольством, благами и честями мирскими при Константине, — то скоро переродилось в Антихристианство, каково оно и ныне». Ниже этих слов идет самая резкая критика духовенства, которое стало думать «только о брюхе, о весельях, о пирах и пустых беседах... Честолюбие духовенства так возросло, что вошло даже в пословицу, равно как и корыстолюбие его». Именно эта книжка оказала заметное влияние на Новикова, отразившееся в его письмах к Лабазину, написанных в 1797—1802 гг.¹⁴, и, конечно, в переводе Тургенева, так как Новиков не знал немецкого языка, а новый перевод Лабазина напечатан только в 1814 г. Точно так же Новиков любил Пордеджа¹⁵ и восторженно отзывался об этом комментаторе Я. Бема; но с ним он мог познакомиться только в переводе Тургенева. Отсюда прямой вывод, что глава московских масонов Н.И. Новиков мог познакомиться с главнейшими западноевропейскими мистиками по переводам Тургенева да Кутузова.

Огромное трудолюбие Ивана Петровича в качестве переводчика подтверждается его переводом Иоанна Арндта «О истинном христианстве». Это очень большое сочинение в шести томах (книгах), из которых каждый содержит по 500—600 страниц, пе-

Столбы на масонском ковре
(Румянц. музей)

реведено, по-видимому, одним Тургеневым и отпечатано в типографии Лопухина в 1784 г. Последний перевод его — двадцать четыре главы из «Deutsche Theologia» — нигде не был напечатан и сохранился в рукописи среди бумаг Тургеневского архива.

Как переводчик Тургенев избегал, по возможности, иностранных слов и терминов, стараясь переводить их по-русски, на-

Яков Беме

пример, вместо слова «эгоизм» стоит у него *ячество, самственность, собственнолюбие, собственностие* и т.д. «Deutsche Theologia» по своему духу напоминает сочинения Масона и Арндта; например, там есть следующие фразы и выражения: «Вхождение в свое собственное сердце и в нем пребывание, изучение и познание самого себя и испытание себя, чего еще недостает — гораздо лучше, нежели взирание на других людей и на их примеры». Или: «К просвещению ведут три пути: очищение, просвещение, соедине-

ние». Или: «Понеже жизнь Христова есть всего горше для натуры и собственные любви, потому натура и воспринять оную не хочет, а живет злочестиво, ложно, беспечно, понеже сие для нее всего приятнее и веселее» и т.д. Таковы главнейшие мысли этого неизданного перевода.

Тургенев не только сам переводил, но также проверял и исправлял переводы, сделанные другими, молодыми сотрудниками Переводческой семинарии, в числе которых были Ал. Андр. Петров, Д.И. Дмитриевский, отчасти Карамзин и др. Редакторские обязанности Тургенев разделял со своим другом, Ал. М. Кутузовым, и из писем последнего к нему¹⁶ видно, что переводы эти и их редактирование иногда приводили двух друзей к страстным спорам, за которыми следовали небольшие размолвки.

Присматриваясь ближе к переводам Тургенева, мы можем заметить, что литературная деятельность его носила чисто масон-

ский, мистически-религиозный характер. Будучи одною из христианских сект, масонство стремилось к чистому, неискаженному христианству первых веков нашей эры, — христианству, стоявшему выше национальных и сословных предрассудков. Масонство отрицало церковную иерархию и обрядовую сторону религии; оно призывало к широкой и неустанной благотворительности. Но относительно Тургенева мы с уверенностью можем сказать, что он всегда оставался истинно православным человеком, любил духовенство и дружил с ним, так что масонство не внушало ему реформаторских идей или отчуждения от церкви, и в масонстве скорее всего его привлекали тайна, искание истины и проповедь о совершенствовании самого себя. Тем не менее, он был деятельный масон. Его масонское имя было: «*eques ab aurora boreale*», и он был членом директории, управлявшей 8-й (русской) провинцией. В этой директории членами были также: Чулков, Шнейдер, Ключарев и Крупенников. Тургенев вместе со своим братом Петром Петр. Тургеневым деятельно насаждал масонство и у себя на родине, в Симбирской губернии, что подтверждается многими фактами (см.: Бартенев. XVIII век, т. II, стр. 369—370).

В Орден Розенкрейцеров Тургенев был принят в четвертую степень и, по-видимому, имел большое влияние на братьев. Есть основания предполагать, что он часто говорил речи на масонских собраниях. По крайней мере в неизданных бумагах Ивана Петровича сохранилось несколько черновых набросков проповедей, несомненно, сочиненных им и произнесенных на масонских собраниях (одна от 1785 и одна от 1789 гг., а на некоторых даты не обозначены). Речь Тургенева похожа на обыкновенные проповеди: с выдержками из Священного Писания, с молитвенными обращениями к Спасителю и т.д. Они хорошо отображают его мировоззрение, а также дают представление о его характере, темпераменте и склонностях. В начале одной речи Тургенев говорит, что он «должен представить развитие свое в святом Ордене и показать», какие он приобрел познания, «до Натуры ли то, до сердца ли человеческого или до теософии касающиеся». Некоторые речи носят характер исповеди перед братьями, и мы можем видеть, что читал и что думал Тургенев. Братьям-масонам, членам Ордена, были рекомендованы некоторые книги для прочтения; и вот Тургенев делится с ними своими впечатлениями по поводу

прочитанных книг. Среди его масонских бумаг нашелся также список книг, вероятно, рекомендованных Орденом; из них девять книг о животном магнетизме, много сочинений о масонстве и несколько книг разного содержания, например: 1) Зенд-Авеста; 2) Книга Сивилла; 3) *Magia Adamica*; 4) *Die Geheime Naturlehre* и т.д. Иван Петрович, как и другие члены, упражнялся в познании самого себя, творения и Творца — по правилам той науки, о которой говорит Соломон в «Книге Премудрости», — науки, «открывающей начала всех вещей, без познания коих никогда натура вещей истинно известна быть не может»¹⁷. Одна проповедь Тургенева дает особенно ясное понятие как о нем самом, его наклонностях и интересах, так и об Ордене Розенкрейцеров. Проповед-

Граф Калиостро
(из издания, излаг. процесс в Риме в 1790 г. Рим, 1791).

ник говорит о *таинстве*, которое хранится в Ордене и дошло до него от самых древних веков. Таинство, или тайна эта известна только главным начальникам Ордена, и она весьма ценна, потому что от нее зависит, «может быть, судьба человечества». «Из степени Шотландской видно, что таинство сие есть таинство природы». Таинству этому был научен Адам по изгнании из Рая; его научил ангел, «и он узнал таинство сие в естественном деле искусства, в деле, подобном творению мира. Какого искусства? — *Очищать все тела от прилипшей к ним клятвы*

*и соблюдать наши человеческие тела от всех болезней, даже до естественного их разрушения»*¹⁸. Цель масона, по мнению Тургенева, и состоит в познании этого таинства. Розенкрейцер имеет право надеяться, что Орден, «принявший и сохраняющий великое таинство таинств», даст каждому своему сочлену «в надлежащее время предохранительное средство от скудости и болезней» и «от несносной бедности».

Мы убеждены, что розенкрейцеры стремились открыть тайну — средство исцелять болезни, то есть искали жизненный

эликсир, а также средство, избавляющее от «скудости», бедности, иными словами, они искали чуть ли не философский камень, создающий золото. Так розенкрейцеры незаметно увлеклись алхимией. Что Тургенев увлекался алхимическими тайнами, доказывается тем списком книг, о котором было упомянуто выше, и его черновыми рукописями. Одна из них, носящая заглавие «Нужное показание», посвящена каким-то странным размышлениям о числах. Числа являлись предметом обсуждения также в его переписке с Кутузовым, из одного из писем которого можно сделать вывод, что числа иногда заменяли у них какие-то термины. Например, советуя Тургеневу во всем держаться середины, Кутузов пишет: «Кто преступит 9, тот ниспадет глубочее, нежели где был он прежде» (август 1788 г.). Впоследствии, в показаниях на допросе, Тургенев говорил о масонстве так: «Учение сие состоит в снискании великого таинства, или *magisterium*, кое только тот получит, кто удостоится через исправление нравственного характера сделаться столь совершенным, сколь человеку возможно быть. А посему и тайны Ордена сей один только в существе ее знать может». Этой-то тайны Иван Петрович, по видимому, и доискивался в упомянутых книгах и в масонских работах.

По тем же (пока не обнародованным) масонским бумагам Тургенева можно составить довольно ясное понятие как о его характере, так и о темпераменте. Под влиянием книги Масона «О познании самого себя» он пытался вести заметки, в которых, беседуя сам с собой, он как бы исповедуется и кается в содеянных грехах. В одной из исповедей, написанной никак не ранее 1784 г.¹⁹, читаем следующее: «Столь мало старался я изыскать слабую мою сторону, что о сию пору не знаю ее точно. Кажется, гордости есть во мне больше, нежели любострастия. Ибо шаги, в жизни моей деланные, имеют начало свое все гордость под разными масками: то приобретение хвалы, то снискание познания, коим бы мог отличиться о других. Ежели и делал какие добрые поступки, то всем была основанием гордость. Я не тверд, но могу сделать геройство из гордости». В другой исповеди Тургенев со всей откровенностью и чрезвычайно метко указывает на свои недостатки. «Главный грех мой есть, в рассуждении тела, — невоздержание, и любимая страсть моя есть сластолюбие или,

Жена Калиостро
(Адарюков. Доб. к слов. Ров.).

лучше сказать, обжорство, ибо тонкого вкуса и в пище я не имею. От сей склонности к обжорству происходит и склонность моя к блудодеянию, и так сильна во мне, что я каждый день борюсь с нею. Не могу до такого ощущения дойти, чтобы воображение мое чисто было от сего скверного порока. Сию склонность причисляю я к скотской моей душе; от обжорства же, отягощающего желудок мой и посылающего пары в голову, усиливается порок сложения моего [и] леность. Что касается до духовных моих страстей, то, кажется мне, главная в них есть гордость,

являющая себя в приятности слушать похвалу людскую, а паче тех людей, коих я высоко почитаю. В виде заслужения хвалы сей не знаю, чего б не предпринял и не исполнил я? В гордости духа моего усматривается малодушие. Сим именем называю я и потачку к жене и моим домашним, а паче к жене. Признаюсь в сем пороке и в знак откровенности моей не постыдился бы описать здесь в подробности потачки мои, ей сделанные, кои сочтены мною и кои я, к стыду моему, все знаю...

Итак: обжорство }
леность } невоздержание,

любление хвалы }
потачка жене } малодушие, которое, понеже гордость велит скрывать оное, производит лицемерие и притворство».

Третья исповедь носит совершенно интимный характер и, очевидно, нигде в масонском собрании не читалась. Это — беседа с самим собою. Вот конец этой исповеди, относящейся к январю 1788 г.: «Каков я встретил новый год? Таков, каков был в старом. Еще стыжусь вспомнить 9-е число сего месяца в Турге-

неве²⁰, — 3-х суточная лихорадка, произведенная напряжением силы воображения, была следствием моего во блуде падения. Ах! Какой плачевный опыт имел я над собою!» Далее Тургенев говорит, что он «леннее стал отправлять обыкновенную молитву». Одну из причин этого он усматривает в том, что читал одну книгу, в которой рекомендуется *внутренняя* молитва, а не внешняя. И вот он начал отходить от последней, но еще не усвоил первую.

В приведенной беседе с самим собою и вышеупомянутых исповедях перед нами предстает человек второй половины XVIII в., со всеми достоинствами и недостатками, свойственными той эпохе. Желание познать свои недостатки, стремление совершенствоваться и очищать себя от замеченных грехов — все это, несомненно, есть влияние масонства. Это входило в круг «работ» Вольных Каменщиков.

Но в то же время у наших масонов это стремление через познание очистить себя от грехов весьма напоминает обыкновенное очищение себя молитвой и сокрушением о грехах, предписываемое нам религией. И что наши масоны оставались христианами и глубоко православными, в этом нет никакого сомнения. Вот, например, что говорит Иван Петрович Тургенев в конце вышеупомянутой беседы с собой: «На сих днях, прощаясь со мной, мой начальник, и собираясь меня снабдить своими наставлениями, советовал читать молитвы: Царю небесный, Отче наш, псал. 91 — ежедневно и непременно, доказывая опытами пользу сея молитвы и произношением молитвенного псалма сего». Конечно, это советовал масон такому же масону.

IV

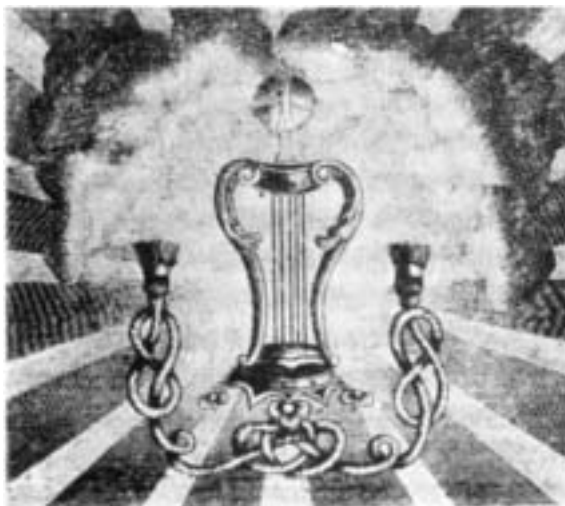
Обратимся теперь к другу и соратнику Тургенева Алексею Михайловичу Кутузову²¹. Поселившись в Москве, как мы видели, с 1783 г., он четыре года (1783—1787) разделял все труды членов «Типографской компании» и был, можно сказать, одним из самых полезных сотрудников Новикова, а после смерти Шварца (1784) и наиболее образованным из товарищей, знавшим не только французский и немецкий, но еще и английский языки. Вместе с Тургеневым он был главным переводчиком и редактором

Переводческой семинарии. Эти годы он жил вместе с Карамзиным и его другом, преждевременно угасшим, А.А. Петровым. Влияние Кутузова на этих молодых соратников, несомненно, было значительным. По крайней мере, по «Письмам русского путешественника» мы можем сделать вывод о сильной привязанности Карамзина к Кутузову.

О литературной и масонской деятельности Кутузова в это время нам мало известно. Он занимался исключительно переводами и, еще будучи в полку, перевел «Плач, или Ночные мысли» Юнга. За время жизни в Москве им переведены: 1) Парацельс — «Химическая псалтирь, или философские правила о камне мудрых»; 2) «Страшный суд и торжество веры», сочинение Юнга, и 3) «Мессиада» Клопштока, прозаический перевод. Все эти переводы были изданы в 1785 г. И это все, что осталось нам от Кутузова. Литературная его заслуга состоит в переводе им сочинения Юнга «Ночные думы» (*The complaint or night thoughts*), которое содействовало распространению сентиментализма в русской литературе. Как старший современник и друг Карамзина, Кутузов оказал на него и его произведения неоспоримое влияние. Такое же влияние он, несомненно, оказывал и на других, особенно на братьев Трубецких, Лопухина и Тургенева. Это заметно по их переписке.

Кутузов оставался в Москве до 1787 г. В начале этого года он по делам Ордена Розенкрейцеров был послан в Берлин, где и оставался до конца своей жизни. Он вложил в Типографскую компанию все свое состояние: в 1783 г. он внес в объединенный капитал три тысячи рублей, а в 1786 г. стал поручителем за Новикова с залогом своего имения. Естественно, что у него почти ничего не было, и он получал содержание от своих товарищей по Ордену, главным образом от Лопухина и братьев Трубецких, и иногда — от своего брата, небогатого помещика. Кутузов и его московские друзья часто писали друг другу; часть этой переписки сохранилась вследствие тайной перлюстрации со стороны московской полиции и напечатана в «Русской старине»²². Кроме того, среди бумаг И.П. Тургенева²³ найдено около десяти писем Кутузова, присланных из Берлина. Любопытно отметить, что биографических данных эти письма содержат весьма мало, так как Кутузов, в силу своего характера, почти никогда не упоми-

нает о том, кто и что его окружает, что он делает и т.д. Почти единственным содержанием его писем являются философские, иногда нравоучительные размышления. Однако по письмам его корреспондентов из Москвы можно сделать вывод, что Алексей Михайлович сохранил симпатии к себе в сердцах друзей, что им интересуются,

Виньетка ложи Урания
1788 г. Т. С.

о нем беспокоятся. Видно также, что первое время за границей, приблизительно 1787–1791 гг., ему жилось недурно, и он даже немного путешествовал. Например, он был во Франкфурте и в Париже. Эти-то путешествия и послужили причиной того, что Карамзин в 1789–1790 гг., во время своей поездки за границу, никак не мог встретиться с Кутузовым, что и отмечает с сожалением в своих «Письмах русского путешественника». Живя в Берлине, Кутузов вместе с бароном Шредером попались в сети темной компании розенкрейцеров, руководимой Вёльнером. Они выманивали у Кутузова деньги и давали ему обещания посвятить его в такие высокие тайны, которые и не снились московским масонам. К концу 1790 г. Кутузов задумал было возвратиться в Россию вместе со Шредером и еще каким-то «братом», поселиться в деревне у брата и жить в полном удалении от мира. Но, кажется, ссылка его друга Радищева напугала его, а известие о том, что его подозревают в связях с Радищевым, привело Кутузова к решению не возвращаться в Россию. В конце 1791 г. он, не подозревая о предстоящем крушении Типографской компании, решает остаться в Берлине еще на три года. «По благодати Всевышнего» он вступил в контакт с какими-то двумя братьями «высоких знаний. Они получили ко мне совершенную доверенность... Они открыли мне то, о чем я писать не смею», но с усло-

вием, чтобы Кутузов остался с ними, по крайней мере, на три года, «дабы привести общими трудами в совершенство наше намерение», то есть достижение высших масонских знаний. Вследствие этого Кутузов просит своих московских друзей принять на себя затраты по содержанию его, Кутузова, и двух его товарищей, «дабы не иметь со стороны сей никаких беспокойств, ибо мирские заботы суть все и главнейшее препятствие». Если бы друзья не согласились оказать ему поддержку, Кутузов намерен был продать последнее свое имение²⁴. Но он и не догадывался, что приблизительно с 1791 г. беды обрушились на его московских друзей, и они не могли уже поддерживать его материально. Положение его сделалось незавидным. Тогда только он понял угрожавшую ему опасность в виде разорения «Типографской компании», в письме к князю Н.Н. Трубецкому он пишет о своем затруднительном положении и, сообщая о том, что барон Шредер, уехавший вместе с ним в Берлин, был поражен московскими вестями (разгром типографии Новикова), «якобы громовою стрелою», — прибавляет: «не менее и я почувствовал мороз, льющийся во всем моем теле, узнав все сие обстоятельно; и вот истинная причина моей меланхолии» (письмо 4/15 июля 1791 г.). Не зная трех последних писем И.П. Тургеневу, написанных после 1791 г., мы сделали в вышеупомянутой статье²⁵ предположение, что едва ли Кутузов пережил 1792 г. Недавно найденные письма не подтвердили это предположение: Кутузов пережил гонительницу масонов императрицу Екатерину и дожил до воцарения императора Павла, но почему-то не успел вернуться в Россию и умер, по-видимому, вскоре после 1797 г. Из одного письма Ал. Ив. Тургенева отцу из-за границы (в 1803 г.) видно, что после смерти Кутузова в Берлине остался долг в восемьдесят талеров. Это доказывает, что несчастный Алексей Михайлович умер в очень стесненных обстоятельствах.

Мысли Кутузова всегда имели серьезное и даже философское направление. Он, в силу своего характера, был молчалив, а настроение его нередко бывало мрачным. Вот почему в письмах его нет ни шуток, ни веселого тона. Он — человек вдумчивый, он — мыслитель, устремленный к мистическому созерцанию самого себя, своего внутреннего мира. Он вечно роется в своих мыслях, ища в них сорные травы и плевелы. Совершенствова-

ние себя, своего духа путем самопознания — вот цель его стремлений, вот постоянный предмет его забот: что бы он ни делал, ни говорил, он всегда возвращается к этому предмету. Такая односторонность свойственна ему более, чем другим, и, например, Лопухин, Тургенев, Новиков не были такими односторонними людьми.

Так, узнав, что Карамзин собирается издавать журнал, Кутузов писал Плещееву: «Ежели в нашем отечестве будет издаваться тысяча журналов, подобных берлинскому и Виляндову, то ни один россиянин не делается от них лучшим. Напротив, боюсь, чтобы тысяча таковых журналов не положили миллионов новых препятствий к достижению добродетели и к познанию самих себя и Бога».

Кутузов был способен весь отдаваться служению какой-либо идее, это видно из того факта, что он пожертвовал всем своим состоянием и карьерой, может быть, даже семейным счастьем ради масонских предприятий. Для того времени это явление редкое. Притом служение идее он связывал непременно со служением обществу; это ясно из того, что всяких пустынников и анахоретов, удаляющихся от мира и не служащих обществу, он считал тунеядцами.

Однако большой вред наносили Кутузову его слабохарактерность и неуравновешенность, часто заставлявшие его колебаться из-за неуверенности в своих силах. К ним надо добавить также его непрактичность, плохое знание людей. Так, например, его легко перехитрил и до конца пользовался его расположением такой подозрительный человек, как барон Шредер, личность, несомненно, темная, втершаяся в круг мартинистов по рекомендации из-за границы. Новиков быстро раскусил его и относился к нему холодно, а Кутузов принимает его под свою защиту и абсолютно доверяет этому проходимцу. Он клянется живым Богом, что Шредер «преисполнен богобоязненности», что сам он, Кутузов, не может сравниться с ним ни в каком отношении, будучи по сравнению с ним «мерзок и гнусен». Такое нежное отношение к человеку недостойному может быть объяснено отчасти его добротой и сердечностью, которые были отличительными чертами Кутузова. Он любил говорить друзьям голую правду, не умел «ласкательствовать» и был врагом всякой политики в

дружеских отношениях. И потому он пользовался любовью многих из тех, кто сталкивался с ним в жизни; это видно и по письмам его друзей ему в Берлин. Особенно трогательна привязанность и дружеские чувства к Кутузову его товарища по учебе, знаменитого А.Н. Радищева — чувства, сохранившиеся до конца их жизни, несмотря на разлуку и даже расхождения во взглядах. Радищев посвятил Кутузову оба своих сочинения: «Житие О.В. Ушакова» и «Путешествие из Петербурга в Москву». «Любезнейшего друга» своего сердца, Кутузова, хочет он оставить после своей кончины «в вожди» своим детям; дружба с Кутузовым является для него утешением в дни скорби и «надеяние... для успокоения». Несмотря, однако, на дружбу, взгляды Радищева и Кутузова резко расходились. Сам Кутузов в одном из писем говорит, что большую часть положений Радищева относительно религии и государственного управления он нашел противоположной своей системе. Особенно не нравилось ему то, что Радищев коснулся «некоторых пунктов, которые не подлежат к литературе», ибо критика нынешнего правления есть дело непозволительное. «Смело можно сказать, — пишет Кутузов в этом письме, — что из среды нас не выйдет никогда Мирабо и ему подобные чудовища. Христианин и возмутитель против власти, от Бога установленной, есть совершенное противоречие».

V

При разгроме московских мартинистов пострадал и Тургенев. В 1792 г. его спокойная жизнь была неожиданно нарушена: 11 августа за ним в Симбирск был послан подпоручик Иевлев с приказом доставить его в Москву для допроса по делу Новикова и Типографской компании. Для последней наступил роковой час, и почти все ее участники так или иначе пострадали за свою просветительскую и филантропическую деятельность, став жертвами подозрений правительства, напуганного французской революцией и книгой Радищева.

В Москве Тургеневу был предложен вопросник из восемнадцати пунктов, в которых он должен был объяснить свою масонскую деятельность и просить прощения, если в чем-то поступал

против закона. Его допрашивал князь Прозоровский, бывший когда-то его командиром в первой Турецкой войне. Он называет Тургенева «лукавым» в сравнении с простодушным князем Н. Трубецким; но в сравнении с Новиковым Тургенев, по мнению Прозоровского, «не так тверд», хотя «напоен совершенно роду мыслей Новикова».

После допроса Тургенев, в конце того же месяца, был сослан, в качестве наказания, в свое имение на безвыездное житье и оставался там до смерти императрицы Екатерины II, то есть четыре года (1792–1796).

С вступлением на престол императора Павла (6 ноября 1796 г.) судьба Тургенева резко меняется: 11 ноября 1796 г. ему разрешен въезд в столицы. 15-го числа того же месяца он получил чин д. статского советника и назначение директором Московского университета (1797–1803). 25 декабря 1796 г. Иван Петрович со всей семьей приехал в Москву (см.: Истрин. Архив Тургеневых, вып. 2, введ., стр. 21). Теперь наступил лучший и блестящий период в жизни Тургенева. Из бригадиров он переведен в статские советники и поселен в университете. Под его началом была канцелярия (пять человек), которая управляла всей хозяйственной частью университета. По отзывам Третьякова, чиновника этой канцелярии, Тургенев был «начальник добрый, честный и справедливый». Ему же была подчинена, естественно, и учебная часть: выбор преподавателей и профессоров, общее направление преподавания. Есть все основания полагать, что Тургенев старался придать университету тот «мартинистский» дух, который был характерен для деятельности новиковского кружка и Дружеского ученого общества. Так, в университетском благородном пансио-

А.П. Мельгунов,
основатель масонской ложи
в Ярославле

не воспитанники каждое утро, после молитвы, обязательно читали духовные песни и благочестивые размышления Штурма.

Тургенев способствовал также обновлению преподавательского состава, пригласив нескольких профессоров из Германии, например Шлецера-сына, Буле, Грельмана и других. В его доме профессора находили самый радушный прием. Он также посылал многих молодых людей за границу для завершения образования. В 1802 г. это были, например, Воинов, Двигубский, А.С. Кайсаров, Успенский и, немного раньше, М.И. Мудров. М.И. Невзоров, близко знавший Тургенева, называет его «добрым другом юношества» и говорит, что он многим молодым людям оказал благодеяния, открывая доступ к учебе, ободряя, награждая и даже, после выпуска из училищ, подыскивая должности и пути к благоустроенной жизни. Не без основания Тихонравов называет Тургенева «добрым и самым благонамеренным пестуном Московского университета». Узнав из слухов о предстоящей отставке Тургенева, молодой профессор Мерзляков почти с отчаянием сообщает об этом своим друзьям в Геттингене.

Как директор Тургенев был подчинен трем кураторам, с которыми нередко ссорился, особенно с Голенищевым-Кутузовым, видимо, из-за того, что тот хотел сделать университет военным, а университетский благородный пансион превратить в кадетский корпус. Кажется, кураторы и оклеветали Тургенева перед высшей властью, так что когда было образовано Министерство народного просвещения, то министр, граф Завадовский, относился к Тургеневу недоброжелательно. Он был недоволен им из-за какого-то «кабинета польской» и медленной установки шкафов, вследствие которой пострадали препараты. Потом (с 1802 г.) пошли слухи о коренном преобразовании университета, и положение Тургенева сильно пошатнулось. Почувствовав это, он пишет в Петербург Лопухину, просит его ходатайствовать за него перед министром Завадовским и перед Державиным. Когда же преобразование университета началось и вместо кураторов попечителем был назначен Муравьев, друг и товарищ Тургенева по университету, а должность директора была заменена должностью избираемого ректора, — Тургенев стал хлопотать или о назначении его сенатором, или о сохранении за ним получаемого жалованья (1875 руб. в год) в виде пенсии. Он пишет об этом и Лопухину, и Н.Н. Новосиль-

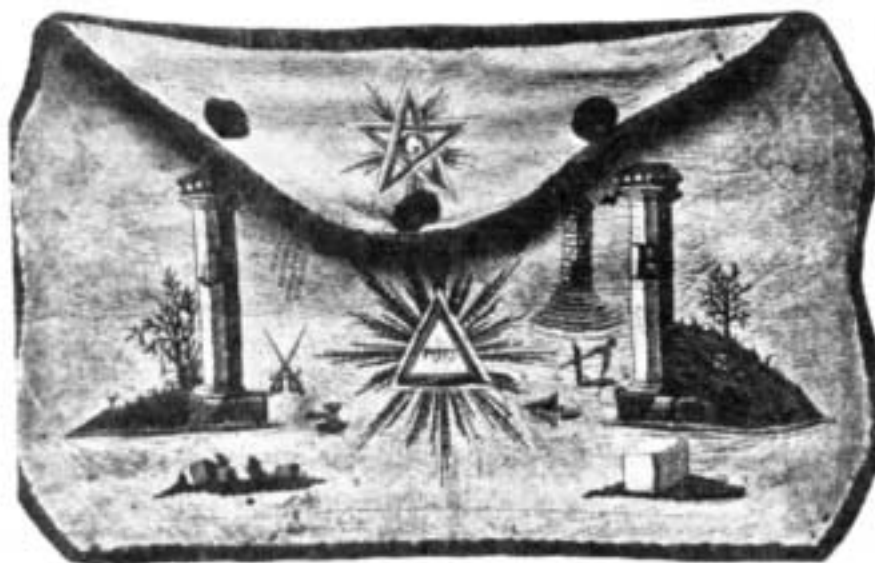
цеву, и Державину. В конце концов за ним сохранили его жалованье и, кроме того, дали ему чин тайного советника, но целый год (1803) ему пришлось провести в неопределенном положении и быть свидетелем коренной ломки университетских порядков. В отставку он вышел 21 ноября 1803 г. К служебным неприятностям добавилось большое горе, постигшее его 8 июля 1803 г. — смерть его старшего сына Андрея, его любимца, друга и почти что товарища. Так что когда он расстался с университетом и переехал в собственный дом на Маросейке, то здоровье его уже было подорвано. Отсюда начинается последний период его жизни, так сказать, постепенное увядание. Ему был 51 год, но здоровье его оказалось настолько непрочным, что в 1804 г. он опасно заболел. По видимому, вследствие тучности он был склонен к апоплексии, и хотя и выздоравливал, но в 1805 и 1806 гг., по совету врачей, ему пришлось лечиться в Липецке минеральными водами. Ему стало легче, он мог ходить, но органы речи у него были настолько поражены, что трудно было вести с ним беседу (см. письма Дмитриева и Жуковского к А.И. Тургеневу 1805—1806 гг.) В конце же этого (1806) года он, по свидетельству Жуковского, был очень слаб и собирался ехать в Петербург лечиться к тамошним медикам. Действительно, 25 января 1807 г. он выехал из Москвы со всей семьей и, приехав в Петербург, лечился у лейб-медика Франка. Впрочем, лечился безуспешно и 28 февраля скончался, очевидно, внезапно, от последнего удара апоплексии. Он похоронен в Александро-Невской лавре, на Лазаревском кладбище, рядом с любимым сыном.

Литературе и искусству Тургенев был предан так же горячо, как и мистическо-масонской философии, если не более. По крайней мере, давая показания князю Прозоровскому о том, что заставляло его участвовать в масонских собраниях, он говорит, что его влекло туда единственное желание иметь общество образованных друзей и узнавать там все, «до ученос-

Табакерка
(Музей Костр.
Арх. комиссии)

ти касающееся». Переводчик «Тайнств креста», Тургенев был в то же время центром, вокруг которого группировались, в пору его директорства и ранее, тогдашние московские литературные знаменитости во главе со «старостою» и «десятником российской литературы», то есть Херасковым и Карамзиным. У него первого встречали ласку и одобрение все начинающие писатели. Известно, что он вывез Карамзина из Симбирска и пристроил его в Переводческой семинарии новиковского кружка. Он же заметил и обласкал казанского купца Каменева, одного из первых представителей романтизма в России, предшественника Жуковского; а этот последний чуть ли не более всех обязан старику Тургеневу; недаром же он называет его своим отцом: «Он был живой юноша в кругу молодых людей, из которых каждый готов был сказать ему все, что имел на сердце, будучи привлечен его прямотушием, отеческим участием, веселостью, простотой». Судьба окружила юность Жуковского людьми самыми чистыми и праведными; кружок Андрея Тургенева лелеял молодость поэта-романтика, направляемый дружескою рукой старика Тургенева. В этом кружке, и особенно в семье Тургеневых, формировались черты нравственного облика Жуковского; отсюда он заим-

Масонский запов
из собр. Д.Г. Бурьлина

ствовал умственные и нравственные черты; именно старик Тургенев указал ему главнейшую цель жизни: нравственное самосовершенствование. Таким образом, имя масона-Тургенева навсегда сохранится в истории русской поэзии; его семья была гнездом, из которого вылетели первые русские романтики — Андрей Тургенев и Жуковский. Друг юности и школьный товарищ Тургенева, М.Н. Муравьев, изображает его как идеал истинно свободного человека, который скуку жизни украшает учением, дух которого исполнен любовью к истине, любовью к красоте и который «без гордости велик и важен без чинов, на пользу общую всегда, везде готов». Как человек, Тургенев производил на всех прекрасное впечатление, и даже желчный Вигель говорит о нем с похвалой, называя его «честнейшим человеком», а Лопухин называет Тургенева «самым ближним другом... коего память всегда пребудет любезна всем его знавшим и любящим добродетель»²⁶.

Масонская грамота

Семен Иванович Гамалея

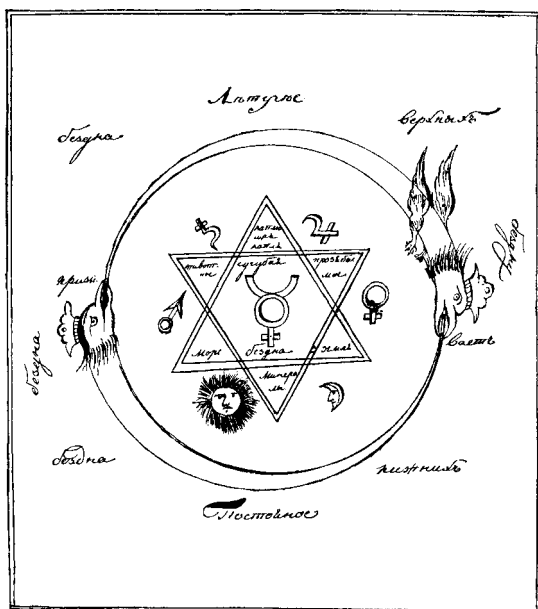
Большое общественное дело требует как вождей, одухотворяющих своей энергией и инициативой целое движение, так и работников, беззаветно отдающих все свои силы общественному благу. Эти работники так же важны, так же нужны для дела, как и вожди. Нередко они выносят на своих плечах самую тяжелую часть работы. Семен Иванович принадлежит к числу подобного рода деятелей, к числу симпатичнейших членов новиковского кружка, и на его жизни с особым удовлетворением может остановиться историк.

С.И. Гамалея был сыном священника из маленького городка Полтавского полка, из местечка Китай-город. Он родился в 1743 г. и умер в 1822 г.²⁷ После смерти отца Гамалея, в 1755 г., поступил в Киевскую академию, обучался в ней около десяти лет, изучая философию и богословие, и по спискам 1765 г. он уже числился в отлучке из Академии, находясь в Петербурге (Акты и документы,

относящиеся к Киевской Духовной академии, отд. II, т. III, стр. 270). Видимо, его семья имела некоторые средства, потому что молодой бурсак жил в съёмной квартире. Кое-что он зарабатывал в старших классах, занимаясь кондициями. Во время его пребывания в академии произошла одна история, в которой Гамалея принимал активное участие. Вдова переводчика Стефаненкова подала в 1763 г. жалобу префекту академии Мельхиседеку Орловскому на четырех студентов философского факультета, обвиняя их в краже у нее дров. По ее показаниям, один из воров, Гамалея, открыл калитку двора. Префект приказал двоих студентов высечь розгами, а двух других, в том числе Гамалея, лишил кондиций, чем всем им «навел немалое бесчестие». В жалобе пресвященному на своего префекта студенты указывали на то, что он подверг всех их наказанию, не принимая никакого оправдания. Между тем все они живут на хозяйских харчах, имеют квартиру с отоплением, а потому префекту Орловскому, «яко учителю философии, можно здравым умом рассудить», что им дрова совсем не нужны, тем более, что они не находятся ни под каким подозрением. Студенты просили выдать им за причиненные побои и бесчестие «удовольствие». За своих товарищей вступились все студенты философского класса, подав митрополиту жалобу на этого префекта. Перед этим они с перфектом имели бурное объяснение, причем тот назвал их бунтовщиками и сам перестал ходить в академию. Студенты угрожали, в случае отказа в удовлетворении их жалобы, коллективным уходом из академии. Дело было передано в консисторию. Финал этого студенческого бунта неизвестен, но, во всяком случае, философы продолжали учиться (там же, стр. 24–36).

Трудно сказать, что вынес из академии С.И. Гамалея для своей будущей просветительской деятельности. Известно только, что он учился в академии как раз в то время, когда она начала освобождаться от старой схоластики, а в курс философии был добавлен раздел по философии Бавмейстера, одного из умеренных представителей школы Лейбница—Вольфа. Около середины 60-х гг. были проведены реформы курсов богословия и других наук, но это произошло уже в конце пребывания в Академии Гамалея (Серебреников. Киевская академия с середины XVIII в., стр. 141 и след.).

Во всяком случае, у Гамалея на долгое время сохранилось приятное воспоминание об alma mater. Очень важно, что стремление к просветительской деятельности в молодом Гамалея сказывается уже вскоре после окончания академии. Из Киева он переехал в Петербург и здесь служил учителем в Морском кадетском корпусе. В 1769 г., узнав, что в родной бурсе организуется библиотека, Гамалея посылает туда три книги, одна из которых имеет масонский характер. Так же он поступает в следующем году, прося «удостоить милостиво принять» в библиотеку еще несколько книг, причем старый бурсак именует своих молодых товарищей «милостивыми государями, любезными о Христе братьями, жителями великих киевских бурс селений» (Акты Академии, стр. 462).

Из розенкрейцеровских рукописей, принадлежавших А.П. Мельгунову (из собрания С.П. Мельгунова)

Гамалея недолго был учителем в кадетском корпусе. Вероятно, около середины 70-х гг. он переходит на службу к графу З.Г. Чернышеву, назначенному тогда наместником Белоруссии. При Чернышеве Гамалея исполняет очень важные обязанности начальника канцелярии. В 1782 г. граф Чернышев был назначен московским главнокомандующим и взял с собой Гамалея на ту же должность в Москву. Тот факт, что Семен Иванович был начальником канцелярии обширного

наместничества, бесспорно, указывает на его большую деловитость. Это же подтверждается и его общественной деятельностью. Вскоре после смерти Чернышева Гамалея оставил службу и целиком отдался общественной и масонской деятельности.

До нас дошло не много сведений о личности Гамалея. В распоряжении Лонгинова были довольно подробные материалы, характеризующие личность и частично деятельность Семена Ивановича.

Отличительной чертой С.И. Гамалея являлись доброта и бескорыстие в сочетании с глубокой религиозностью. Эти черты характера объясняют прозвище, данное ему друзьями: «Божий человек». Бескорыстие его доходило до такой степени, что он отказался даже от предложенных ему в качестве жалованья за хорошую работу в Белоруссии трехсот душ крестьян. Говорят, что, отказываясь от них, Гамалея сказал, что он не знает, как управиться с одной своей собственной душой, а потому не может принять на свое попечение еще триста чужих.

Этот рассказ соответствовал взглядам Гамалея на владение людьми. Их отражение, иногда в намеках, встречается в его письмах. Так, он пишет одному из своих корреспондентов: «По содержанию письма Вашего от 31 января честь имею донести, что я не отправлял никакого человека в Москву, ибо я не имею никого, кроме себя».

В Москве Гамалея сошелся с Новиковым и Шварцем. Это знакомство состоялось еще до перехода Гамалея в Москву на службу. Поселившись здесь, он полностью отдался филантропической и литературной деятельности. «Он решительно презрел все земные блага и приносил все на жертву своим чувствам и убеждениям, помышляя лишь о ближних и стремясь к тому, чтобы одерживать духовными подвигами победу над собою и страстями своими». С одной стороны, в нем проявляется стремление к аскетизму: он старается до минимума сократить свои потребности для того, чтобы раздавать остатки сбережений бедным, говоря при этом, что каждая побежденная привычка есть «шаг к свету». Отчетливо выступает в нем любовь к ближнему. Его обокрал слуга, а когда беглеца поймали, Гамалея отпустил вора и вернул ему отобранные у него деньги. Будучи бедняком, он приносил «Дружескому обществу» свой труд и свою моральную силу. Между прочим, именно он особенно заботился о первоначальном направлении и образовании питомцев «Дружеского общества» (Лонгинов, стр. 161). Отдавшись масонской деятельности, Гамалея настолько сближается с Новиковым, что становится

как бы его двойником, неразлучным товарищем во всех предприятиях не только новиковского кружка, но и самого Новикова. Вот несколько фактов, которые характеризуют эту сторону деятельности Гамалея.

В 1784 г. в Москве была учреждена «Типографская компания». Среди четырнадцати ее членов мы встречаем и Гамалея (Лонгинов, стр. 217). Он не только был членом компании, но вместе с Новиковым, Лопухиным, Кутузовым, бароном Шредером и двумя князьями Трубецкими состоял в Правлении делами компании (Лонгинов, стр. 218). Очевидно, и в компанию Гамалея был введен как свой человек, на деятельность которого Типографская компания могла рассчитывать совершенно определенно. Он и князь Енгальчев стали членами компании без денежных взносов (Лонгинов, стр. 219). Гамалея выполнял еще одну очень важную функцию в компании: через него московский главнокомандующий граф Чернышев передавал компании свои пожелания об издании тех или иных книг (там же, стр. 229). Известно, что один из членов компании барон Шредер хотел купить в Москве дом, выплатил задаток, но потом запутался в делах и не смог выплатить всю сумму. Тогда компания купила этот дом от имени некоторых своих членов, и купчая была совершена на имя князя Ю.Н. Трубецкого, Лопухина, Новикова, Чулкова и Гамалея (там же, стр. 240).

Это и был известный Гендриковский дом, в котором в скором времени сосредоточились благотворительные учреждения компании и типография. Этот дом был заложен компанией в Опекунском совете (там же, стр. 241). И здесь нужно предположить, что Гамалея явился участником покупки дома, не имея средств. Активное участие в управлении всеми делами компании в известной мере подтверждается и тем, что Гамалея жил в Гендриковском доме (там же, стр. 242). Дружеское общество обращалось к Гамалею в важнейших актах своей деятельности. Так, он принимал активнейшее участие в направлении питомцев Дружеского общества. Ему же была предоставлена очень важная обязанность составить план путешествия Карамзина. И признательный ему Н.М. Карамзин во время своего путешествия постоянно переписывался с Семеном Ивановичем (Тихонравов. Сочинения, т. III, ч. II, стр. 96; Русский вестник, 1862, т. XXXVIII,

стр. 747). Нам представляется очень вероятным предположение Лонгинова о том, что московский главнокомандующий Чернышев выразил свое одобрение и согласие на устройство предложенной Шварцем переводческой, или филологической, семинарии при Дружеском обществе именно по представлению Тургенева, Лопухина, Гамалея и других (Лонгинов, стр. 181). Это предположение можно еще более укрепить, приняв во внимание близость Гамалея к Чернышеву, а также то, что Гамалея не только принимал деятельное участие в переводческих трудах при Новикове, но и впоследствии постоянно возвращался к

Масонский крест
(собрание П.И. Щукина)

переводческой работе, переводя мистические сочинения уже не для печати, а так, по привычке. Поэтому думается, что Гамалея принимал наиболее деятельное участие в этом замысле Шварца и мог более других способствовать благосклонному отношению к этому начинанию московского главнокомандующего.

В качестве человека, приближенного к Типографской компании, Гамалея, наряду с другими, принимает участие в переводе с немецкого мистических книг, которые печатались в тайных типографиях (Лонгинов, стр. 097). Вообще, его деятельность самым тесным образом сливается с деятельностью Новикова, настолько, что, по словам последнего, со стороны Лопухина и других масонов упреки в бездеятельности по отношению к орденским занятиям относились не только к Новикову, но и к Гамалея: «Все подозревали нас в холодности, обоих в нехотении упражняться в упражнениях Ордена и тому подобное» (Лонгинов, стр. 109). Везде, где имеет место масонская деятельность Новикова, там вместе с ним выступает и Гамалея. Так, мы видим его в

числе тех людей, от которых Новикову было поручено получить подписи на прошении в Берлинский розенкрейцерский капитул для принятия русских масонов в розенкрейцерство (Лонгинов, стр. 199). Его же мы видим в числе первых розенкрейцеров после учреждения этого Ордена в Москве Шварцем (Лонгинов, стр. 176). Вообще, к Шварцу Гамалея относится с великим благоговением, считая себя, очевидно, его учеником. В одной масонской речи, посвященной Шварцу и произнесенной в Петербурге в 1820 г., ее автор припоминает слова брата С.И. Гамалея, сказанные им о Шварце еще в 1785 г.: «...Он бдением и трудами достиг, что нам даны великие познания, ручался за нас, должны мы и потомство возблагодарить за его труды и освобождение нас от тьмы и приносить моления за обрadowание души его».

В среде самого масонства Гамалея был одним из старших масонских братьев и принимал участие в управлении московским масонством, входя в состав главного капитула вместе с бароном Шредером, А.М. Кутузовым, князем Н.Н. Трубецким, Н.И. Новиковым, И.В. Лопухиным, князем Ю.Н. Трубецким и И.П. Тургеневым. Гамалея был основателем и «великим мастером» масонской ложи в Туле (Записки Свербеева, т. I, стр. 30). Кроме того, судя по росписи, составленной самим Новиковым, Гамалея имел какое-то отношение к другим провинциальным ложам, по крайней мере, к некоторым из них: Новиков, отговариваясь незнанием о состоянии дел в Могилевской и Казанской ложах, ссылался на то, что сведения о них могут быть у Гамалея (Сб. И.П.И.О. II, стр. 149).

Кроме участия в главном капитуле и в управлении провинциальными ложами Гамалея управлял ложей в Москве. Находящийся в следственном деле список управляемой Гамалея ложи, вероятно, и есть список ложи Девкалиона, которая, как известно из других источников, находилась под управлением Гамалея. Эта ложа состояла, по-видимому, из пятнадцати человек, в число которых входили: Г.М. Походяшин, В.И. Баженов, А.Ф., Н.А., И.Ф. Ладыженские, Н.О. Сафонов, барон И.П. Черкасов, В.Н. Кочубей и другие. Трудно что-нибудь сказать о тех людях, которые входили в управляемую Гамалея ложу. Все они, во всяком случае, не слишком родовитые люди в не-

высоких чинах. Может быть, такой состав этой ложи не является случайностью. Судя по тому, что сам Гамалея был, по-видимому, рабочим элементом среди масонов, — может быть, в его ложе собрались наиболее деятельные люди, тогда как в других московских ложах сосредоточились сильные покровители масонства. К сожалению, мы мало знаем о деятельности ложи Девкалиона. Она открылась 21 октября 1782 г. При открытии ее Гамалея произнес речь о плате за работу. В этой речи, помещенной в «Магазине Вольных Каменщиков» (ч. II, стр. 92), Гамалея задается вопросом о том, как проверить истекший год. По этому поводу оратор дает ряд нравственных поучений. «Роскошь, гордость, корысть, леность — суть тираны, держащие в узах бедного человека, самоизвольно предающегося их власти. Область их пространна, весь мир поработен ими». И только малое число мудрых ими не поработено. Далее он озвучивает мысль о необходимости думать о будущей жизни. Другую речь он произнес в той же ложе 3 февраля 1783 г. (Гешевский. Сочинения, стр. 253).

Но наиболее заметная сторона деятельности Гамалея заключалась не в исполнении масонской обрядности. Это был верный и неизменный друг Новикова, его постоянный соратник и советник. Без него Новиков не предпринимает ничего существенного. Можно наметить два круга советников, к которым обращается Новиков: с одной стороны, это старшие представители масонства, такие, как князь Ю.Н. Трубецкой, барон Шредер и другие, с другой стороны, интимный советник Новикова — С.И. Гамалея.

По-видимому, важнейшие документы и сообщения Новиков сначала обсуждал с Гамалея, а затем уже говорил со старшей братией. Так, например, велись все сношения с великим князем Павлом Петровичем. Даже более того, архитектору Баженову, передававшему вести от Павла Новикову, было запре-

Масонский крест
(собрание П.И. Шукина)

щено говорить об этом с кем бы то ни было из братии, кроме Новикова и Гамалея (Сб. И.П.И.О. II, стр. 118–120).

Из сказанного видно огромное значение Гамалея в просветительской деятельности новиковского кружка. Лонгинов задается вопросом о том, почему столь близкий советник и друг Новикова даже не был привлечен правительством к следствию. Он объясняет это тем, что Гамалея был беден, как Иов, смирен, в сношения от имени общества не входил, и вообще, его сочли жертвой новиковского обмана (Русский вестник, 1859, т. XXII, стр. 374). Предположение довольно верное, требующее лишь того уточнения, что екатерининское правительство вообще не расширяло, а суживало контингент привлекаемых к следствию лиц.

После разгрома новиковского кружка Семен Иванович поселился в принадлежавшем Новикову селе Тихвинском, где провел безвыездно долгие годы сельского затворничества, прожив здесь почти тридцать лет. Так заканчивалась деятельность этого в высшей степени интересного человека. К сказанному можно добавить, что далеко не все стороны его деятельности нам известны. Мы уже упоминали о переводческой работе Гамалея. По свидетельству Лонгинова, Гамалея хорошо знал латинский, немецкий и некоторые из восточных языков; он перевел «невероятное множество мистических сочинений, по большей части не напечатанных, в том числе все творения Якова Бема в двадцати двух томах» (Лонгинов, стр. 163). Это свидетельство пока трудно проверить. Но Гамалея действительно был усердным распространителем идей Бема. В изданных его письмах неоднократно встречаются упоминания о его переводческих трудах. Своим корреспондентам он рекомендует читать сочинения Бема, и некоторым из них посылает рукописные переводы этого философа. Посылая одному из корреспондентов перевод книги о «Тройственной жизни человека», автор письма говорит: «Желаю вам читать оную во славу Божию и в пользу вашу вечную, не сказывая притом никому о сей книге и не показывая ее никому». Между прочим, напомним, что в рукописях начала XIX в. встречается немало переводов Бема или выдержек из сочинений этого философа. С. П., автор статьи в «Библиографических записках», передает кратко описание одной такой рукописи, носящей заглавие:

«Серафимовский Цветник, или Духовный экстракт из всех писаний Иакова Бема». Эта рукопись, по преданию, составлена под руководством Гамалея и представляет собой тщательно отобранные выдержки из сочинений этого философа (Библиографические записки, 1858, т. I, стр. 136). До нас дошли и письма Гамалея к некоторым его корреспондентам, изданные в первый раз в 1832 г.²⁸ Для характеристики Гамалея они почти ничего не да-

Символическая картина
(собрание Румянц. музея)

ют, кроме указаний на его переводческую деятельность. Это довольно странная смесь христианской мистики и строгого аскетизма с воспоминаниями о тайной философии; избыточные цитаты из Священного Писания понимаются автором исключительно в мистическом смысле, и все его наставления верны идеологии Сен-Мартена и розенкрейцерства. По этим письмам можно судить о темах, которые интересовали Гамалея преимущественно в годы его тихой жизни в деревне. Вот некоторые из этих тем. В одном из писем Гамалея развивает мысль о том, что в человеке одновременно действуют «три мира»: «огненный», стремящийся к действию, владению, «наружный»,

пекущийся об имуществе, и «светлый» мир — о духе Христовом. Или он посвящает целое письмо вопросу о пользе молитвы, о суете мирской, о внутреннем общении с Богом, о кротости и смирении, о своей воле, о свете «натуральном» и божественном, о трудности обуздания скотской жизни, о «рассматривании» себя (по изд. 1836 г., т. II, стр. 16, 22, 53, 56, 89, 122, 139, 152; т. III, стр. 37).

На склоне лет в селе Тихвинском Семен Иванович вел жизнь аскета и строгого мистика. Жил он очень бедно, в холодной и сырой комнате, отличался любовью к бедным, раздавал милостыню и учил Священному Писанию тех, кто к нему обращался (Библиографические записки, 1859, т. II, стр. 80, Заметка Рябова). Из писем Гамалея видно, что в этот период он иногда нуждался: при всей его скромности ему приходилось занимать деньги (т. II, стр. 63), он болел, и тогда его не покидала мысль о смерти (там же, стр. 140). Но вообще в отношении к людям он был молчалив и казался суровым философом, представляя собой контраст более живому и впечатлительному Новикову (статья Афанасьева, Библиографические записки, 1858, т. I, стр. 180). До нас дошло довольно много об удивительно высоких нравственных качествах Гамалея. Все эти отзывы подтверждаются его письмами, которые проникнуты мыслью о необходимости нравственного самосовершенствования. Но старый киевский бурсак не без труда превратился в аскета: это превращение стоило ему борьбы. Впоследствии в одном из своих писем Гамалея утверждает, на основании своего опыта, что человек способен ко всему, то есть способен и к нравственному самосовершенствованию. Так и он сам некогда был склонен к «блудодеянию», но потом нашел в себе силы побороть все это.

И на склоне лет, как и в годы кипучей деятельности в Москве, Гамалея пользовался большим уважением окружающих, и особенно мистиков. Один из его учеников, Невзоров, с большим благоговением вспоминает уже в 1818 г. о деятельности Гамалея на пользу российского масонства. Влияние Гамалея и значение его в среде мистиков отчасти можно видеть по следующему случаю: небезызвестный мистик Лохвицкий в своих записках рассказывает, что 8 марта 1810 г. он видел во сне Гамалея и радовался, что видел Семена Ивановича (Терновский. Матери-

алы по истории мистицизма в России. Труды Киевской Духовной академии, 1863, стр. 170).

Наиболее подробные сведения об условиях жизни Гамалея на склоне лет в селе Тихвинском сообщает известный архитектор Витберг. По совету Лабзина он повез на одобрение Новикова проект плана храма Христа Спасителя. С некоторым волнением молодой архитектор ехал на свидание со старыми масонами. По рассказам Лабзина, он представлял их строгими и неумолимыми стариками, особенно Гамалея. Но эти ожидания совершенно не оправдались. В Гамалея Витберг нашел человека, исполненного любви и приветливости, хотя и говорившего мало и резко. Новиков с большим интересом отнесся к проекту храма, Гамалея — с большой холодностью. Новиков проявил живость, пламенность идеи, Гамалея — суровость мистика. «Всего лучше, — говорил архитектору Гамалея, высказывая свое суждение о проекте храма, — что вы расположили свой храм в тройственном виде; ежели удастся выработать вам, то это будет хорошо». Он несколько даже скептически относился к увлечению архитектора своим проектом, ценя личное самосовершенствование выше всего. «Ежели ваш проект будет избран, — говорил тоном строгого учителя Гамалея, — не опасаетесь ли вы тогда увлечься так вашими наружными занятиями и исполняя по совести, как верный сын отечества, сложные и трудные должности, что вы принесете им на жертву высшее, нежели чего они достойны?» В этом сказалось пренебрежение Гамалея мирскими успехами и его преклонение перед успехами духа.

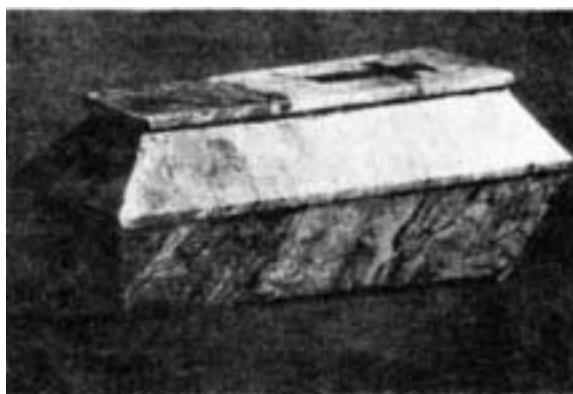
Строгость Гамалея сказывалась даже в мелочах: так, например, Витберг не мог уговорить его дать разрешение написать его портрет.

Стоическая строгость Гамалея и те высокие христианские идеалы, которые он приводил в жизнь, побуждали обращаться к нему таких людей, которые сомневались в истине христианской религии. Так, Витберг рассказывает о Карамышеве, первом муже жены Лабзина, что был человеком без веры. Ему советовали поговорить с Гамалея о бессмертии души. Карамышев встретился с Гамалея, будучи уверен в бессилии Гамалея убедить его. Видя перед собой «маленького старичишку», Карамышев в начале беседы едва удерживался от смеха, но затем «презрение мое за-

меняется вниманием, наконец переходит в уважение и с тем вместе я ему сказал: “Довольно”. Не прошло еще пяти минут, и он уже убедил меня вполне, несмотря на все предрассудки, с коими я пришел» (Записки Витберга, Русская старина, 1872, апрель, стр. 560–568).

Таков был этот один из оригинальнейших представителей старого русского масонства.

М. Довнар-Запольский

Масонский мраморный гроб
(Истор. музей)

Масонская грамота

Михаил Матвеевич Херасков

Среди русских писателей XVIII в. Михаил Матвеевич Херасков занимает особое положение: это единственный поэт-масон, который в то время считался — справедливо или нет, это другой вопрос — крупной поэтической величиной в литературе вообще, а не только в масонской. Люди, не имевшие никакого отношения к масонам, превозносили его как знаменитого, а иногда и как «первейшего» поэта своего времени. Вполне понятно, что при изучении масонства нельзя обойти молчанием этого забытого теперь писателя.

В истории масонства Херасков имеет значение как человек, как должностное лицо, облеченное довольно значительной властью, и, наконец, как писатель.

Кроткий по характеру, гуманный по взглядам, он представлял собой личность, как нельзя более подходящую для восприятия нравственных идей масонства.

И до глубокой старости сохранил он отзывчивость сердца, пытливість ума и удивительную трудоспособность. Он любил повторять характерную для него фразу: «Человек может состариться, но сердце его состариться не может». Современники изумлялись тому, что его творческие способности с годами не исчезали, не слабели. «Быв уже украшен сединой, с юношеской пылкостью играл на златострунной лире своей»²⁹. «Он и в самую глубокую старость, едва ли не восьмидесяти лет, — рассказывает про него И.И. Дмитриев, — всякое утро посвящал музам, в остальные же часы, кроме вечеров, любил читать... Я заставлял его почти всегда за книгой». Под влиянием одной прочитанной им книги он радикально изменил свои взгляды на сущность драматического творчества и с горечью говорил Дмитриеву, что сорок лет шел в этом отношении по ложному пути. «Надобно было видеть, — замечает, рассказывая это, Дмитриев, — разрушение во всех чертах лица и во всем составе, слышать дрожащий голос его, чтобы понять, как в эту минуту он меня тронул».

Что-то наивное, детское было в его «странностях»: «Кого он любил, тех, когда бывал с ними вместе, трогал пальцем, — например: встанет, подойдет к кому-нибудь и вдруг тронет пальцем, или, проходя мимо, то же делал»³⁰.

Некоторые его «странности» были связаны с определенными числами, которым Херасков, очень возможно, придавал какой-то мистический смысл.

Херасков очень мало тратил на себя лично, охотно помогал нуждающимся и, по словам одного биографа, не сказал «ни одного ядовитого слова насчет ближнего».

Его служебная деятельность почти целиком была посвящена Московскому университету. Двадцатидвухлетним юношей при основании университета в 1755 г. он был назначен ассессором конференции университета. (Родился он в 1733 г. Сам получил образование в сухопутном кадетском корпусе.) С 1763 по 1770 г. был директором университета, затем лет пять служил в Петербурге. В 1775 г. вышел в отставку и возвратился в Москву. В июне 1778 г. был назначен четвертым куратором при университете. Первыми тремя были: Шувалов, Ададуров и Мелиссино, которые жили в то время не в Москве, и фактически Херасков при-

нял на себя полное руководство университетом и состоящими при нем учреждениями: двумя гимназиями (дворянской и разночинской), типографией, книжной лавкой и т.д. Должность куратора он занимал до 1802 г. Умер он в 1807 г., через пять лет после выхода в отставку. Таким образом, в Московском университете он пробыл на службе тридцать лет. В 1775 г., а может быть и раньше, Херасков вступил в масонское общество. Вместе с князем Николаем Никитичем Трубецким, с которым он был близок, он принадлежал к рейхелевским масонам. Он же вел переговоры по поводу объединения рейхелевских лож с елагинскими. В Петербурге он познакомился и сблизился с Н.И. Новиковым. Получив 28 июня 1778 г. звание куратора Московского университета, он предложил Новикову арендовать университетскую типографию, и в начале 1778 г., в связи с этим, Новиков переехал в Москву, где и развернулась его общественная и просветительская деятельность. В августе 1779 г., по ходатайству Хераскова, Шварц получил место профессора в Московском университете. Пока Херасков был фактически единственным куратором, принимавшим активное участие в делах университета, Шварц пользовался там полной свободой действий и постоянно получал поддержку и сочувствие от Хераскова. Гонения на Шварца в университете начались с возвращением в Москву другого куратора, Мелиссино, который относился к Шварцу враждебно и в конце 1782 г. вынудил его уйти в отставку. Почти все просветительские мероприятия Новикова и Шварца осуществлялись при содействии Хераскова. Так, именно по его ходатайству при университете была учреждена «Переводческая семинария», проект которой был составлен Шварцем.

Тесно сотрудничал Херасков с Новиковым и Шварцем и в их работе по организации масонских лож. В конце 1780 г. он вместе с ними создал новую ложу «Гармония», в которую и вошел одним из первых членов. Когда в 1783 г. в России образовался и был утвержден «Златорозовый крест», Херасков вошел в небольшое число русских розенкрейцеров (девятнадцать человек).

В списке высших должностных лиц масонства за 1789 г. Херасков значился ритором при «Провинциальной ложе», то есть занимал такую же должность, как и Н.И. Новиков в «Управлении теоретическим градусом». Кроме того, они оба входили в

состав «Капитула провинции». Лонгинов считает Хераскова «одним из ревностнейших мартинистов». Тем не менее, когда над московскими масонами разразилась гроза, Новиков был заточен в Шлиссельбургскую крепость на пятнадцать лет (просидел четыре года), а Лопухин и Тургенев сосланы в свои деревни, Херасков не подвергся абсолютно никаким карам. Спас его Державин, который ходатайствовал за него перед фаворитом государыни, Платоном Зубовым. До нас дошло благодарственное письмо по этому поводу от Хераскова Державину (8 декабря 1791 г.). В этом письме Херасков прикидывается простачком, никогда и не слышавшим о масонстве; злые люди все на него наговорили: «Чудно мне, что некто враг мой вздумал оклеветать меня какую-то Мартинизмою, о чем я, по совести, ни малого сведения не имею. — Когда мне думать о мартинистах и подобных тому вздорах? Когда? — будучи вседневно занята моей должностью — моими музами — чтением стихотворцев, моих руководителей. — Введена на меня убийственная ложь, лишаящая меня чести».

Но и после этого некоторое время за Херасковым продолжали следить. 7 июня 1792 г. князь Прозоровский докладывал государыне, что Херасков поехал в подмосковную, что там он разбирал свои бумаги.

Переходим к его литературной деятельности. Печать масонства лежит на очень многих произведениях Хераскова. Возьмем, например, такой отрывок из оды:

Паду в слезах перед тобою —
Слеза сия есть сердца глас,
Что я не каждый день с тобою,
Не каждый занимался час.
Но кто же верность ей докажет?
Пускай другой придет и скажет:
«Я лучше добродетель чтил!»
В грехах на свете всяк родится;
Но мне вина моя простится,
Когда я ближнего простил.
.....
Творите добрые дела;
Друг друга искренно любите;
Коль зла терпеть вы не хотите,
Не делайте другому зла!

Все, чтущие добродетель, без различия возраста, — и старцы, и юноши, — приглашаются вступить «во храм, отверстый Благодатью».

Сединой старцы умашенны!
Когда вы правым шли путем,
Не молнией сует прельщенны,
Но Добродетели лучом:
С такую на челе печатью
Во храм, отверстый Благодатью,
Не сомневайтесь войти.
Как лозы, юноши, цветите;
Но Добродетель сердцем чтите,
Да краше будете цвести.

Обращает на себя внимание употребленное здесь выражение «молния сует»: в обряде посвящения в масоны есть любопытная подробность. «При спадении повязки с глаз посвящаемого он видел на мгновение вспыхнувший и сейчас же угасший свет»; «так проходит слава мира, все удовольствия тленной жизни, все радости земли!» — восклицал вития или мастер ложи»³¹.

Самым замечательным лирическим произведением Хераскова является известный гимн «Коль славен». В «Собрании образцовых русских сочинений» (часть I) гимн это назван «Переложение псалма 64», но в действительности в них мало общего. Гимн этот, получивший широкое распространение, по происхождению своему, несомненно, является масонской песнью, которая исполнялась в собраниях масонских лож³². Особенно характерную мысль мы встречаем в заключительной строфе:

О Боже! Во твое селенье
Да взыдут наши голоса!
И наше взыдет умиление
К Тебе, как утрення роса!
Тебе в сердцах алтарь поставим:
Тебя, Господь, поем и славим.

Из рукописи XVIII в.
(собр. С.П. Мельгунова,
приобр. у Ланге в Риме)

Две промежуточные строфы, которые при исполнении гимна сейчас часто опускаются, содержат намеки на застольный характер этой религиозной песни:

Тебя Твой агнец златорунный,
Тебя изображает нам!
...Ты нас трапезой насыщаешь
И зизждешь нам в Сионе град.
Ты смертных, Боже, посещаешь
И плотию своей питаешь.

В последних двух стихах можно увидеть намек на «трапезы любви», совершаемые масонами в воспоминание о Тайной Вечере. На этих трапезах происходило и причащение масонов.

В VII томе «Творений» Хераскова, где собраны его стихотворения, довольно значительная часть отведена «одам нравоучительным». Это рассуждения на различные нравственные темы, что видно и по заглавиям: «Добродетель», «Терпение», «Честь», «Умеренность», «Спокойство», «Правда», и т.д. Идеи, высказываемые здесь, по большей части не отличаются оригинальностью. Это все излюбленные в XVIII в. размышления о тщете земного, об истинной и ложной славе, о равенстве всех перед смертью.

Виньетка к поэме Хераскова «Владимир»

Счастье полагается в неустанном делании добра:

Все корысти в мире тленны:
Бисер, золото, серебро;
Делай и люби добро —
В нем все блага заключенны.

Не следует падать духом, не следует наводить уныние на других:

Любуйся прелестями счастья,
На светлый луч его гляди;
Но взором пасмурным ненастья
Другим сердцам не наводи...
Фортуна будто сон минется;
Но если мы разумно спим,
На сердце радость остается,
Коль счастье с ближними делим.

В другой оде, «Спокойство», читаем:

Когда твой дом обилен,
Со ближними делись;
Когда в народе силен,
О ближних ты пекись.

Эта филантропическая жилка — самая характерная особенность Хераскова как сочинителя од. Один раздел VII тома называется «Анакреонтические оды»³³, но напрасно было бы искать здесь прославления наслаждений жизни, как в «Анакреонтических песнях» Державина. У Хераскова и в этих одах та же проповедь воздержания и нравственного самосовершенствования. Анакреонтическими же Херасков назвал их, очевидно, не из-за содержания, а по их форме: в противоположность нравоучительным, они написаны белым стихом (без рифм) и, по большей части, трехстопным ямбом.

Из духовных стихотворений, напечатанных в Собрании сочинений Хераскова, обращают на себя внимание «Три главы из премудростей Соломоновых» и «Утешение грешных». В первом осуждаются те, кто ошибочно полагает, что мы рождены на свет случайно, что

Угаснет искра, тело будет
Единый пепел, хладный прах;

И мир со временем забудет
О нашей жизни и делах...
Цветы доколе не увянут,
Сплетем себе из них венец;
Да в сладость наши дни нам станут...

Такие рассуждения приводят подобных людей к черствости сердца:

Бессильных, праведных погоним
И добродетель утесним;
К старейшим слуха не приклоним,
Печальных вдов не пощадим.
К чему нам праведник полезен?
Злословит наши он дела;
И грех, который нам любезен,
Сей грех — в его устах хула...

Но Бог не потерпит нечестия и воздаст каждому по делам его.

Отвержен будет нечестивый,
И меж святыми не вмещен;
Гонитель кротких, горделивый,
От Бога будет отвращен...
Блажен, кто не был сладострастен,
Хотя плода и не принес;
Он будет жребия причастен
Счастливых жителей небес,
Кто подвиг к святости имеет,
Того благословится труд;
Как древо он цветет и зреет,
Плоды его не отпадут.

В стихотворении «Утешение грешных», написанном в виде песни, показательны даже названия отдельных глав: «Иисус всех грешников приемлет» (II гл.); «Порядок принятия грешников» (V гл.); «Что есть принятие» (VI гл.); «Умножает приемлемых». Последние строчки отдельных строф в каждой главе, как правило, совпадают, что еще больше подчеркивает песенный характер стихотворения. Указывает на это и заключительная строфа всего стихотворения. Кто любит Бога, тот исцеляет раны Спасителя, кто равнодушно смотрит на распятие, умножает Его муки. После этой мысли и идет заключительная строфа:

Исцелителя целите,
Люди! верою своей;
Плачем жажду утолите,
Страждет, страждет Агнец сей;
Раны током слез омойте,
Плачьте вы и плача пойте:
Распят, Боже, ты за нас,
На кресте и мы распнемся,
Да Твоими наречемся
Воскресенья в страшный час!

Наибольшим уважением у масонов пользовалась мистическая поэма Хераскова «Владимир». В первоначальном виде она была закончена в 1785 г., но потом тщательно исправлялась и дополнялась автором, и в третьем издании (1809) состояла уже из восемнадцати песен. «Ежели кто будет иметь охоту прочесть моего “Владимира”, — писал Херасков в предисловии к третьему изданию, — тому советую, наипаче юношеству, читать оную не как обыкновенное эпическое творение, где по большей части битвы, рыцарские подвиги и чудесности воспеваются; но читать как странствование внимательного человека путем истины, на котором встречается он с мирскими соблазнами, подвергается многим искушениям, впадает во мраки сомнения, борется с врожденными страстями своими, наконец, преодолевает сам себя, находит стезю правды и, достигнув просвещения, возрождается. Не учительским скучным голосом преподаю наставления, как достигать света истины; не с важностью проповедника, мне неприличною, возвещаю, как возродиться человек может; но в духе, свойственном песнопевцу, робкому песнопевцу, единственно о христианском просвещении Владимира поведаю, России просветителя и

Пламенеющая звезда

нареченного равноапостольным. Повесть важна, велика и восторгов достойна...»

Хотя автор и заявляет, что не хотел давать наставлений и читать проповеди, вся поэма проникнута характерной для масонства идеей необходимости нравственного возрождения. Противопоставляя «внутреннюю» церковь — церкви «внешней», масоны, как известно, большей частью к духовенству относились отрицательно. Они считали, что подавляющее большинство русского духовенства свое христианство выражает только в обрядах. Максим Невзоров писал: «Духовные сделались совершенными торгашами, стараются только умножить свои доходы...» Параллели таким мнениям щедро рассыпаны в поэме Хераскова:

Когда бы истинный людьми был познан Бог,
Роскошествовать бы жрец, ни сеять зла не мог:
Но там утратится благоустройства мера,
Где царствует обряд...

Многое в Ветхом Завете толкуется в поэме в переносном смысле. Греческий мудрец рассказал князю о том, как был создан человек и как он пал.

Преподал он царю преданий смысл буквальный.
Потом открыл и свет и дух во буквах дальний.
Святые письмена, он рек, есть тайный храм.
Яснее самых звезд премудрость скрыта там.
Во всю вселенную как крылья простирая,
Премудрость Божия преходит в край из края...
Тебе поведал я Адамово паденье,
Поведал грех его, поведал искушенье;
Но ведай, князь, и верь, что древо и Адам
Не есть никто другой, но все сие ты сам...
Тебе о том плоде, о князь, я возвестил,
Которым праотца лукавый змей прельстил...
Коварство, гордость, лесть, надменности ума,
Пороки скотские, болезнь и смерть сама,
Все крылось яко змий во плоде, только в малом;
И всякое добро своим убило жалом,
Единой не могло в плоде отравы быть,
Могущей из сердец надежду истребить.
От кающихся Бог не вовсе отвратился,
Он, весь надеждой став, *в сердцах у них светился...*

Затем мудрец рассказывает про два пути в жизни, по которым идут все люди. Один из них «цветущий», «ровный».

Там слава громкая с трубами смертных ждет,
Там гордость на полях кровавы лавры жнет,
Там золото, там пиры, там прелести плотские;
Но в вечный мрак ведут веселости такие.
Взгляни, о государь! на тесный путь Христов:
Он скользок; нет на нем ни золота, ни чинов,
Но в недра сам Господь идущего приемлет...
Есть стадо малое у пастыря сего,
Которое творца и чувствует и внемлет;
Но весь отставший мир под сенью смерти дремлет.

Читатель-масон легко мог под «стадом малым» подразумевать масонское братство. Герой поэмы — князь Владимир, как масон, проходит целый ряд ступеней богопознания. Узрел князь чудесный край:

Там лев покояся с невинным агнцем спит,
Колючка терн, созрев, не жалит, не вредит;
Там ястреб горлицу не гонит, не терзает;
Борей покоится, зефир струи лобзает.

Но князь, втайне руководимый праведным Законестом и добродетельным старцем Идоломом, не остался в этой роскошной долине. Владимир проходит эти «места прелестны».

Масонские символы

Преходит, следуя светильнику возженну,
И видит меж цветов тропинку проложону;
На все внимательный и тихий мечет взор;
То Законестов был отверстый первый двор,
Где в полной красоте казалася природа,
Толико скрытая *от мудрых и народа*.
Владимир малыя в преграде зрит врата,
Непроходима есть сквозь оны теснота,
Златыми буквами на них изображено:
Чье сердце чистою любовью возжено,
Кто в Боге хочет жить, в сии врата гряди;
Но грязный человек страшись и не входи.

От многого должен отрешиться человек, вступающий на путь спасения: от жажды славы, от чувственности, но самый ужасный бич человечества — это самолюбие.

Пороки, старясь, как тени идут мимо,
Но самолюбие вовек неизлечимо.

Те, кто во власти самолюбия,
Ни нежностей любви, ни дружества не знают,
Собой кончают мысль, собою начинают.

Кто хочет спастись, обязан «усыпить» это чудовище при помощи чудесного зеркала: совести.

Склонность к аллегориям и символам заметна у Хераскова и в других его произведениях. Такова, например, поэма «Селим и Селима», где описываются чувства слепого, который считает себя при слепоте своей счастливым, но потом он прозрел и узнал счастье, которого раньше и представить себе не мог. Поэма «Пилигримы», где Херасков хотел перейти на не свойственный ему легкий, шутливый тон, заканчивается типичной для масонов мыслью, что счастье не во внешних условиях нашего существования, а в нас самих, нужна не политическая свобода, а свобода духа.

Где ты, любезная, сияешь добродетель,
Там счастливы равно раб, пленник и владетель.

В поэме-сказке «Бахариана», где герой — Неизвестный — после длинного ряда приключений отыскивает и освобождает от власти злой волшебницы красавицу Фелану, следует, по указаниям самого Хераскова, видеть аллегорию. Неизвестный, плывущий в лодке, — это всякий человек, несущийся по морю житейскому в брэнной ладье бытия. Фелана — непорочность, которую скрывают от человека страсти — прельщения злой волшебницы; отыскать эту непорочность можно только при помощи истинного просвещения.

В заключение своей поэмы Херасков говорит:

Наша жизнь лишь только сказка есть,
Чудная и баснословная,
Где мечты и привидения
Появляются и царствуют,
Ум приводят в замешательство.

И в «Бахариане» находим мы всюду любимые нравственные идеи Хераскова. Все исчезнет, все позабудется, говорит он, все: «слава, пышность, сочинения», «мимо идут небо и земля»; одно только не исчезнет во веки веков: «добрые дела душевные». Интересны его размышления о случае, о бессмертии души и т.д.

В мире часто случай правит всем;
Что ж такое в мире случай есть?
Думаю, — то сила Вышняя,
Во громаде всей вселенной
Тайные пружины движущая,
Бытиями управляющая.

По поводу бессмертия души он рассуждает так: если в материальной природе ничто не исчезает совершенно, а только меняет внешний вид («Горы стертые времени рукой, но еще их существует прах»), то как же допустить возможность исчезновения души Петра Великого или разума Ньютона? В одах Хераскова мы встречаем мысль о «мировой» или, как он выражался, «всеобщей душе».

Высоких гор хребты сотрутся,
Столпы порфирны распадутся,
Престанет океан кипеть;
А что былинку оживляло,
Леса и волны составляло,
Сия всеобщая душа
Жить будет, узы разреша.

Бесспорно, Херасков с полным правом мог бы отнести к себе слова Гнедича: «Ни словом единым бессмертной души не унижил».

Из повестей Хераскова наиболее интересна первая — «Нума Помпилий, или процветающий Рим», где описан идеал доброго и просвещенного государя. Несмотря на то, что эта повесть написана была в 1768 г., когда Херасков еще не был масоном и не чуждался ра-

Масонская сумка
(Ист. муз.)

ционализма, в ней было высказано много взглядов, особенно ценных и характерных для масонов. Эпиграфом к повести он взял изречение: «Да памятуют все человеки, что они братья суть!»

Херасков уже и в это время отдает предпочтение внутренней религии, а не внешней церкви. Храм благодетельной Весты, как рассказывается в повести, «не имел гордых украшений и не блистал золотом и другими камнями, которые тщеславие и подлая робость обыкновенно божеству посвящают». У жрецов этого храма «доброе житие, попечение о неимуществующих и вспоможение бедным составляли лучшее упражнение». Не чужды мистицизму и идеям нравственного возрождения и другие повести Хераскова: «Кадм и Гармония», «Полидор».

Вряд ли кто из русских поэтов пользовался славой столь громкой при жизни и столь бесследно потом исчезнувшей, как Херасков. Современники называли его «российским Гомером», поэтом «знаменитым», «великим» и т.д. Карамзин в 1787 г. в письме к Лафатеру называл его лучшим из русских поэтов. Перечисляя своих любимых авторов в стихотворении «Поэзия», он указал только одного русского (все остальные были англичане и немцы), и этот один — Херасков. В кружке Жуковского Андрей Тургенев развивал мысль о том, что Херасков принес больше пользы русской литературе, чем Карамзин, который привлек внимание читателей к предметам малозначительным, отучил смотреть на литературу как на средство внушения важных и серьезных мыслей. Один из поклонников автора «Россиады» так описывал удовольствие, доставляемое чтением этой поэмы: «Прочитавши “Россиаду”, воображаем, что мы прогуливались в прекрасном саду, где природа и искусство истощили дары свои, где различные деревья и цветы, одни других приятнее, пленяли наши взоры, услаждали обоняние. Мы не знали, на чем остановиться, чему отдать предпочтение: все на своем месте, все цветет и благоухает! Выходя оттуда, обещаемся снова насладиться таким удовольствием» (Труды Общества любителей российской словесности, ч. I, 1812).

Необходимо, впрочем, отметить, что Хераскова гораздо больше уважали, чем читали. Этим объясняется тот факт, что, несмотря на свою знаменитость, престарелый поэт долго не мог найти издателя для своей «Бахарианы». Мало читали и Семена Боброва, единственного заметного в поэзии последователя Хе-

раскова³⁴. Его поэмы «Таврида» («Херсонида») и «Древняя ночь вселенной» содержат целый ряд возвышенных и благочестивых мыслей. Вторая поэма, «Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец» (1807–1809), особенно близка творчеству Хераскова. Автор рассказывает о скитаниях в поисках истинного света одного слепца. Это, конечно, аллегория. «Главнейший предмет поэмы, — говорит автор, — истина бессмертия души». Как и у Хераскова (например, в поэме «Селим и Селима»), слепец в конце концов прозревает. В 1810 г. Бобров умер; после его смерти некоторые журналы, обсуждая его литературную деятельность, отозвались о ней пренебрежительно, а через пять лет дошла очередь и до славы его учителя Хераскова, который умер еще в 1807 г. В 1815 г. статьи Строева и Мерзлякова поколебали авторитет Хераскова, а затем ему стали совершенно отказывать в поэтическом таланте. Пренебрежение к нему, порицание, иногда довольно ожесточенное, с тех пор стали в порядке вещей.

За последние годы отношение литературоведов к нему стало несколько справедливее. Когда начались нападки на автора «Россиады», один из его защитников замечал: «Кто не знает, что бросают камнями в те деревья, на которых много плодов». И, без сомнения, как незаурядный деятель на пользу русского просвещения, как высоконравственная и гуманная личность и, в особенности, как самый выдающийся у нас поэт масонства, Херасков заслуживает большего внимания, чем ему обычно уделяют.

И. Розанов

Масонский запов
(из собр. Д.Г. Бурьлина)

Масонская грамота
(Нац. библ. в Париже)

МАСОНСКИЕ СИСТЕМЫ

«Единственная мечта масонства есть, быть счастливыми».
Магазин Свободных Каменщиков. 1784, ч. I, стр. 33

«Братья, гоните мрачность и страх,
Света ищите в ваших сердцах».

Сборник масонских песен под заголовком «Песни», № XXIV

I

«Орден Свободных Каменщиков» является всемирным тайным братством, поставившим себе целью вести человечество к достижению земного Эдема, золотого века, царства любви и истины, царства Астреи.

Исходя из мысли, что никакие общественные отношения не могут даровать всемирного благополучия людям, коих не томит жажда всеобщего блага, коим неведомо чувство любви к страждущему ближнему, — Вольные Каменщики полагали достичь рая на земле путем нравственного, умственного и физического совершенствования каждой отдельной личности. Наподобие каменщиков, которые заботятся о том, чтобы привести к совершенству каждый отдельный камень, обтесать его, обработать и затем уже приступить к кладке здания, — Вольные Каменщики должны были обращать внимание на воспитание в духе орденового учения каждого товарища по Ордену. «Масонство — это перевоспитание взрослых человеков», — говорили масоны и мечтали, в более или менее отдаленном будущем, создать в обществе большинство, которое, будучи проникнуто масонскими идеями, помогло бы установить взаимоотношения, основанные на любви, ко всему людскому роду. Тогда, уверяли масоны, сами собой отпали бы, как обветшалые и уродливые, формы взаимоотношений, основанные на себялюбии.

Потому-то первым и обязательным условием для принятия в «Орден Вольных Каменщиков» было стремление к свету. При посвящении «профана» в каменщики в начале обряда он именуется «ищущим».

Сами масоны именовали себя строителями духовного храма премудрости в сердцах человеческих; учение свое они почитали преисполненным духом Христовым. Эти мысли ярко выражены в песне:

«Если дух твой благородный,
Возвышаясь к небесам,
Есть тот каменщик свободный,
Что сердечный строит храм
Богу сил для поклоненья
И без мрачного сомненья
Работает в простоте,
Молился о постоянстве,
О духовном христианстве,
О телесной чистоте,
И когда живое слово
Мог он в сердце ощутить,
Царствие обречь Христово...
И в себе его вместить...»

«То без отрицанья можно
Христианином не ложно
И тебя признать тогда!»

Длительное существование масонского ордена, широкое распространение его учения среди различных народов привели, однако, к постепенному расколу первичного чистого масонства. Как течение общественное, длительное, оно постоянно видоизменялось, принимая то одну форму, то другую, и распалось на множество направлений, в которых более или менее была затемнена основная мысль. Эти различные направления названы системами.

Отдавая дань времени, подчиняясь иногда властной воле отдельных личностей, масонство восприняло учения мистиков, теософов, алхимиков. Первоначальный принцип непротивления злу уступал другому, резко от него отличающемуся, позволявшему борьбу со злом с помощью силы.

В самом лоне масонского братства шли распри, разгоралась борьба, и река масонства разбивалась на множество ручьев, каждый из которых имел свое течение и свои особенности. Поэтому о масонстве и нельзя говорить, как о чем-то целом, неделимом.

Говоря о средствах, которыми пользовались Вольные Каменщики для проведения в жизнь своих идеалов, приходится говорить о различных системах и объяснять их.

Выдающиеся по духу и жизни братья Вольные Каменщики в поучениях своих нередко отмечают досадные разногласия среди собратьев, скорбят о том, что споры касаются даже высшей цели Ордена, о которой споров уже «никоим образом быть не должно». «Мнения разных братий о высшей цели Ордена столь разнообразны, что описать оныя во всех оттенках их так же трудно, как многообразную зелень полей, лугов и лесов, когда весенний ветер навевает на них тени облаков, или как мнения людей о высшем благе», — восклицает один из масонских вождей.

II

Масонская идеология не была чем-то своеобразным. Этические начала, проповедуемые Вольными Каменщиками, свойственны и другим нравственным учениям. Своеобразность уче-

ния Вольных Каменщиков заключается в том, что они проводили в жизнь свои гуманитарно-философские идеи, воплощая их в целом ряде символов и обрядов. «Символ предоставляет мысли свободу, простор; догмат сковывает, подчиняет», — разъясняли масоны-риторы.

«Язык в ложах наших иносказательный», — говорили масоны. И действительно, были установленные условные наименования не только для предметов, имевших отношение к обрядам, но и к внутреннему распорядку, к обиходу. На этой-то терминологии Вольных Каменщиков я остановлюсь подробнее для большей ясности последующего изложения; попутно самым кратким образом изложу основы внутреннего устройства масонского ордена.

Невзирая на различия в системах, терминология и основы устройства были общими для всего братства.

Помещения, в которых собирались братья-Каменщики для своих занятий, назывались ложами. Ложами именовались также союзы братьев, отдельные замкнутые кружки, сплотившиеся в организацию. Для отличия каждой ложе присваивалось какое-нибудь название: 1) в честь людей, отличившихся святостью жизни, великими добродетелями; так, в России была ложа Святого Георгия и Моисея, Елизаветы к добродетели и Александра благотворительности к коронованному Пеликану, Петра к Истине и т.п.; 2) в память мифических божеств как выразителей различных идей — Осириса, Латоны, Изиды, Гигии, Кастора и Поллукса, Астреи, — были такие ложи и в России; 3) в память особо чтимых масонами символов Пламенеющей Звезды, Светоносного Треугольника, Феникса, Сфинкса, Орла, Пеликана, Солнца, Розы, секиры, меча и прочее; 4) иногда в напоминание какой-нибудь добродетели; так, например, в отечественную войну в русских войсках была военно-походная ложа «Военной Верности».

Работами Вольные Каменщики называли свершение различных обрядов, как-то: прием в Орден профанов и дальнейшие посвящения в более высокие степени; инсталляции, то есть учреждение и освящение новой ложи; столовые ложи, или братские трапезы; усыновление младенцев; траурные ложи в воспоминание об усопших братьях; административные, совещатель-

ные или семейные ложи и ложи поучительные. Под «работой» подразумевалось также стремление к просвещению и самосовершенствованию. Самопознание, самосовершенствование называлось «работой над диким камнем». Человек, погрязший в плотских страстях, необузданная воля, непросвещенный разум — все это понималось под диким камнем. Все работы должны были производиться каждым отдельно и всеми сообща. Поддержкой слабому брату была вся братская цепь. *Востоком* называлось высшее управление: «ибо Восток край избрания», откуда с седой древности «изливалась высшая мудрость». Под Востоком понимали также всякий город либо местечко, где проходили масонские работы; даже и в том случае, когда там и не было никакого высшего масонского правления, говорилось: «ложе Ключа к Добродетели на Востоке Симбирска», хотя в Симбирске работала всего одна ложа.

Конституцией называлась учредительная грамота, выдававшаяся ложам от высшего правления, или Востока. Она означала также законоуложения, масонские статуты и власть ограничительную, например, ложа Петра к Истине работает под конституцией Великой ложи Астреи, то есть под ее властью, повинуюсь ее законоуложениям.

Справедливой, совершенной признается всякая ложа, получившая право на существование от какого-либо высшего масонского правления, так, чтобы соблюдалась преемственность и она явилась бы новым звеном неразрывной братской цепи. В противном случае самовольно образовавшаяся ложа, как бы стары и правильны ни были ее уставы и списки обрядов (обрядники), называлась самочинной, незаконной, побочной.

Для учреждения совершенной ложи определенное число (большее или меньшее) Вольных Каменщиков подавали сообщая просьбу в Великий Восток о разрешении образовать ложу под таким-то наименованием и о выдаче устава и обрядников для работы в таких-то степенях. Рассмотрев просьбу, управляющий союзом отвечал согласием или отказом. В случае разрешения назначался день для освящения нового храма или ложи.

Инсталляция новой ложи производилась по особому утвержденному обряду самим управляющим союзом или его представителем. Громко зачитывается дарованная ложе конституция, в

которой названы: система, которой новая ложа будет следовать, язык, на котором будут вестись работы, название ложи и описание ее знака. Наконец, провозглашается избранный ложей девиз. Девизом определяется характер будущих работ. О такой, законно учрежденной, ложе циркулярно объявляется всем союзным и дружественным ложам, а также номер, под которым новая ложа будет числиться в списке лож.

Во главе каждой ложи стоял *управляющий*, *мастер* стула, *венераль*, *префект*, *настоятель*, *председатель*. Помощник управляющего назывался *наместным мастером*. Остальные должностные лица в ложах, или, как их именовали, *чиновники*, *офицеры*, *официалы*, были: *первый и второй надзиратели*, или *сюрвельяны*, *секретарь*, или *хранитель печати*, *вития*, или *ритор*, *обрядоначальник*, *приготовитель*, *вводитель*, или *брат ужаса*, *казначей*, или *казнохранитель*, *попечитель о бедных*, *милостынесобиратель*, или *стюард*, и *помощники его* — *диаконы*. Аталанами звались музыканты и певцы, они же — *братья гармонии*. Сыновья масонов носили название *луфтонов*, безразлично, были ли они сыновьями по рождению или по «масонскому» усыновлению.

Вход в ложу охранялся *братом-служителем*, *привратником* или *кровельщиком*.

В зависимости от сложности обряда состав должностных лиц увеличивался: были *герольды*, *канцлеры*, *хранители*, или *блюстители*, *храма*, *короны*, *лампады*, *меча*, *наугольника*, *хоругви*, *шпор* и т.д.

Управляющий целым союзом лож величался *Гроссмейстером*, то есть *Великим мастером*, *Гермейстром*, *Обермейстером*; если же союз подчинялся высшему орденскому правлению, заседавшему в другой местности или в другом государстве, то он именовался *областным*, или *провинциальным*, а стоявший во главе его мастер — *Провинциальным Великим мастером*. В 1772 г., например, от «главной Английской ложи был назначен Великим Провинциальным мастером Иван Перфильевич Елагин» для всего союза русских лож, подчинявшихся Великой ложе Англии.

При наличии большого числа лож для большего единства и порядка ложи образуют одну Великую ложу, или высшее управление. Это управление затем выделяет «директорию», «орден-

ский совет», «капитул» и тому подобные учреждения высшей правящей власти. Все ложи, объединившиеся под управлением одной Великой ложи, называются союзными, или объединенными, и имеют одинаковое внутреннее устройство.

Устройство Великих лож бывает: 1) иерархическое, и тогда оно представляет власть верховную, учредительную и законодательную; 2) представительное, конституционное, ограниченное основным законоположением союза. Великая ложа обычно учреждалась в главном работающем центре масонства данной страны и обзаводилась особым постоянным помещением для своих собраний. Иногда заседания происходили поочередно в помещениях союзных лож.

В масонской ложе

Великие ложи заключали друг с другом *конкордаты*, то есть условия взаимоотношений. Такой конкордат был даже напечатан в 1817 г. двумя Великими ложами России³⁵.

В масонском союзе существуют: всеобщие основные законы, или установления, имеющие силу для всего ордена в целом; особые законоположения, или уставы, для каждого союза лож, и част-

ные законы для каждой ложи. Были еще тайные инструкции для управляющих и должностных лиц, наконец, «должности» для «наблюдения за всеми посвященными» в таинства Вольных Каменщиков или в какие-либо определенные степени. Эти должности означали правила жизни; соблюдение их предписывалось законами, исполнять их клялись на Евангелии, мече, наугольнике. Так, например, система Строгого послушания предписывала «безусловное, слепое повиновение», степень мастера иоанновских лож — «любовь к смерти» и т.д. (см. рис. на стр. ³⁶).

В своих законоположениях масоны стараются быть консервативными. Однако законы, время от времени, подвергаются пересмотру, причем исправляются в мелочах, согласно требованиям времени, но коренной их смысл не меняется. Памятником законоположений русских масонов может служить напечатанное в 1818 г. Уложение Великой ложи Астреи, вышедшее на французском и немецком языках³⁷: образцом договоров ложи может быть «Акт взаимных отношений» двух Великих русских лож, Астреи и Провинциальной, того же времени. Следует пояснить еще, что союз Вольных Каменщиков иногда называют братством, собратством, а иногда Орденом. Старейшим первоначальным названием было «братство»; название «орден» возникло позднее, в середине XVIII в., с образованием высоких степеней.

В масонской ложе

Коренными, основными степенями масонства считаются три: ученическая, товарищеская и мастерская. В символизме этих степеней заключены все нравственные положения учения Вольных Каменщиков. Все учение сводится к умственному и духовному развитию человеческой личности. Покровителем этих степеней почитается святой Иоанн Креститель как проповедник духовного возрождения, и главным торжеством считается Иоаннов день, 24 июня, являющийся общим орденским праздником. В честь Высокого Покровителя степени называются иоанновскими и служат основой всех систем. Число степеней в различных системах неодинаково, их бывало пять, семь, девять, тридцать три, девяносто девять. Как видим, обычно их нечетное число, и все эти числа имеют особое значение в символике Вольных Каменщиков.

Три степени, непосредственно следующие за иоанновскими, обычно называются шотландскими, на основании предания о зарождении их в этой стране³⁸, и андреевскими в честь своего покровителя Андрея Первозванного, патрона Шотландии. В большинстве систем с высокими степенями шотландские степени служили переходом к рыцарским, тамплиерским или розенкрейцерским. В шотландских степенях начинались работы умозрительные³⁹, более или менее относившиеся к области герметической философии и теософии; в них же воспитывались «насадители» учения Вольных Каменщиков; пропаганда масонства возводилась в должность. В рыцарских, воинствующих степенях посвященные готовились быть борцами со злом мира в различных его проявлениях. Наконец, степени Креста и Розы наставляли каббале, магии и даже практическим алхимическим работам.

III

Системы назывались в честь страны и государства, в котором зародились и развились. Так, существовала система английская, французская, шведская; иногда системы назывались в память главного организатора и инициатора: известны система Фесслера, Сен-Мартена, Циннендорфа, Шредера, Мелиссино и другие. Наконец, наименование системы могло указывать на цель и ха-

раक्टर работы: таковы были, например, названия систем «Духовного рыцарства» Лопухина, «иллюминатов», то есть просветленных, Вейсгаупта, «розенкрейцеров», то есть Розы и Креста. Роза — символ вечности материи, возрождающихся сил природы, над познанием законов которых работали розенкрейцеры; крест — символ духа, истинное происхождение и назначение которого розенкрейцеры также стремились познать. Наконец, существовали и случайные наименования систем — от первоначального места собрания, например, «клермонская система».

Нет возможности перечислить все существовавшие до наших дней системы и хотя бы вкратце изложить историю их образования, преобразований, разветвлений; для этого потребовалось бы большее количество страниц, нежели то, которым я располагаю в данном очерке. Предыдущие очерки уже ознакомили читателя с историческим ходом развития и распространения масонства на Западе и у нас, я же выделю лишь некоторые системы.

Многие из систем почти не оставили следа, быстро отцвели, «яко цвет сельный», другие же властно собирали себе сторонников во всех государствах.

Так, чрезвычайное, почти всемирное распространение получила древняя английская система, почитавшаяся всеми истинными Вольными Каменщиками за чистоту своего учения, простоту обряда и внутреннего распорядка.

Какова была цель английского масонства, английской системы, не приходится повторять; положения основных заветов собратства Вольных Каменщиков приведены в первых строках этого моего очерка.

Деятельность английских лож сводилась к благотворительности и взаимной дружбе, то есть нравственной и материальной поддержке; просвещение сердца и ума должно было наполнять их работы.

На первых же порах в английском собратстве явно обнаруживается стремление «расширить пределы царственной науки».

Сильно распространившись на островах Великобритании, английская система перекинулась на материк Европы и быстро завоевала ее государства; она проникла и в Россию, по преданиям, при Петре Великом. На основании же документов пока с достоверностью можно лишь сказать, что правильно организованные ложи английской системы работали уже в 1731 г.

Ковер 3-й степени иоанновского масонства. Т.С.

В первом томе издания (см. фронтиспис) было приведено символическое изображение английского масонства, приносящего вселенной мир. Могучая сила масонства представлена полубогом греческих мифов: Геркулес, вооруженный палицей, с наброшенной на правое плечо шкурой побежденного им царя зверей льва (победа над звериным царством, грубой нравственностью, мраком неведения и фанатизмом), держит в приподнятой правой руке масличную ветвь, символ мира и культуры. Изображение храма

премудрости виднеется в привешенном медальоне; там же представлен человек, пронзенный лучом сияющего солнца истины, то есть учения Свободных Каменщиков.

В Англии 20-е гг. XVIII в. были, в основном, годами преобразования, очищения древнего масонства. Ремесленные обычаи строительных лож получали смысл духовный, нравоучительный; старые законоположения приспособлялись к требованиям времени, к характеру нравственно-философского сообщества, и в 1723 г. в Лондоне был издан свод установлений под заголовком «Книга масонских конституций Андерсона»⁴⁰.

Веками существовавшие правила строительных лож были приняты и духовными каменщиками. Так, посвящаемый обязывался верить в Бога и любить ближнего, под каким бы именем этот ближний ни призывал Всевышнего (то есть признавалась полная веротерпимость); в обязанность вменялись: почитание государя, помощь чужестранному брату и т.д.

Отголоском веротерпимости английской системы служит всемирная молитва, признававшаяся еще и в XIX в. русскими масонами английских лож. В ней имеются поистине великие по своим идеям строки:

Отец, которого чтут все языки,
Во всех веках, во всех странах,
Кого святой мудрец и дикий
В различных славят именах!

Рабочие инструменты строителей не забылись, они были превращены в *драгоценнейшие* клейноды — символы высшей общественной нравственности.

Ритм известной масонской песни в честь руководителей работ воскрешает звуки стука давно смолкнувших молотков древних каменотесов, с благоговейным трудом возводивших храмы во славу вечной истины. Слова мудрости и красоты вливают руководители в сердца братьев Вольных Каменщиков, молоток — власть убеждения над сердцами, в представлении масонов. В иоанновских, трехстепенных ложах брата пели:

«От Востока принимайте
Слов животных сладкий звук.
Так удары повторяйте,
Чтоб в сердцах был слышен стук,

Чтобы стук сей троекратный,
Силой бодрой, непонятной
Умертвя собор страстей,
Свет открыл любви лучей.

Тьма на Западе глубока,
Если солнце не взойдет,
Луч приемля от Востока,
Вы на нас лиете свет.

Братья верны, продолжайте,
Быть столпами всех работ,
Бодро Запад украшайте
И с трудов собирайте плод.

Пусть вовеки раздается,
Пусть и в вечность понесется
Звук священных молотков,
Сила звука, сила слов».

Над созиданием английской системы и ее одухотворения трудились три ученых мужа: выдающийся естествоиспытатель, член Королевской академии наук Теофил Дезагюлье, богослов Джеймс Андерсон и археолог Георг Пайн.

Первоначально отличительными цветами иоанновского масонства были золотой и небесная лазурь; отсюда и название английского трехстепенного масонства «голубое масонство».

Управление в ложах установилось выборное; его составляли мастера и надзиратели союзных лож с выборным Великим мастером во главе. Все дела решались большинством голосов.

Когда в России была учреждена Великая Провинциальная ложа, подчинявшаяся Англии, организация ее была такой же — это было в 1772 г. Елагин отмечает понравившееся ему легкое управление английской Великой ложи: «Все общие английской Великой ложи постановления предписуют нам не частную, единого человека власть, ниже каких-либо и где-то неизвестных начальников, но начальство легкое, равносильными голосами братьев, управляющих частными ложами и составляющих ее собрание, уважаемое».

Свидетельством зависимости русских лож от Великой ложи Англии служит диплом, выданный сенатору Ивану Перфильевичу Елагину. Диплом Елагина хранится в Санкт-Петербургском

государственном архиве Министерства иностранных дел; он написан на пергаменте, подклеен синим шелком и окаймлен золотым плетением.

Этим дипломом И.П. Елагин был утвержден в звании Великого Провинциального мастера всех Российских лож, работавших по английской системе. Назначение Елагина на столь ответственный пост было окончательно утверждено в Лондоне, в собрании восьмидесяти четырех лож 28 февраля 1772 г.

На этом дипломе имеется подпись Гроссмейстера Великой ложи Англии герцога Генриха Соммерсета, герцога де Бофора, занимавшего эту высокую должность с 1767 по 1772 г.

И.П. Елагиным учреждено в России до двадцати лож по английской системе, для которых им выдавались учредительные грамоты.

В томе 1 издания помещена фотография с подлинной учредительной грамоты, выданной И.П. Елагиным в 1772 г. петербургской ложе «Муз». В верхнем левом углу грамоты подлинная подпись Елагина. Символические изображения на печати, а также те, которые служат украшением грамоты, обычны для иоанновских степеней: шнур братства — циркуль разумного труда, союз и единение в пожатии рук, наугольник совести и закона, отвес — равенство всех членов ложи перед масонским законом. Буквы П.В.М. означают: Провинциальный Великий мастер, а П.В.С. — Провинциальный Великий секретарь.

Подобно диплому, присланному И.П. Елагину из Англии, грамота для ложи Муз написана на пергаменте и подклеена голубым шелком. Обращает на себя внимание разрешение Елагина работать во многих степенях, что являлось уже отклонением от первоначального строгого трехстепенного масонства.

Действительно, хотя со временем, под влиянием общего увлечения высокими степенями, многие ложи Англии признали некоторые высокие степени, но под наименованием *английской системы* по-прежнему подразумевается *трехстепенное, символическое масонство*.

Упомяну о первой высокой степени, принятой английскими ложами.

К началу 50-х гг. была введена степень умозрительного масонства под названием «Королевская Арка». Насколько эта сте-

пень приобрела значение в глазах многих членов собратства Вольных Каменщиков, видно из девиза, начертанного на ковре этой степени: «Nulla salus extra».

Доступ к посвящению был ограничен. «В эту высокую степень не принимать никого, кроме людей наилучшего образа мыслей и воспитания, чистосердечных, великодушных, благородно мыслящих и истинных друзей человечества, которые прошли через три пробные степени и председательствовали в качестве мастеров, имевших должность», — гласит второй параграф законов 1782 г. Тогда как для вступления в иоанновскую ученическую степень достаточно было поручительства одного Вольного Каменщика, за вступающего степень «Королевской Арки» должны были поручиться не менее двух членов, уже посвященных в эту степень. Закономерность работ признавалась лишь при семидесяти девяти членах, не более. Следовательно, число посвященных было ограничено.

О цели и занятиях это первой высокой степени английской системы узнаем из капитулярного окружного послания 1782 г.

Диплом на звание Великого Провинциального мастера, выданный Великой ложей Англии в 1772 г. И.П. Елагину (Гос. арх.). Т.С.

ко всем членам «Королевской Арки». «Цель умозрительного масонства — работать над всеми науками и искусствами, насколько способен к тому человеческий рассудок в этой несовершенной жизни», — объявлялось в этом послании; в нем же разъяснялось, что степень включает в себе столько отделов, сколько существует наук и искусств; преподавание, поучение велось так же, как и в символических степенях, иероглифически: были условные знаки и слова.

В своей среде все посвященные должны были соблюдать «единство, мир и согласие», они же обязывались никогда не сходить «с пути чести и добродетели», но быть «сияющими примерами всего, что есть высокого и доброго». Величая степень «Королевской Арки» венцом, вершиной масонства, английские Каменщики в пояснениях ее значения вновь возвращаются к мечтам иоанновского масонства: «чтобы великие благие примеры (подвизающихся в делах света и истины) были настолько многочисленны, что смогли бы соединить весь человеческий род в едино стадо великого пастыря души». Этими же разъяснениями уточняется отличие степени Королевской Арки от иоанновских: задача работ расширяется, посвященные должны не только при-

готовлять для грядущих поколений «царство Божие на земле и искать его в собственных сердцах», но и призываются к поиску небесного Эдема за вратами смерти, «к приуготовлению себя к тем торжественным таинствен-

Печать Великой ложи Англии
Йорк, 1776–1779.

ным явлениям вечности, о которых мы хотя и не можем составить себе понятия с нашими человеческими способностями, однако можем быть уверены, что найдем в них бесконечные предметы высочайшего наслаждения для нашей просветленной эфирной части, то есть для духа нашего, для коего на земле нет ничего непрестанного, вечного, на чем мог бы он успокоиться».

Как мы видим, степень Королевской Арки явилась резким уклонением от иоанновского масонства в область мистики; она зародилась не в Англии, а была привнесена из Франции, из клермонской системы, и позднее, на английской уже почве, подверглась преобразованиям и дополнениям в духе рыцарских степеней.

Собрания степени Королевской Арки назывались капитулами, так же как и помещения, в которых проводились ее работы. Цвет одежд был красный, и главное действующее лицо обрядов, представлявшее библейского «Зоровавеля», было одето в алое сукно, подбитое пурпуром и опушенное черным мехом.

IV

О клермонской системе, породившей вообще высокие степени в Ордене Вольных Каменщиков, нельзя не привести некоторых сведений.

К середине XVIII в. в западноевропейском масонстве происходит большое изменение: над первоначальным простым английским масонством нарастает и быстро прививается масонство многостепенное. Многие сотни ревностнейших братьев искренне уверовали в недоступную человеческому разуму «сверхнатуральную силу» высоких степеней, одно посвящение в которые даровало безграничную власть над природой и духами. Обрести «ключ к тайнам природы», сделаться повелителями сил природы было так бесконечно заманчивым и, главное, вернейшим средством переустройства мира в самом близком будущем на благо всему роду человеческому!..

Обрядность, учение высоких степеней постепенно ткались многоцветными нитями теософии, магии, каббалы, мистики, пиетизма, политики по старой основе мудрости великих философов древности, и формулы заклинаний, клятвы верности и откровений древних мистерий слились с воинственными кликами духовного рыцарства Средневековья, с политическими расчетами древнейших времен. Первая многостепенная система известна под названием «клермонской», и рождение ее приписывают партии изгнанного английского короля Иакова II Стю-

арта. Король долгое время жил во Франции, близ Парижа, в Сен-Жермене и зачастую искал отдохновения и успокоения духа в Иезуитской Клермонской Коллегии. Вроде бы здесь и зародились высокие степени собиравшейся для тайных работ коро-

Семигранная медаль

в ознаменовании союза ложи «Св. Алек. Шотланд.» с ложей «Общ. Договор»

левской ложи; направленность работ была мистическая с примесью политики. Иначе и быть не могло, потому что в большинстве своем члены ложи являлись сторонниками Стюартов, изгнанными якобитами. Первой высокой степенью в собратстве Клермонской Высокой Коллегии, то есть королевской ложи, была степень Шотландского мастера. За ней следовали: 2) Избранный рыцарь Орла; 3) Знаменитый рыцарь храма; 4) Высочайший рыцарь Божий. Позднее названия степеней несколько изменились, а их число увеличилось: 1) Шотландский мастер; 2) Избранный мастер; 3) Рыцарь Востока; 4) Рыцарь розового креста; 5) Рыцарь тройственного Креста; 6) Рыцарь царственного киота (Королевской Арки, или Царственного архитектора, как называется иногда эта степень, впоследствии вошедшая в состав и других многостепенных систем). Девизом высоких рыцарских степеней был клич первых крестоносцев: «Божья воля» (Dieu le veut). Устройство и обрядность имели большое сходство со свойственными средневековым духовным орденам.

V

Вскоре клермонская система послужила основой для образования известнейшей системы «Строгого послушания», внесшей великий разлад в сообщество Вольных Каменщиков. Образовалось два враждебных лагеря, и приверженцы староанглийского масонства были названы защитниками «Слабого послушания», «*Observantia lata*».

Система Строгого наблюдения «*Observantia Stricta*» почитала себя прямой наследницей средневековых Рыцарей Храма. Основанием для такого утверждения было предание о том, что во время уничтожения Ордена Храмовников несколько рыцарей спаслись в Шотландии и там продолжали работы истребленного Ордена. Цепь великих орденмейстеров никогда не прерывалась, и организация и таинства блестящего воинствовавшего ордена передались по наследству избранным братьям из числа шотландских Вольных Каменщиков.

Исследователи истории распространения масонства в XVIII в. еще до сих пор не пришли к согласию по поводу начального образования высоких степеней. Возникновение системы Строгого послушания, заменившей в очень многих ложах свободу английской системы, большинство исследователей связывает с именами Гунда и Рамзая, очень известными среди Вольных Каменщиков.

Михаил-Андрей Рамзай (1681–1743), шотландский баронет, был известным писателем-историком и публицистом; он видел в масонстве великую силу, способную овладеть миром. В своих мечтах он отождествлял масонский союз с «народом высших интеллектов»; в его представлении Орден должен был соединить всех людей науки и искусства. Однако «вольность» английских лож, отсутствие властного руководителя, вернее, повелителя, который бы по личному усмотрению мог руководить братством, отсутствие строгой дисциплины — вот что казалось Рамзаю помехой в развитии орденских работ. Живя почти постоянно во Франции (где он даже был обращен в католичество знаменитым архиепископом Фенелоном), Рамзай в подробностях ознакомился с системой Клермонской Коллегии и задумал влить в нее хра-

Медаль в честь основания ложи
«Общественный Договор»

мовничество, то есть ввести часть организации и все, что сохранилось от учения знаменитого Ордена Храмовых Рыцарей. Являясь некоторое время близким доверенным претендента Карла-Эдуарда (претендента на англий-

скую корону), как воспитатель его сыновей, Рамзай словно бы старался ввести в масонство элемент политики и привлечь сторонников к Стюартам, лишенным короны. Как бы то ни было, но в высоких степенях Строгого послушания, в соответствии со стремлениями Рамзая, отразилось желание дать пищу уму, привлечь интеллекты, а организация была преобразована по образцу храмовнической.

В этих работах Рамзаю помогал в начале 40-х гг. барон Г.В. фон Маршалл, член Тюбингенской масонской ложи. Новообразованная система, впоследствии насчитывавшая тысячи членов, впервые обнаружилась в Саксонии, где была учреждена по ее обряду первая ложа «Архимеда».

Окончательно разработано Строгое послушание было бароном Карлом Гутфельдом фон Гундом, уроженцем Лузании (родился в 1722 г.), членом Парижской Клермонской Коллегии. Ритуалы приняли особо блестящую форму, из уставов Клермонской Коллегии и уцелевших статуты храмовников была составлена новая конституция. Всего ступеней было установлено шесть, три — иоанновские, четвертая — Шотландский мастер, пятая — Послушник и шестая — Рыцарь храма трех отделов: *Eques* (рыцарь), *Socius* (товарищ), *Armiger* (оруженосец). При посвящениях в рыцарские степени, отличавшихся необычайным величием, давались девиз и орденское имя, под которым в орденскую книгу и записывался вновь посвященный. Сам Гунд носил прозвание рыцаря меча — «*Eques ab Ense*».

Гунд в большой степени обладал умением влиять на умы, подчинять своему мнению и своей воле, хотя не отличался выдающимся умом. Честный и добродушный, из богатой дворянской семьи, Гунд был натурой увлекающейся и со страстью отдающейся своему увлечению. Масонское учение его увлекло, неразгаданная таинственность поразила легко возбуждаемое воображение, а первые успехи в Ордене пробудили тщеславие.

Получив патент на звание Гермейстера Строгого послушания для всей Германии, Гунд приложил много усилий для распространения новой системы, что ему и удалось. Вскоре большая часть германских лож подчинялась ему. Устав Строгого послушания отличался большой строгостью: он требовал беспрекословного повиновения младших членов старшим и всех членов вообще

главе Ордена или же неизвестным высшим властям. Кроме того, предписывалась полная обособленность от собратств Вольных Каменщиков других систем, то есть нетерпимость возводилась в закон.

Имея стремление к распространению новой системы среди всех народов, руководители нового движения предварительно разделили всю Европу на девять провинций: 1) Арагонию; 2) Оверн; 3) Лангедок; 4) Лион; 5) Бургундию; 6) Бретань; 7) Эльбу и Одер с Прусской Польшей, Лифляндией и Курляндией; 8) Рейн, По, Тибр со всей Италией и Сицилией; 9) Грецию с Архипелагом. Все провинции должны были делиться на епархии, а епархии — на командорства, что, однако, не было сделано полностью. 60-е и 70-е гг. поистине могут считаться расцветом системы Строгого послушания; многие сотни масонов уверовали в происхождение масонства от Ордена Храмовников и к староанглийской системе относились с недоверием, породившим распри в лоне Ордена.

В 1764 г. был созван первый великий съезд приверженцев Строгого наблюдения в Альтенбурге, затем последовал целый ряд интересных съездов: в Коло в 1772 г., в 1773 г. в Берлине, затем в Брауншвейге в 1775 г., и в 1782 — в Вильгельмсбаде.

На съезде в Коло заместителем Гунда в звании Обермейстера был избран герцог Фердинанд Брауншвейгский, член многих лож различных систем, высоко уважаемый Вольными Каменщиками различных толков. Герцог в союзе «Строгого наблюде-

Медаль, выбитая в честь Камбассареса, Гроссмейстера Шотландского философского ритуала. Портрет отличается, по уверению современников, сходством

ния» носил имя *Equus a Victoria*. Более широких взглядов, нежели Гунд, герцог лелеял мечту объединить масонов всех систем и потому принял меры к сближению с ложами иных направлений.

Конвент в Берлине должен был работать именно в этом направлении и действительно выработал некоторые положения для предупреждения в будущем резко враждебных выступлений сторонников различных систем.

Берлинский конвент примечателен не только содержанием работ, но своим личным составом: было создано двадцать семь Великих Каменщиков обоих главных направлений масонства (то есть Слабого и Строгого наблюдения) — «мужи» высокого положения в области государственной, общественной деятельности и в науке. Председателем съезда был избран принц Брауншвейгский Фридрих-Август, которому активно помогал известный мистик Иоганн-Христофор фон Вельнер. В орденских делах председатель нередко назывался *Equus a leone aureo*, а секретарь — *Equus a cubo*. Представителем системы *Observantia Stricta* был принц Гессен-Дармштадтский, Людовик-Георг Карл, а системы *Observantia lata* — герцог Мекленбургский, Георг-Август.

Через девять лет проходил Вильгельмсбадский съезд, чрезвычайно важный в истории системы Строгого наблюдения и в истории масонства России.

Была циркулярно разослана обширная программа работ предстоявшего съезда, так как решению подлежало много вопросов, важнейшими из которых были: выяснение истинного происхождения системы Строгого наблюдения; отношение вольного масонства, как самостоятельной, обособленной, замкнутой организации, к правительствам разных государств; установление обрядов и обычаев, поднятие значения Ордена выбором соответствующей деятельности.

Съездом было постановлено, что Вольные Каменщики несравненно древнее храмовничества, которое лишь временно хранило в своем Ордене учение великой мудрости, дошедшее до него из тьмы веков. Но Орден Храмовников был одним из звеньев не разрывавшейся никогда цепи великого знания, орден сохранил и передал тайные знания потомству, в чем и заключается его значение. Эту-то связь древнего масонства с храмовничеством должна была представлять степень «Благотворительных Рыцарей», которой поручалось управление тремя иоанновскими степенями. Степени символического масонства и степень Шотландского мастера были утверждены съездом, требники просмотрены и

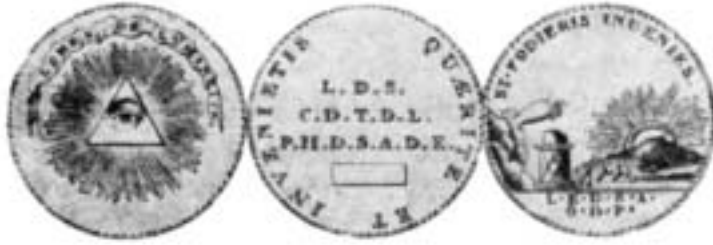
частично исправлены. Из провинций, на которые первоначально была разделена Европа, руководителями системы Строгого послушания были ликвидированы три за бездействие: Арагония, Бретань и Лион, утверждены две новые и одна оставлена свободной. Новый список был таков: 1) Нижняя Германия, Пруссия и Польша; 2) Оверн; 3) Аквитания; 4) Италия и Греция, 5) Бургундия и Швейцария; 6) Верхняя Германия; 7) Австрия и Ломбардия; 8) Россия и 9) свободная для Швеции.

Не все ложи, принимавшие участие в съезде, признали его постановления. В числе недовольных, главным образом, оказалась Швеция, в которой господствовала так называемая шведская система, организованная по системе Строгого послушания и отождествлявшая себя с храмовым рыцарством. Когда конвентом было отвергнуто тождество масонства с храмовничеством и работы по шведской системе были запрещены на трехлетний срок, приговору съезда Швеция не подчинилась; вскоре отказались повиноваться решению конвента и многие другие ложи, непоколебимо стоявшие за храмовое рыцарство. Хотя система Строгого послушания и разбилась, но осколки ее остались, и эти-то осколки глубоко вонзились в другие системы. Мы встречаем Строгое послушание в двух системах, игравших выдающуюся роль в России на протяжении нескольких десятилетий; я имею в виду розенкрейцерство и шведскую систему. Обе эти системы проникли в Россию к началу 80-х гг. XVIII в., приобрели огромный круг последователей и не прекратили своего существования после запрещения масонских собраний в 1822 г.

VI

Очерк деятельности московских розенкрейцеров выделен в особую статью, — биографии выдающихся розенкрейцеров, или мартинистов, как их именовали в России, уделено также значительное место, а потому я не буду в подробностях касаться истории системы Златорозового креста, но более подробно остановлюсь на шведской системе.

Решением Вильгельмсбадского конвента Россия была признана самостоятельной провинцией Ордена, восьмой по счету,

Медали в память основания ложи «Св. Александра Шотландского»

зависимость ее от Швеции, столь неудобная правительству императрицы Екатерины II и столь тягостная для большинства русских масонов, была уничтожена. Но с уничтожением подчиненности высшему шведскому правлению из русского обихода не исчезла шведская система, и увлечение ее учением спорило с увлечением розенкрейцерством.

При посредничестве известного своей выдающейся педагогической деятельностью профессора Ивана Григорьевича Шварца в Москве был учрежден Орден Златорозового креста. В 1782 г., согласно постановлениям Вильгельмсбадского конвента, организация системы была такова: первые три иоанновские степени — ученик, товарищ и мастер, одна высшая шотландская степень мастера и обособленно стоявшая в тайне от остальных Каменщиков, занимавшаяся многими работами Теоретическая степень Соломоновых наук. Именно из этой таинственной степени набирались члены розенкрейцерских лож.

Любопытен не оцененный еще исследователями факт существования лож Теоретической степени в России не только в XVIII в. при небывалом расцвете розенкрейцерства в Западной Европе и, в частности, в новиковском кругу в Москве, но и в царствование императора Александра I. Эти ложи работали втайне на протяжении тридцати лет и не примкнули к союзам, разрешенным правительством. На них я остановлюсь подробнее.

По толкованию франкмасонов, Теоретическая степень Соломоновых наук есть связующее звено между масонством и высшим братством избранных просветленных, то есть «внутренним орденом». В системах с высокими степенями такой внутренний орден существовал под различными названиями: в шведской системе он назывался капитулом просветленных, иногда Невиди-

мым капитулом, из которого выделялся орденский совет, то есть правление ордена, его верховное судилище и т.п. В системе «старого принятого шотландского обряда» он подразумевал три последние степени, включавшие администрацию ордена. Наконец, главным образом, под внутренним орденом разумелось Братство Златорозового креста, и Теоретическая степень была его преддверием. В ней занимались теорией алхимии, она же служила для переоценки всех масонских достоинств братьев. Являясь для братьев пробным камнем, она решала их дальнейшую судьбу: достойным открывались врата во внутреннее святилище премудрости, недостойных же предлагалось «на сей степени оставить и их свободно и беспрепятственно дальнейшей их судьбе предать». Прием, посвящение в эту важную степень предreshался без ведома намеченного к принятию брата: «Сего ради, — указано в орденских уставах, — должны теоретические братья сколь возможно дружелюбнее обходиться с масонами нижних степеней, и когда ложи в том месте находятся, яко братья-посетители в их собрания ходить, дабы они узнали, как воспитательное училище к общему благу работает, и дабы из среды их могли они извлекать лучших членов».

Знак ложи «Латона» XVIII в. в Москве (собр. гр. И.И. Толстого, СПб.). Т.С.

Итак, к принятию в теоретические философы избирались достойнейшие питомцы масонского подготовительного училища, иоанновские мастера; однако им предоставлялось время

пройти одну или две (смотря по системе) степени шотландского масонства, «дабы к философским работам способными сделать». В параграфе о принятии теоретических братьев постановлено, чтобы к приему не допускался никто, «кроме экосских старых мастеров, оказавших довольные опыты страха Божия, честности, человеколюбия и прилепления у премудрости». Без ведома намеченного экосского мастера происходила закрытая баллотировка в общем собрании теоретических философов, и избран-

ному большинством голосов «с надлежащей осторожностью делалось предложение вступить в эту степень».

В русских архивах сохранились многочисленные списки предметов занятий в степени теоретиче-

ских братьев, но многие из них написаны шифром и трудно поддаются толкованию: не всегда возможно угадать границу между иносказанием и действительностью. Таковы, например, подробнейшие описания «создания гомункула в хрустальных ретортах из майской росы и человеческой крови», предписания, «каким образом возможно вызвать злых и добрых духов и подчинить их воле человеческой», пространные лекции в виде диалогов между посвящающим и посвящаемым «о мироздании, о небесном мире, о Духе мира, всесильном, едино-великом Творце жизни», об элементах и, наконец, целая наука чисел. Теософия, мистика увлекали посвященных в бездонные глубины и из многих «сотворяли духовидцев». По выражению теоретических философов, каждый человек может достигнуть познания тайн бытия и лицезрения Творца Вселенной, развивая в себе особые способности ума и сильную волю при помощи духовных упражнений, самоуглубления, а также при выполнении целого ряда нравственных и физических правил жизни.

Присяга требовала поклонения Великому Творцу Вселенной, посвящения всех нравственных и физических сил, всех материальных средств и самой жизни службе ордену; прилежания в науках, дающих познание себя, природы и Творца.

В противовес светлому, красивому убранству лож иоанновского масонства и причудливой обстановке красных шотландских лож, ложи, предназначавшиеся для заседаний теоретических братьев, были мрачны, их отделявали черным сукном и черным шелком. Не привлекали взгляд золотые иоанновские клейноды давно забытых масонских работ: на столе бледно мер-

Знак ложи «Озирис» в Москве XVIII в.
(собр. гр. И.И. Толстого, СПб.). Т.С.

цали в семисвечниках тонкие восковые свечи, в крошечной пятиконечной солонке белела соль, символ премудрости. У входа в черные покои братья омывали руки в серебряной чаше, дабы забыть, хотя бы на время, мир и его прелести.

В 1821 г. в России была открыта последняя ложа Теоретической степени, работавшая в «большой сокровенности и тиши». Работы открыли граф Михаил Юрьевич Виельгорский и Сергей Степанович Ланской.

Впервые же степень «теоретическая» была введена в Германии в 1766 г., в известной ложе «Трех глобусов».

VII

Шведская система резко отличалась от английской: это не был великий всечеловеческий союз союзов, широко раскрывающий врата всем жаждущим света, всем стремящимся воздвигнуть храм человечества на опорах мудрости, силы, красоты. Пропуск строг, врата открываются лишь перед тем, кто может сказать: я — христианин по святому обряду крещения. Исключительно христиане могли искать посвящения в ложи шведской системы; следует еще добавить, что ложам различных государств предоставлялось право еще большего ограничения. При посвящениях ложи могли допускать лишь людей, исповедующих господствующую в стране религию. Были и другие обязательные условия для приема, но они, главным образом, относились уже к высоким степеням, так, например, посвящаемый в шестую степень должен был иметь в своей родословной не менее четырех поколений дворян, не принадлежать к Мальтийскому ордену, иметь достаточные средства и прочее, словом, в высоких степенях шведская система, по замыслу, была союзом богатого дворянства.

Обрядники связывают шведскую систему со средневековым Орденом Рыцарей Храма, обряды, таинства и заветы Храмовников якобы переданы масонам шведской системы через посредничество целого ряда лиц, сохранивших преемственность и непрерывность посвящения, потому-то, тогда как в чистом английском масонстве тайна масонства подразумевала первоначально лишь тайну символов, тайну нравственных положений, сменив-

шие тайны строительного искусства, тайны ремесленного цеха, в шведском масонстве особенно ярко и резко выдвигается именно обладание тайной, познать которую можно лишь в высших степенях.

Руководители шведского масонства конца XVIII в. утверждали, что им открыто тайное знание, Gnosis.

По одному преданию, передаваемому обрядами, Спаситель мира открыл избранным из среды апостолов тайну жизни и смерти, тайну бытия, творения и Творца; им же сообщил «Великий Учитель и Пастырь» сокровенный, истинный смысл Священного Писания, но столь великое знание под печатью строжайшей тайны передавалось, якобы, изустно и дошло до Храмовников, а от них уже до масонов. По другой легенде, первосотворенный человек Адам Кадмон, заключавший в себе одни духовные только свойства, не имевшие никакой связи с материей, получил высшую мудрость непосредственно от Творца Мира; после грехопадения, то есть соединения с материей, от великого света мудрости он сохранил в своей душе лишь едва мерцающий, едва теплящийся огонек. Однако этот отблеск божественной премудрости был все еще исполнен великой благодати и озарял ум высшим божественным знанием, достичь которого невозможно никакими усилиями человеческого разума, никаким искусством, никакой наукой. Вот этот-то свет премудрости передавался и хранился избранными мудрецами и постепенно дошел до масонов. Сохранился рисунок масонского родословного древа, который позволяет проследить рост Ордена и все его ветви и разветвления.

Шведская система — сложное мозаичное произведение, но главные составные ее части — английское масонство в нижних степенях, розенкрейцерство в высших и система Строгого послушания, давшая яркую окраску всем степеням. Отличаясь нетерпимостью, основанная на самовластии высшего правления, на несменяемости и неотвечственности должностных лиц, на беспрекословном повиновении младших старшим, шведская система к работам на собой прибавила занятия оккультными науками. Учение Якова Бема и Эммануила Сведенборга отразилось особенно заметно в высоких степенях. Восторг мистического экстаза и духовидения составляли тему пространнейших

рассуждений наипросвещеннейших братьев. Просветленные «русские масоны, члены высоких степеней шведского масонства, не находят достаточно выразительных слов для начертания восторгов сверхнатурального состояния», то есть экстаза, во время которого нередко им бывали видения.

В развитии организации шведской системы принимали выдающееся участие король Густав III и его брат герцог Карл Зюдерманландский, впоследствии король Карл XIII. Союз получил большое распространение, влияние его распространялось даже на государственную жизнь Швеции.

Работы по организации системы закончились в 1780 г., когда и были утверждены десять степеней: 1, 2, 3 — ученик, товарищ, мастер иоанновского масонства; 4) избранные ученики и товарищи; 5) Великий избранный шотландец, или шотландский мастер андреевского масонства; 6) братья Стюарты, или Рыцари Востока и Иерусалима; 7) Рыцари Запада, или ближние Соломона; 8) Ближние святого Иоанна, или рыцари белой ленты; 9) Ближние святого Андрея, или рыцари фиолетовой и пурпурной ленты; 10) рыцари-командоры Красного креста, которых было три класса: а) члены капитула, не занимавшие должностей; б) великие официалы во главе со вторым по значению лицом в государстве; в) Глава Ордена в звании Викария Соломона, мудрого из мудрых. Таким образом, десятая степень составляла высшее правление.

Последний штрих, придавший необычайный блеск шведской системе, был положен королем в зале Стокгольмской биржи в присутствии четырехсот Великих Каменщиков: король обещал Ордену свое покровительство и, лично возложив на своего брата, герцога Карла Зюдерманландского, знаки достоинства Викария Соломона, облачил его в горностаевую мантию и этим признал царственность масонского учения. Последующие монархи Швеции принимали по наследству главенство над Орденом.

В 1797 г. король Густав IV Адольф утвердил для Великих Каменщиков Швеции особое одеяние, которое могли носить все, имевшие не менее восьми степеней, не только дома, но и в «профанском свете». Это был темно-синий фрак на красной подкладке с красным воротником и обшлагами; фрак застегивался на золотые пуговицы с буквой «Т.» (Templier). Одеяние за-

вершали белый жилет, желтые штаны, лакированные сапоги с крагами и шпорами, белая перевязь с нагрудной бляхой, украшенной символическими изображениями, шпага и высокая шляпа-треуголка.

27 мая 1811 г. был учрежден орден Карла XIII за масонские добродетели. Число кавалеров ордена было ограничено тридцатью, из них три должны были принадлежать к духовному званию. Орден давался Каменщикам, которые были не моложе тридцати шести лет.

Посвящаемый в рыцарские степени давал обет «чистой жизни» и нищелюбия.

«Буди ревностный, огненный, неустрашимый борец», — восклицал ведущий обряд, постепенно облачая рыцаря Востока и Иерусалима в рыцарские доспехи. Облекшись в эти ритуальные одежды, тот становился неутомимым борцом за солнце правды с тьмой фанатизма и суеверия.

Длинен список русских вельмож, посвященных в шведское масонство XVIII в.; богатые бары тратили огромные деньги на устройство лож. Деньги поглощала утонченная роскошь убранства блистательных капитулов, весь сложный ритуал рыцарских посвящений, красота доспехов, пурпур епанчей, шелк камзолов, пышность вьющихся перьев...

К приезду шведского короля Густава III в Петербург в многолюдной ложе Аполлона было приготовлено великолепное торжество; король посетил ложу, где был дан блестящий масонский праздник.

При возрождении масонства в XIX в. шведская система стала преобладающей, ее акты, за исключением наивысших степеней, были разрешены правительством в 1810 г.

Большая печать ложи Аполлона
(собр. бар. Н.А. Тинольга, СПб.).
Т.С.

VIII

Русские Вольные Каменщики также пробовали свои силы в создании новых систем: боевой артиллерийский генерал П.И. Мелиссино создал чрезвычайно фантастическую многостепенную систему, известную под его именем. Сенатор И.П. Елагин создал систему со многими степенями по образцу английской, а сенатор И.В. Лопухин, выдающийся общественный деятель, основал системы «Духовного рыцарства».

Медаль на учреждение военно-походной ложи в Садогурах бар. Гартеностом (собр. И.И. Толстого). Т.С.

В конце XVIII в. появляется целый ряд преобразователей масонства, пытавшихся вернуть ему исконную чистоту и простоту. Известны имена барона Франца фон Диттура, Фридриха Людвига Шредера и Игнатия Аврелия Фесслера.

Системы масонства значительно отличаются одна от другой, но все они могут быть сведены к двум основным группам.

Первая группа, сохранившая в наибольшей чистоте масонское учение, занимается работами исключительно нравственно-философскими; она же отличается простотой обрядов и внутреннего распорядка. В большинстве систем, относящихся к этой группе, управление было представительное, «легкое», по масонскому выражению. Глава братства являлся ответственным, сменяемым исполнителем и хранителем законов масонского союза. Три иоанновские степени — ученика, товарища и мастера — признавались *единственно истинными*.

Вторая группа, кроме трех иоанновских степеней, признавала законными *неопределенное число высоких степеней*, в которых Вольные Каменщики посвящали себя умозрительным работам на основании герметической философии или теософии. Нередко посвященными в высокие степени проводились даже практические алхимические работы. Обрядность была изысканной, сложной и блестящей. Во главе союза стоял самовластный нео-

граниченно управитель, пожизненной власти которого братство обязывалось беспрекословно повиноваться. Иногда вместо одного начальника, известного всем членам, союзом руководил один или несколько не известных никому правителей, имена которых под клятвой молчания узнавали лишь избранные, посвященные наивысшей степени.

Вопросы религии и политики, исключенные первоначальными законоположениями из работ масонского собратства, временами властно влияли на эти работы. В особенности высокие степени различных систем нередко всей своей обрядностью, всеми символами представляли борьбу религиозную и гражданскую.

Между приверженцами высоких степеней и теми, кто видел необходимость ограничиваться тремя иоанновскими степенями, во всех странах во все времена происходила борьба. Именно эта борьба, мешавшая объединению всех членов братства, нередко бывала причиной упадка масонской деятельности в различных государствах. В распрях о частностях забывалось целое, упускалась из виду конечная цель.

Так было и в России.

Тира Соколовская

Масонский запов
(из собр. Д.Г. Бурьлина)

Масонская грамота
(Нац. библ. в народе)

ОБРЯДНОСТЬ ВОЛЬНЫХ КАМЕНЩИКОВ

«Человеки суть существа чувствительныя,
допускающия управлять собою посредством
живых впечатлений воображительной силы
лучше, нежели посредством хладных заключений рассудка.

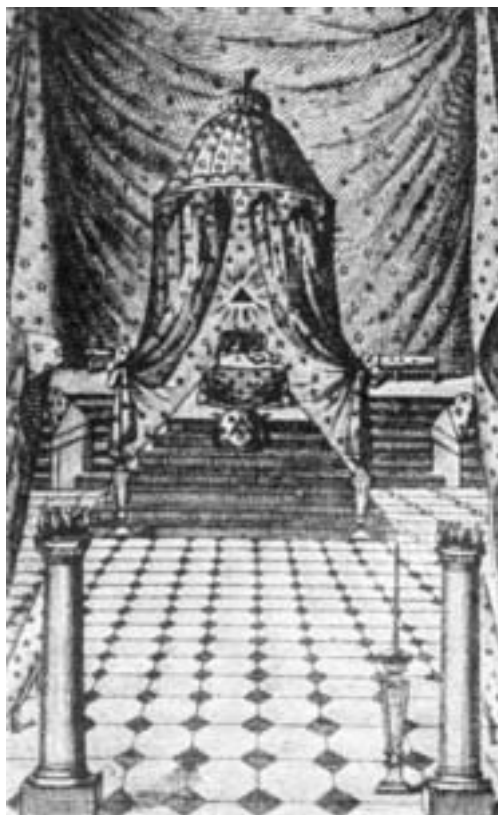
Магазин Своб. Каменщический, 1784, ч. I, стр. 34

I

Общество Вольных Каменщиков было тайной организацией и держало свои обрядники под тремя замками, под тремя ключами. Полный текст обрядов вручался лишь управляющим мастерам и братьям, проводившим обряд. Потому даже в богатей-

ших масонских архивах так редко полные обрядники какой-либо системы: несравненно чаще встречаются обрывки обрядов, скрепленные, однако, печатями.

Что такое, собственно, представлял собой масонский обряд? Обряд выражал в драматической форме идеи масонского общества, и должностным лицам масонского братства назначались как бы роли и сообщался текст этих ролей. Эти-то роли, или частицы обрядов, находились в руках братьев-чиновников: ритора, старшего и младшего надзирателей, секретаря, казначея, обоих стюартов, или собирателей милостыни, и других,

В масонской ложе

смотря по тому, к какой системе принадлежал обрядник. Как бы ни была коротка и малозначительна роль, текст ее утверждался управляющим ложей: уцелело много тонких тетрадок XVII в., прошитых шелком, скрепленных большими сургучными печатями ложи и Управляющего мастера. Иногда в этих тетрадках всего две страницы рукописного текста, но заголовок неизменно написан красиво, нередко даже весь прописными вычурными буквами. Чем большей тайной окружалась какая-либо степень, тем труднее был доступ к ней, тем тщательнее оберегались ритуалы и тем меньше их доверяли бумаге и перу: их передавали из уст в уста. А потому никто из не посвященных в Орден Вольных Каменщиков, как бы ни были велики его познания, добытые долгим изучением рукописных и печатных источников, не может утверждать: «Я знаю все о той или иной степени». В луч-

шем случае он с чистой совестью может сказать: «Я полагаю, что мне известно почти все». Выдающийся русский масон, граф Михаил Юрьевич Виельгорский в одной из своих поучительных бесед в 1818 г. выразился так: «Можно иметь некоторые знания о масонстве, но самого масонства не знать». Записанные обрядники уже являлись отступлением от первоначального масонства, нарушением первичных установлений и законов. В «старых» законах под страхом смерти запрещалось передавать масонские тайны перу, кисти, резцу, допускалась одна только устная передача тайн после предварительной клятвы о хранении молчания. Не доверяя свои идеи, мечты, замыслы перу, кисти, резцу, Вольные Каменщики доверили их символическим изображениям! Символы они называли «языком ока», «языком души», «внешним чертежом великих сокровенных истин». Символы являлись мыслями, не облеченными в слова: «Лучшие наши мысли в мертвых письменах замирают», — объяснял еще Гердер.

С глубоко рассчитанной постепенностью открывал обряды посвящения целый ряд символов, пробуждая цепь идей; постоянная же повторяемость символов заставляла мысль работать в известном, желанном для Ордена направлении. Одному символу можно было придать много различных значений, в зависимости от идей, заключенных в степени; так и поступали масоны. Приведу один пример: циркуль, открытый на 60 градусов, как символ высшего разума, носился всеми членами Ордена. «Памятуйте, — читаем в масонском уставе, — что совершенный Великий Мастер далеко распростертым циркулем своим измеряет и испытует вашу работу; для сего измеряйте сами действия свои циркулем разума». Таким образом, при взгляде на циркуль масон одновременно вспоминал и Великого Строителя мира, и данные им в ложе обеты вести строго обдуманную жизнь. Однако этим значение циркуля не исчерпывалось, он означал еще и довольство ниспосланной Провидением долей; в руках Управляющего мастера циркуль имеет важное значение: он напоминал каждому брату о предназначенном для него круге действий, призывал к братскому единению и тесному общению. Наконец, под циркулем подразумевали солнце (головка — диск солнца, а ножки — его лучи), святого Иоанна Крестителя, Януса, огонь, Меркурия, дух, волю, сердце, красоту.

Масонские принадлежности

Вильям Гутчинсон так объясняет значение символов: «Многие Каменщики, яко работники в должностях нравственных и яко служители Великого Строителя мира, сами представили очам нашим символы, долженствующие беспрестанно напоминать нам, что мы есть и что от нас требуется». Великое значение обрядов и символов подтверждается всеми выдающимися масонами, особенно графом М.Ю. Виельгорским, поучавшим братьев: «Каменщик должен всячески вникать в таинственные обряды наших лож, где каждый предмет, каждое слово имеет пространный круг значений, и сие поле расширяется подобно, как всходя на высоту, по мере того как возвышаешься, то видимый нами горизонт распространяется».

Сами Вольные Каменщики не почитали свершение обрядов пустым времяпрепровождением; символические знаки ими почитались «Клейнодами», малейшее отступление в обрядовых одеждах от устава строго преследовалось. Для масонов камзолы и епанчи, запоны и ленты, далматики и латы, все имело символическое значение и не было пестрым маскарадом. Вот почему для понимания масонства, для проникновения в его сокровенные глубины необходимо изучать обряды и язык символов. Если бы мы знали все знаки иероглифического языка Вольных Каменщиков, эти безгласные теперь знаки поведали бы нам несравненно больше тайн, нежели подробнейшие обрядники, будь они трижды три раза прошиты яркими шелками и скреплены красивыми печатями в прочных кустодиях.

II

Обрядность трех низших степеней, то есть иоанновского масонства, была несравнимо проще обрядности всех остальных степеней. В степенях иоанновского ученика, товарища и мастера преобладала символика этических начал Вольного Каменщичества⁴¹, начал равенства, братства, всечеловеческой любви и непротивления злу.

Обрядность высоких степеней, то есть андреевского, или шотландского, масонства, символизировала борьбу за идеал силой, славу мученичества за идею, беспощадную жестокость к врагам и предателям.

Иоанновское масонство называлось голубым. Члены иоанновских лож были мечтательными проповедниками, надеющимися путем совершенствования каждой отдельной личности достичьрая на земле. «Сейте семена царствия света» — был их пароль.

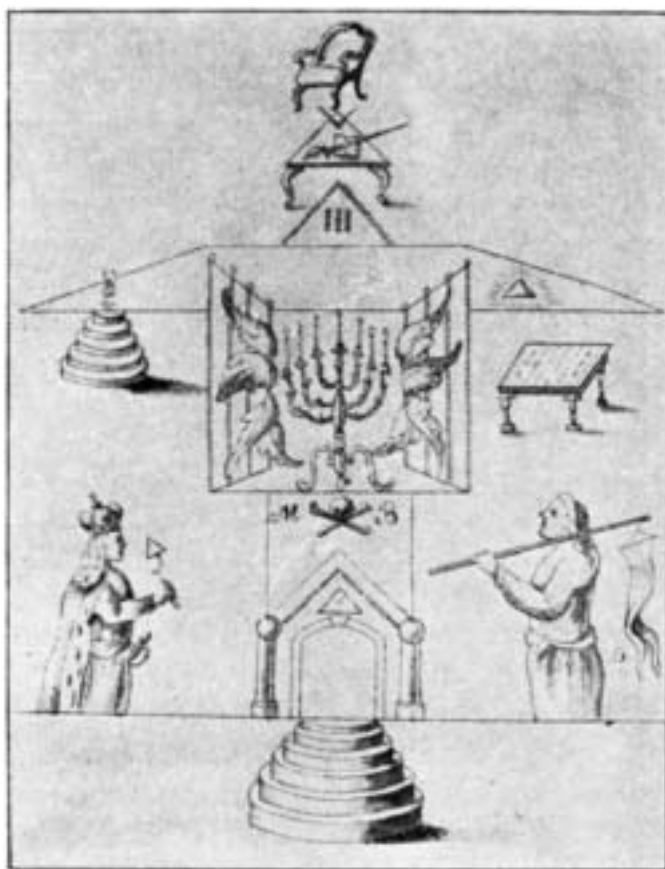
Анреевское, или шотландское, масонство называлось красным. Члены красных лож должны были быть неустрашимыми борцами за идеи с девизом: «Vincere aut mori».

Патроном-покровителем всего Ордена Свободных Каменщиков почитался Иоанн Креститель. Ему посвящены были три первые степени символических лож, в которых все обряды и символы знаменовали страстный призыв к покаянию, самосовершенствованию. Более высокие степени, в которых масоны клятвенно обязывались выходить на брань со злом, не щадя жизни, посвящены были святому апостолу Андрею Первозванному. Некоторые ложи особенно почитали святого Иоанна-Евангелиста. Орденскими праздниками считались 24 июня, 30 ноября и 27 января.

Для отмечания всех трех праздников существовал ритуал, разработанный до мельчайших подробностей. Особой торжественностью отличалось празднование Иоаннова дня, в течение которого все члены Ордена, к каким бы системам они ни принадлежали, должны были находиться вместе «для вящего процветания Ордена». В России масонские праздники отмечались с большой пышностью. Сохранились обряды для Иоаннова дня последней четверти XVIII в. и первых тридцати лет XIX столетия.

Убранство лож было неодинаково.

В иоанновской ложе первой, ученической, степени лазурь ткани и золото символических украшений ласкали взор. Стены затягивались голубыми тканями, висящими на золотом шнуре, связанном большим кафинским узлом, как раз посередине стены, обращенной к востоку. Тут же, на востоке, на возвышении из трех ступеней был престол, масонский жертвенник, а за ним — кресло Управляющего ложей. На престоле лазурное шелковое покрывало с густой золотой бахромой. Балдахин, осеняющий престол и кресло Великого мастера, также из голубого шелка, испещренного золотыми звездами, среди которых, в сиянии ярких золотых лучей, сверкает треугольник со священным именем

Масонский ковер. Т.С.

Великого Зодчего Вселенной. На престоле — Библия, раскрытая на первой главе от Иоанна. Обнаженный меч, золотой циркуль и наугольник резко выделяются на потемневших листах святой книги; меч лежит первым. Он словно не позволяет страницам перевернуться или закрыться.

Деревянные кресла и стулья покрыты белым лаком, обиты лазурным бархатом для Великих мастеров и белым атласом — для прочей братии. В ложах с очень ограниченными денежными средствами ткани были проще или даже вовсе заменялись окраской дерева в соответствующие цвета. Столы должностных лиц покрашены голубой краской и имеют треугольную форму. На полу посреди ложи разостлан расписанный символическими знаками ковер. В золоченых треугольных трехсвечниках зажжены девять

желтых восковых свечей. Светильники озаряют мягким светом восток, юг и запад; северная часть залы — в полутьме. Большая шестиконечная звезда спускается с потолка над ковром; она сделана из золоченой бронзы, и цепь, на которой она подвешена, также позолоченная, матовая, с блестящими острыми гранями ромбовидных звеньев. На братьях голубые камзолы и белые кожаные запоны, крошечные масонские железные мастерки подвешены на белых ремешках к третьей петле камзола, у всех на руках белые перчатки. Управляющего мастера отличает голубая шляпа, украшенная золотым солнцем или белым пером. Запон его подбит и обшит голубым шелком, на нем нашиты три большие голубые розетки. В петлице камзола на голубой ленточке золотой мастерок; на шее, в знак власти, ключик из слоновой кости, а в знак подчинения орденским законам — золотой наугольник. В правой руке его — круглый молот белой кости.

Каким же образом совершался прием профана в ученики иоанновского масонства?

«Возымевший настоящее желание сделаться вольным каменщиком», как объясняют масонские уставы, должен был заручиться рекомендацией кого-либо из членов той ложи, в которую он желал быть принятым, и через его посредничество подать просьбу Управляющему ложей. Просьба вручалась рекомендующим не с глазу на глаз Мастеру стула, а в присутствии братьев, когда, после окончания работы ложи, по кругу проходила так называемая кружка-предлагательница, куда опускалась просьба. При открытии предлагательницы все просьбы и заявления читались секретарем вслух, и если попадалось заявление о желании профана быть посвященным в таинства масонства, то имя профана выставлялось в зале ложи, где и оставалось на виду две недели. В течение этих двух недель в обязанность всех членов ложи вменялось расследование о нравственности, характере, гражданских и семейных «добродетелях» предложенного к приему. Поручитель же, которым в большинстве случаев являлся предложивший профана, «долженствовал прилежать» изменить нрав кандидата, если на то будет необходимость, «дабы не оставить его еще погрязшим в какие-нибудь склонности, противные всему тому, что он будет слышать при своем принятии». По истечении обязательного срока следовала баллотировка, если не

имелось никаких порочащих сведений. Даже один черный шар мог отдалить прием и вызвать новое расследование, если только названная Мастеру стула причина не оказывалась настолько незначительной, что он мог своей властью заменить черный шар на белый. При наличии трех черных шаров в приеме обычно отказывалось, и лишь через некоторое время, иногда через несколько лет, профан мог возобновить свое ходатайство. О забаллотировании профана тотчас ставилось в известность все братство Вольных Каменщиков, а в случае благоприятного исхода все члены этой, а иногда и дружественных лож приглашались на прием профана в Орден, то есть присутствовать на торжественном посвящении в первую степень иоанновского ученика.

Масонский ковер. Т.С.

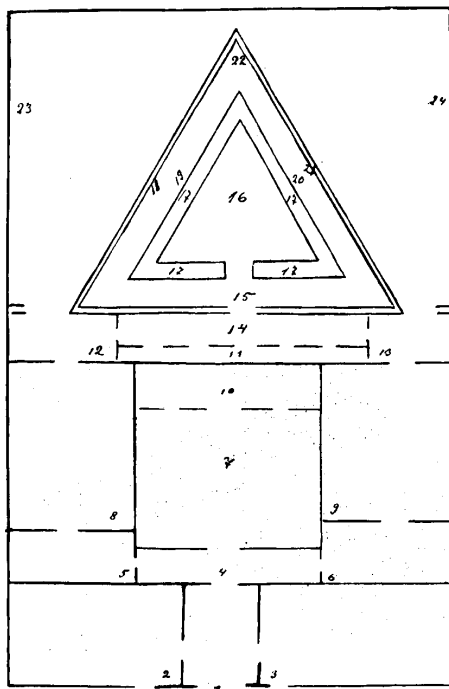
Обрядов посвящения было несколько видов, но все они были весьма торжественными. Приведу обряд посвящения, каким он был в России в XVIII в. в союзе Великой Национальной ложи и во многих ложах начала XIX в.

В назначенный день и час поручитель, завязав профану глаза, вез его в помещение ложи, где уже были в сборе все приглашенные Вольные Каменщики. По приезде он отводил его в так называемую «черную храмину», где и оставлял его одного, предупредив, что он имеет право снять с глаз повязку только тогда, когда станет совершенно тихо, не будет слышен даже малый отзвук удаляющихся шагов.

Черная храмина, или храмина размышления, была невелика и лишена окон; дверей, через которые был введен испытуемый и в которые вышел поручитель, не было видно, так искусно они были замаскированы. Высота потолка едва позволяла стоять, выпрямившись, человеку среднего роста. Покрашенная или затянута тканями храмина была однотонно черная, чем скрывался ее реальный размер, тем более что она была едва освещена. С потолка свешивалась треугольная лампада, в которой три тонких свечи давали «свет трисиянный». В одном углу — черный стол и два стула. На столе — берцовые человеческие кости и череп, через глазные впадины которого было видно сияние горевшего внутри спирта. Тут же — Библия и песочные часы. В противоположном углу находился человеческий скелет с надписью над ним: «Ты сам таков будешь». В двух других углах стояло по гробу; в одном из них — искусно сделанный мертвец с признаками тления, второй гроб — пустой.

Тьму, смерть, тление, слабый свет, часы и открытую Библию — вот что видел каждый посвящаемый, когда впервые снимал со своих глаз повязку, находясь в масонском братстве. Проходило около четверти часа, и в помещение входил проводящий обряд. Изумленному, испуганному или равнодушно взиравшему профану он объяснял значение черной храмины более или менее витиевато, нередко в следующих выражениях: «Вы посажены были в мрачную храмину, освещенную слабым светом, блистающим сквозь печальные остатки тленного человеческого существа, помощью сего малого сияния вы не более увидели, как только находящуюся вокруг вас мрачность, и в мрачности сей раз-

верстой Слово Божие. Может статься, вы вспомнили тут слова Священного Писания: “Свет во тьме светится и тьма его не объят”. Человек наружный — тленен и мрачен, но внутри его есть некая искра нетленная, принадлежащая Тому Великому, Всецелому Существу, Которое есть источник жизни и нетления, Которым содержится вселенная. Вступя к нам в намерении просветиться, при первом шаге получили вы некое весьма изобразительное поучение, что желающий света должен прежде узреть тьму, окружающую его, и, отличив ее от истинного света, обратить к нему все внимание. Повязка, наложенная тогда на ваши глаза, загородила то чувство, которое едва ли не более прочих развлекает наше внимание, дабы вы, устраняясь от наружных вещей, сильно действующих на наши чувства, всего себя обратили внутрь себя, к источнику вашей жизни и блаженства». Цель Ордена тройкая: сохранение и передача потомству таинства (тайного знания); исправление членов Ордена; исправление собственным примером и людей, вне общества находящихся, а так-

План приемной ложи⁴³. Т.С.

же всего рода человеческого. Орден требует исполнения семи должностей⁴²: повиновение, познание самого себя, отказ от гордыни, любовь к человечеству, щедрость к людям, скромность, любовь к смерти. Ритор подробно разъясняет важность этих обязанностей, их неразрывность, а затем сразу же требует доказательства первой, третьей и пятой; в знак послушания испытуемый должен позволить завязать себе глаза, в знак отвержения гордыни — снять верхнюю одежду, эти отличия земной жизни, в знак щедрости, — отдать все деньги и драгоценности. Приставив к обнажен-

ной груди острие меча, ритор выводит посвящаемого из черной храмины.

«Труден путь добродетели» — такими словами почти неизменно начинал ритор свои наставления во время шествия в ложу. Необычное зрелище представляло собой это шествие: вели разутого, полураздетого человека, неуверенно ступавшего, невзирая на дружески направлявшую руку сопровождающего, одетого вычурно, украшенного различными знаками и лентами, в круглой шляпе и с накинутой на плечи епанчой; длинный сверкающий меч держал сопровождающий в вытянутой свободной руке и острием его слегка касался обнаженной груди посвящаемого. Один неверный шаг, неосторожность — и ранение неизбежно. А между тем путь неровен, — то «каменные крутизны», то куда-то «в неизвестные глубины нисходящие скользкие ступени». «Елико возможно должно теснить путь испытываемого, — гласят уставы, — вести его против всех свирепствующих стихий на испытание духа и воли его».

Но кончается трудный путь, слышно пение:

«От нас, злодеи, удаляйтесь,
Которы ближнего теснят;
Во храмы наши не являйтесь,
Которы правды не хранят!»

«Вход воспрещен злему вольнодумцу, рабу пороков и страстей, для злобных сердцем властолюбцев, сынов неги, сластолюбцев не растворятся врата масонской ложи».

Другая песнь сменяет первую, — это не угроза приближающемуся профану, а ободрение посвященным.

«Мужайтесь, братья избранны,
Небесной мудрости сыны,
Помыслите, к чему вы званы,
Что были, есть, и быть должны».

Тремя ударами в дверь ритор просит доступа в ложу. Песнь смолкает.

Приоткрыв дверь, брат стерегущий спрашивает: «Кто нарушает покой наш?», и сопровождающий, от имени ищущего, говорит: «Свободный муж, который желает быть принят в почтенный Орден Свободных Каменщиков».

Тогда Великий мастер предлагает целый ряд вопросов, которые так же, как и ответы на них, передаются через сопровождающего и стерегущего брата.

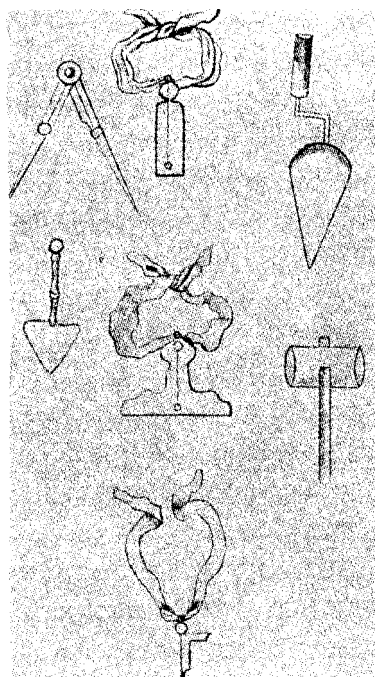
«Как зовут? Сколько лет от роду? Где родился? Какого закона? Где жительство имеет? Какого звания в гражданском обществе?» Еще не отзвучал последний ответ, как Великий мастер восклицает: «Впустите его!»

Тогда сопровождающий отступает от посвящаемого, и спустя немного времени второй надзиратель вкладывает в его правую руку свою обнаженную шпагу, направив ее острие к сердцу. Так он доводит испытуемого до ковра, у которого его останавливает, придав ногам положение прямого угла. Посвящаемый должен ответить на шесть вопросов: «Первейшим ли вы признаете долгом, чтобы Высочайшее Существо, Источник всякого порядка и согласия, почитать, страшиться и любить? Признаете ли вы начертанное в Откровении Слова Его за истинное к высочайшему совершенству путеводство? Согласны все сие вами тако признаваемое в самых деяниях ваших с крайней верностью наблюдать и исполнению всецелую жизнь посвятить? Признаете ли всех людей вообще за братию свою? Думаете ли, что служить и благотворствовать им есть дело волею Божиею, взыскуемое и собственное блаженство ваше составляющее? Первейшею целью исполнения сих должностей почитать согласны ли? Данное вами слово свято ли для вас?» После утвердительных ответов Великий мастер возглашает: «Слышите, любезные братья, что этот свободный человек в своих намерениях тверд. Добровольно соглашается он посвятить себя должностям нашим, подчинению. Согласны ли вы на то, чтобы он был принят в общество наше?» Выражается согласие, заканчивающееся троекратным: «Ей, тако!»

Великий мастер велит второму надзирателю совершить с испытуемым три символических круга по ложе: первый круг — от запада через север. Восток и юг снова на запад; второй — через юг, восток и север, а третий — как первый. На каждом круге водящий тихим голосом наставляет испытуемого о трудности пути к добродетели и премудрости, о необходимой отваге и стойкости в следовании избранному пути, по которому нельзя вернуться, сохранив честь. Затем посвящаемый подводится к Великому мастеру, который берет с него обязательство скромности и вер-

ности: «Ничего об Ордене отнюдь не открывать никому, не удостоверившись тщательным испытанием, что он истинный свободный каменщик; ложе всегда пребыть верным, с крайним послушанием наблюдать обряд ее, благу оной всечасно споспешествовать, от всякого вреда посылно охранять. Союз братства со всеми свободными каменщиками ненарушимо сохранять и от часу большому утверждению одного всеми силами споспешествовать. Всем людям, наипаче же собратьям, помогать во всяких случаях, никогда не отрекаться, разве что такая помощь имеет послужить ко вреду благонравия и чести нашей».

Управляющий мастер объясняет всю важность обета; еще не поздно отказаться от посвящения, но раз произнесенный обет связывает его с братством и дает братству полную власть карать за его невыполнение. Но ищущий света неустрашим, он упорствует в требовании посвящения, и Великий мастер восклицает: «Преклоните колена пред жертвенником нашим, подайте правую руку». Левым обнаженным коленом испытуемый становится на подушку, лежащую перед жертвенником, правую руку возлагает на открытое на первой главе Святого Иоанна Евангелие. К его обнаженной груди приставляется открытый циркуль. Он обещает принять на себя все обязательства во всей их силе и все требуемое свято исполнять. «Ей, обещаюся в том и столь свято, сколь любезно для меня имя честного человека». Испытуемого поднимают, прикладывают к его языку печать молчаливости. «Узрите нас впервые», — торжествен-

Отличительные знаки
должностных лиц:
Управляющего ложи
(молоток и наугольник),
обоих надзирателей
(отвесы), старшего
диакона (циркуль),
ученика (грубая железная
лопаточка), мастера
(изящная золотая
лопаточка) (Госуд. арх.
М.ин. д. Собр. Елагина).
Т.С.

но говорит Великий мастер; повязку снимают, и в полутьме ложи, освещенной лишь пламенем горящего на жертвеннике спирта, посвящаемый различает блестящие мечи, устремленные на него. «Видите все устремленные на вас орудия наши, на случай, ежели, паче чаяния, измените обязанностям? Не в том намерении, что думали мы когда обогреть руки свои кровью вашей, суд страшнейший того ожидает вас. Казнь незаконных в руке Божией». По всей ложе громко трижды разносятся повторяемые братьями последние слова о казни незаконных. Вновь посвящаемому завязывают глаза, и ложа ярко освещается, пока Великий мастер говорит: «Сколь мщение ужасно преступнику, столь обрадователен благочестивому свет. Да узрит свет!» Повязка снята; вспыхивают ярким светом фальшфейера и быстро гаснут под возглас: «Тако угасает свет и все утечи с ним, но хранящий волю Божью пребывает вовеки!»

Все братья поднимают мечи вверх острием высоко над головами.

«Мы всякое земное величие, все чувственные забавы и утечи почитаем ничем, не большей цены и прочности, как и оно, на миг осенившее вас пламя и исчезнувший уже по нем дым.

Обет ваш верности запечатлейте, соединив кровь вашу с кровью всех братий».

Вновь ставят испытываемого на колени перед жертвенником; он сам должен приставить циркуль к своей обнаженной груди, ведущий обряд подставляет чашу для крови, а Мастер, ударяя по головке циркуля молотом, трижды говорит: «Во имя Великого Строителя мира; в силу данной мне власти и достоинства моего; по согласию всех присутствующих здесь и рассеянных по всему земному шару братий принимаю я вас в ученики свободных каменщиков». И, протянув через жертвенник обе руки, кладет их на плечи принимаемого, говоря: «Достояние твое и часть твоя да будет Господь Бог твой», а все братья восклицают: «Господь благословляет праведные и наказует незаконные».

«Знайте, — заканчивает Великий мастер обряд посвящения, — знайте, что все, зависящее доселе от доброй воли вашей, наблюдение указанных вам семи должностей стало долгом вашим. Жребий ваш решился!»

Новопринятого уводят, чтобы вернуть ему одежду, и вновь вводят в ложу для разъяснения смысла обряда, для вручения

мастерка, запона, рукавиц, символов, подобных изображенным на ковре.

Ритор объясняет сокровенный смысл: «Путь из черной храмины вложу — это путь из тьмы к свету, от безобразия к красоте, от слабости к силе, от невежества к премудрости, от земной юдоли к блаженной вечности. Благий посланник, направляющий, предостерегающий — это искра Божества в совести человеческой, это глас патрона Ордена, Иоанна Крестителя, взывающий к покаянию, глас, слышимый в сердце каждого, это благодать Всевышнего через испытание препятствий, огорчений земной жизни, приводящая к вратам Эдема, в сонме избранных, потому-то посвященные — все в свете ярком ложы, и лишь посвящаемый во тьме завязанных очей. Путешествие вокруг ложы — те же горести земной жизни, но, свершая с посвящаемым круг, надзиратель знакомит дух принимаемого с понятием о вечности. Слепо верить долженствует посвящаемый слову Великого мастера, когда с него требуется клятва на Священном Писании, ибо глаза у него заграждены повязкой земных страстей, заблуждений, мешающих видеть Священную Сокровищницу Премудрости, книгу слов Божьих. Но как только будет дана им клятва, как доказательство святой веры в Провидение, на этой, лишь чувствуемой, таинственной, неведомой книге, — повязка спадает, и он уже различает окружающее; он сознает позор зла и святость добра. Наконец, дают ему узреть полный свет, причем он видит, что вся слава земли преходит, яко дым; видит все строение храма премудрости, постигает тайну бытия, тайну жизни и смерти и сопричисляется к сонму избранных, просветленных духов в недрах непреходящего блага».

Секретарь читает заявление о доступе в Орден и принятии новопосвященного, который с удивлением слышит, что в «летописи»⁴⁴ Ордена занесена вся его прежняя жизнь. «Ни одна черта жизни человеческой, ни мысли, ни деяния его — не возмарают-

Перевязь
мастерской степени
(собр. Об. л.
др. п.). Т.С.

ся из Великой книги бытия, — говорит секретарь. — Все в ней записано».

Секретаря сменяет ведущий обряда. Он вручает принятому белый кожаный запон как знак, что профан вступил в братство каменщиков, создающих великий храм человечества; неполированный серебряный мастерок, «ибо отполирует его прилежное употребление при охране сердец от нападения расщепляющей силы пороков»; пару белых мужских перчаток — в напоминание того, что лишь чистыми помыслами и непорочной жизнью можно надеяться возвести храм премудрости; пару женских перчаток ведущий обряд предлагает передать избраннице сердца, непорочной женщине. «Иные, по невежеству или недалеко-видности, не усматривают в сем обряде сокровенного смысла, — говорит ведущий обряд, — но я вам, любезный брат, должен сказать: вам надлежит избрать себе сотрудницу, подругу, обручиться ей яко невесте, сочетаться чистым и священным браком с премудростью, с небесной девой Софией. Да будет она вам неразлучной спутницей⁴⁵, единою вашею избранницею».

И Мастер стула, и вития говорят речи, красивые речи о трех великих столбах, на которых держится храм премудрости. Они говорят о мудрости, силе и красоте. Говорят о безмерной любви ко всему человечеству. «Тьму победим светом!» — восклицает Великий мастер, и трижды три раза, в знак общности мыслей, аплодируют братья. Стройный хор братьев гармонии под звуки музыкальных инструментов, негромкими торжественными голосами успокаивает страсти. Ясные мысли претворяются в неясные грезы.

«Чувство истины живое
Вас в священный храм влекло;
О, стремление святое!
Сколь ты чисто, сколь светло!
Разгони пороков мрачность,
Возроди любви прозрачность,
Ею в нас зажги сердца;
Да любовью воспаленны,
В ней согласно погруженны,
Воспоем всех благ Отца.
О, восторги несравненны,
Каковых не знает мир.
Чувства здесь любви бесценны
Устраивают светлый пир.

Здесь утечи без отравы,
Без раскаянья забавы
Льют отраду в нашу кровь.
Где же чувств таких приятство?
О, живи вовеки, братство!
Царствуй, царствуй в нас, любовь».

Хор поет, и братья вновь посвященные забывают мир:

«Порокам где ужасным
Всегдашний ставят пир,
Чтя титулом их прекрасным».

Такова голубая иоанновская ложа, первая ступень масонской лестницы. Цвет лазури, цвет неба — символ возвышенности стремлений, жажды духовного совершенствования; золото — благороднейший металл, и Вольные Каменщики избрали его как символ чистоты своих побуждений. Иоанновскому масонству лазоревый цвет был присвоен в 1734 г. в Англии. В иоанновских ложах французской системы, работавших у нас в России на рубеже XVIII и XIX вв., ленты мастеров были голубыми, запоны тоже обшиты и подбиты голубым. На прилагаемом рисунке изображена лента, которую носили через плечо (перевязь) мастера французской системы, где акация и звезды вышиты золотом, сама же лента — голубого шелкового муара. К концу ленты привешивались циркуль и наугольник. По объяснению риторов, лента изображала пояс зодиака, акация — солнце, так же как и буквы М.В., расшифровывавшиеся как *Mas Venaе*, мастерское достоинство. Наконец, циркуль тоже изображал солнце, а наугольник — часть земного шара, освещенную солнцем. В пространстве между циркулем и наугольником надлежало искать истинных масонов: «Одеяния их не боятся света истины, солнечного света правды», — утверждал вития. На мастерский запон нашивались три голубые розетки, которые

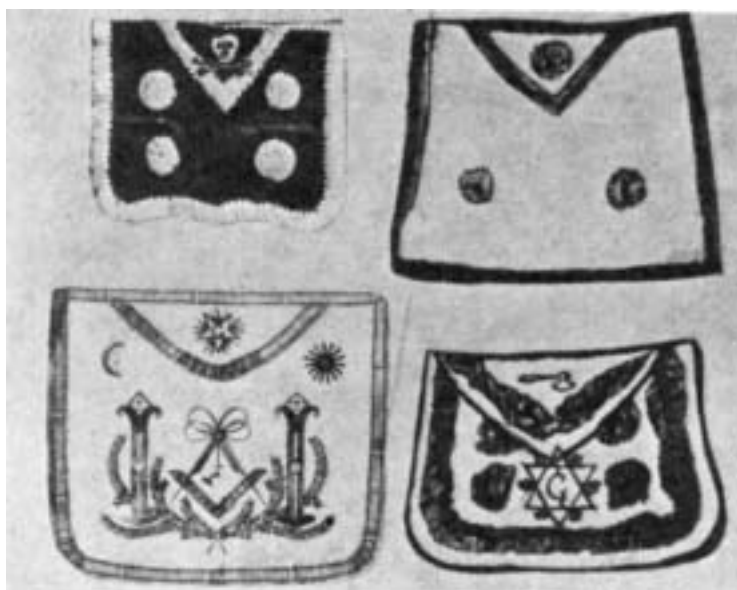

Перевязь
мастерской степени
(собр. Об. л.
др. п.). Т.С.

красиво расшивались теми же символами, как и перевязи. На запоне (см. рисунок) мы видим: солнце, луну, ветвь акации, циркуль и наугольник в установленном ритуалом соединении, мастерок и молоток, которые указывают, что запон принадлежит управляющему мастеру. В иоанновском масонстве вообще главными символами были: пламенеющая звезда, солнце, луна, треугольник, циркуль и наугольник, отвес, 24-дюймовый масштаб, линейка, пчелиный улей, мастерок, молоток, дикий и кубический камни, чертежная доска, гроб, слезы, золотой шнур, связанный кафинским узлом, светильники, столбы, лестница, мозаичный пол, шляпа, шпага, запон и перчатки. Все эти символы объяснялись посвящаемому при приеме его в ложу, и для большей наглядности обряда ведущий расстилал на полу перед новичком ковер, на котором были изображены все символы, заключавшие в себе сокровенный смысл степени. Не только иоанновская ученическая степень имела ковер, но и каждая степень, за весьма немногими исключениями, тоже. Однако обычай использования ковров, так же как и писаных обрядников, является позднейшим: первоначальное английское масонство не знало ковров; это было противно духу и смыслу орденских установлений, безусловно запрещающих открытие таинств пером, кистью и резцом. Но с течением времени ковры сделались достоянием различных систем и степеней, условно изображая идеально устроенную ложу с богатым и полным набором символических предметов. Изображать на ковре «совершенную» ложу было несравненно легче, чем устроить ее в действительности, а потому ковры, или, как их называли русские масоны, «Тапии», получили такое широкое распространение. До введения ковров «совершенная» ложа чертилась мелом на полу для каждого собрания, и по его окончании чертеж смывался; некоторые ложи ограничивались символическими предметами, изготовленными из дерева, меди, олова и т.п.; их расставляли в ложе в определенном порядке. Бывали ковры роскошные: по дороговому шелку они расписывались известнейшими художниками-масонами; были и весьма невзрачные, плохо отпечатанные на дешевой клеенке. Все зависело от усердия членов ложи и от их щедрости.

Остановлюсь на важнейших символах иоанновского масонства. Блистающая, или пламенеющая, звезда знаменовала «Дух»,

наполняющий всю природу, жизненную силу, ум, освещающий деяния масонов, направляющий их поиск на верный путь. «Наподобие Вифлеемской звезды, она указывает путь к истине и символически представляет наше шествие к Зиждителю мира», — говорил ритор. Солнце изображало истину, мужество, правосудие, действующую силу; луна — чистую любовь, материю, природу⁴⁶. «Без сих трех главнейших добродетелей — мужества, правосудия и воздержания (то есть чистой любви) имя Каменщика пустой титул, мыльный пузырь», — гласила масонская мудрость. Семь звезд означали «то эфирное жилище Премудрости, которое закрыто от глаз смертных небесною твердью». Под звездами подразумевались еще семь даров духа святого: премудрость, разум, совесть, крепость, наука, страх Божий и любовь. Взирая на светила дня и ночи, каменщик должен был помнить, что работа над самоусовершенствованием не терпит перерыва, а также то, что «служению человечеству он должен посвящать все часы скоротечной жизни». Во французской системе изображение небесных светил означало «силы и действия природы». Кафинским узлом связанный шнур был символом единения всех членов масонского Ордена: «В единении сила» — приветствовали друг друга братья во многих ложах. Мозаичный пол, «прекрасное основание масонской ложи, изображает богатство творения и божественных благодеяний так же, как переменчивый и неизвестный ход жизни, и разнообразные внешние отношения людей, которые по рождению и смерти все равны». Библия, слово Божеских законов для человечества, лежит открытая перед очами каменщиков, «дабы не могли они сказать, что заблуждаются от неведения»⁴⁷. «По твердым правилам Высшей истины должен Каменщик располагать свои деяния; Библия — высочайший водитель». Три светильника (иногда их было трижды по три) означали Святую Троицу, или троичность, во всем существующем; иногда вместо отдельных светильников мы видим трехсвечник, который знаменует духовное начало и почитание Строителя мира в «чистоте эдемской, служение под законами Моисеевыми, освобожденными от идолопоклонства, и христианское откровение». Число светильников, ветвей на них и число зажженных свечей имело символическое значение; чем сложнее был ритуал посвящения, чем более пышный, тем больше свечей зажигалось.

Запоны 4 степеней: 1) товарищей иоанновских лож; 2) избранных товарищей андреевских лож (собрание В.В. Федоровского в Витебске); 3) мастеров иоанновских лож (собр. Общ. любит. древн. письмен.); 4) мастеров андреевских лож (Арх. Гл. воен. Суд. упр.). Т.С.

Так, в «блистательном капитуле Феникса» в 1817 г. в одной зале горела восемьдесят одна свеча.

Масштабом проверялось, «соответствует ли деяние масонов законам вечных истин»; двадцать четыре деления масштаба соответствуют двадцати четырем часам суток. Каменщик всегда, во всякое время должен быть готов к служению страждущему человечеству, а тем более брату-каменщику. Наугольник — символ закона и совести, *lignum vitae*; уровень и отвес означали равенство, «ибо каменщики должны иметь единое правило и единый чин без всяких различий гордости и титулов, ибо добрые дела над всем счастьем мира превышаются».

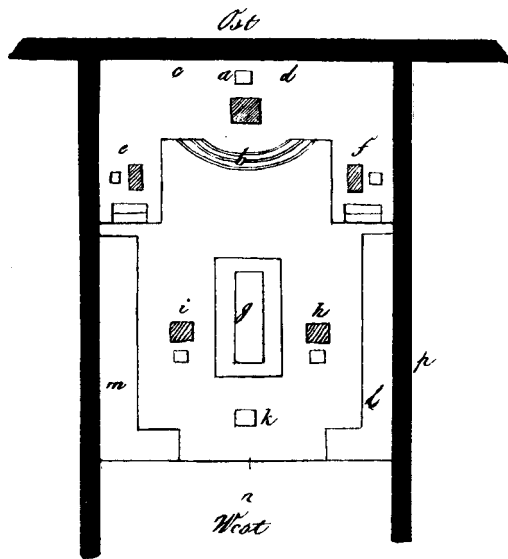
Дикий камень — это грубая нравственность, хаос; кубический камень — нравственность «обработанная»; чертежная доска — планомерность работы, власть доброго примера. Молоток служил для обработки дикого камня, для отсечения ненужного материала, он же означал совесть, искру Божества, тлеющую во мрачной храмине человека, подверженного греху. Мастерок — снисхождение к слабостям людей и строгость к себе. Все инст-

рументы масонского ремесла означали святость труда. Улей, окруженный роем пчел, — символ трудолюбия, разумного труда, основанного на знании. Ветвь акации — бессмертие; гроб, череп и кости — презрение к смерти и печаль об исчезновении истины.

Белые одежды, запоны, перчатки изображали чистоту нравов, «безвредность душевную». «Облачаясь в светлые одежды, Каменщики тем признают себя чадами света и обязуются никогда к деяниям мрака не обращаться. Одежды их изображают добродетель». Круглые шляпы — символ вольности. Обнаженный меч — карающий закон; в руках братьев мечи означали не только наказание злодеев и предателей, но и защиту невинности.

Ниже приведен общепринятый план ученической ложи.

А — место Управляющего ложей и престол, в — три ступени, ведущие к престолу и означающие веру во Христа, надежду на спасение, любовь ко всему человечеству, совершенствование сердца, ума и духа. Эта лестница ведет к небу. Символом неба был голубой балдахин, осенявший престол и кресло Великого мастера. G — место для ковра. С и d — места для наместных мастеров и почетных посетителей, e — место секретаря, f — ритора, k — первого надзирателя, h — второго, тут же устанавливались два столба — символы силы и стойкости, жизни и смерти, добра и зла; i — место брата-привратника в некоторых ложах. На приведенном плане не указаны три столба, возвышавшихся в ложе и символически служивших ей опорой: столб мудрости тосканского ордера, изображавший Соломона, на Востоке; столб силы дорического ордера на западе, царя тирского Хира-

План приемной ложи. Т.С.

ма; и столб красоты коринфского ордера на юге, архитектора Соломонова храма Хирам-Абифа, или Адонирама. Т указывает скамьи учеников, помещенные на севере, «ибо на севере менее освещается лучами солнца премудрости», на юге же 1 указывает места мастеров и товарищей. Трапезные комнаты устраивались, по желанию Управляющего ложей, с южной или северной стороны, в прилегающих комнатах, отмеченных буквами *p* и *o*.

Ложа имела форму продолговатого прямоугольника, четыре стороны которого, по словам масонов-руководителей, символизировали «всемирность масонства». «Длина ложи от востока до запада, ширина от севера до юга, высота от земли до неба, глубина от поверхности земли до ее центра», — гласит объяснение староанглийских ритуалов XVIII в.; эти же объяснения сохранились и русскими масонами XIX в. Глядя на столь простой, несложный символический знак, каким был прямоугольник, Каменщик всегда невольно вспоминал основную идею чистого масонства — соединить все народы земного шара в «одну семью» и стереть различия между странами и народами.

Высшей степенью иоанновского масонства была третья степень мастера.

При приеме в эту степень ложа затягивалась черными тканями; на стенах — черепа и кости с надписью «помни смерть», на полу — черный ковер с нашитыми золотыми слезами и на середине ковра — открытый гроб; трехсвечные светильники поддерживались человеческими скелетами, «коих всегда поставлялось три». По правую сторону от жертвенника, на искусственно сделанном земляном холме сверкала золотом ветвь акации. Все братья были одеты в черные камзолы, в черные длинные епанчи и круглые шляпы с опущенными полями. Вся обстановка символизировала глубокое горе: это было горе по убитому великому строителю Соломонова храма Адонираму, или Хирам-Абифу. Обряд посвящения изображал убийство Адонирама, причем посвящаемый играл его роль. Легенда об убийстве искусного мастера-строителя передавалась так: падение Адама было тройственное, по духу, душе и телу; в первом пал он по воображению, во втором — когда уснул, в третьем — когда прельстился змием. Адам, включавший в себе мужское и женское начало, однако,

В масонской ложе

не имел тела в смысле земной, преходящей материи, и лишь прельстившись змием, то есть соединившись с материей, он утратил подобие Духа Зиждителя, создавшего его, и принял образ смертного существа. Однако ему была сохранена память о красотах Эдема и высших божественных познаниях; он в сердце, с источником жизни, сохранил луч света, освещавший покинутый им рай и продолжавший озарять его благодатью всезнания. Адам передал детям своим этот луч света, но, по мере того как умножались, уплотнялись частицы материи, луч теряет яркость; лишь некоторые избранные мужи, томившиеся тоской об утраченном Эдеме, сохранили в сердцах яркий луч благодати. Боязнь того, чтобы знание высших таинств не утратилось навеки с течением времени, побудила некоторых избранных мудрецов заключить его в символы; символы эти как бесценное хранилище святыни всезнания Адама до грехопадения передавались мудрецами избранным после долгих испытаний. Мудрый Соломон был одним из избранных, и задумал воздвигнуть великий храм, и сделать это так, чтобы он символически передал потомству, всем жаждущим познать истину божественные познания. Для постройки храма были вызваны сто тридцать тысяч рабочих различных наций, но работами руководил Адонирам, ученик египетских мудрецов, также обладавший знанием «божественной истины». Адонирам разделил работников на три степени: учеников, товарищей, то есть подмастерьев и мастеров. Каждой степени были присвоены отличительные знаки, слова и правила. Чтобы работа их была сознательной, Адонирам знакомил работников с познаниями избранных мудрецов, предлагая им символы и разъясняя их; степень познания была соразмерна степеням ученика, подмастерья и мастера. Мастера получали наибольшую плату, что вызвало желание трех товарищей выпытать обманом или силою мастерское слово у Адонирама. Однажды вечером, когда храм был уже пуст, Адонирам пришел для обычного осмотра. У южных дверей к нему подошел один из заговорщиков и, не сумев узнать у него слова мастера, ударил молотком; у северных дверей другой товарищ нанес ему удар киркой; тогда Адонирам, предвидя свою гибель, постарался сохранить от непосвященных древнее мастерское слово и бросил золотой треугольник, символ полного совершенства духа, Божеское на-

чало, в колодец. На треугольнике было таинственное изображение имени Иеговы. Тогда третий бунтовщик бросился на искусного архитектора и нанес ему смертельный удар циркулем у восточных дверей. Убийцы унесли и спрятали тело Адонирама. Узнавший о гибели своего помощника, Соломон испытал великую печаль и повелел найти тело Великого Мастера. В знак своей непричастности к убийству рабочие явились в белых перчатках. Тело было найдено быстро, ибо земля оказалась рыхлой, и воткнутая ветвь акации, которой убийцы поместили себе место погребения Адонирама, чтобы впоследствии перенести его и скрыть в более отдаленном месте, зазеленела. Мастера, из страха, что древнее мастерское слово уже потеряло значение, сделавшись, может быть, известным многим, «решили его заменить первым, которое будет кем-либо из них произнесено при открытии тела погибшего мастера». В это мгновение было найдено тело, и при взгляде на признаки разложения раздался возглас всех присутствующих: «Плоть от костей отделяется». Именно это выражение и было принято в качестве отличительного слова мастерской степени. В мастерском обряде тремя ударами молота посвящаемый повергается в гроб⁴⁸. Удары обычно наносятся председателем, иногда же, согласно сказанию об Адонираме, надзиратели выполняют роль бунтующих товарищей, и при обходе посвящаемым помещения ложи, на юге, севере и востоке, наносят ему удары, слегка прикасаясь своими молотками. Положенного в гроб покрывают красной, как бы окровавленной тканью; на сердце возлагаются: золотой треугольник с именем «Иегова» и ветвь акации или терновника (в древности посвященного солнцу как источнику жизни), а в головах и ногах помещаются циркуль и наугольник. Посвящаемого вынимают из гроба за пять попыток. Это пятикратное поднятие знаменует, что должны совершенствоваться все пять чувств.

В ритуале читаем: «Мастерская степень благие размышления возбуждать долженствует, все иероглифы оной представляют под покровами смерти будущую жизнь; взгляд на все, что являет нам мастерская ложа, должен произвести в нас смятение, а сие смятение — первоначало Премудрости; смятение, как золотые слезы пробиваются на мрачном ковре, должно пробиться сквозь нашу чувственность и возродить падшие духовные силы. Кто сей

Адонирам? Не есть ли это некое существо, сокрытое в человеке, существо вечно пребывающее, сей глас, который ободряет только те твои дела, кои относятся к чему-нибудь вечному, постоянному, и который уязвляет тебя при думании тщетного, преходящего? Но глас сей умолкает под ударами трех злодеев: гордости, корыстолюбия и сластолюбия!»

Чрезвычайно многосложны объяснения обряда мастерской степени, но обряды этой степени, как они объяснялись в русских ложах, символизировали и восхваление неустрашимости, готовности жертвовать всеми благами земной жизни в борьбе за распространение идей света, презрение смерти тела в чаянии вечной жизни бессмертного духа. Символический обряд убийства и воскрешения мастера означал также, что надо умереть греху, дабы ожить для жизни духа; «новое» мастерское слово — «Плоть от костей отделяется» — означало, что дух должен отделиться от всего истлевающего, греховно-бренного, дабы обрести высшую Премудрость всеведения. «Не явно ли и в наружной, естественной смерти, что тление не входит в живот, пороки, страсти — не суть ли они прах и тлен, тело истлевающее?» — говорит ритор посвящаемому в мастера.

Но мастерская степень имела еще и значение другого рода: посвященный всецело отрекался от своей личности, полностью отдаваясь служению Ордену. Взамен этого он, после некоторого искуса, после определенного времени пребывания в «мастерах» получал власть управлять ложей, «яко Адонирам распределяет рабочих», то есть братьев Вольных Каменщиков, собирать их на заседания, учреждать новые ложи. Ему, как постигшему все тайны трех символических степеней, открыт доступ во все ложи этих степеней по всему миру. В системах многостепенных власть иоанновского мастера была более ограничена. Достоинно внимания, что характер голубого иоанновского масонства как нельзя более ярко выражен в рассказе о смерти Адонирама: он не противится злу силой, но, не избегнув его, покоряется ему, жертвует собой. Иоанновские масоны распространяли свои идеи с горячностью, но держались принципа непротивления злу.

Многих каменщиков никогда не вели выше иоанновского масонства, им были открыты лишь символы кристально чистого

учения нравственного усовершенствования и служения на пользу страждущего человечества. Были, однако, в Ордене Вольных Каменщиков системы и степени, которые привлекают внимание страстной проповедью борьбы со злом силой.

Последней ступенью масонской лестницы степеней в «Старом принятом шотландском обряде» была тридцатая. Она носила название «Рыцарь белого и черного Орла, Великий Избранник, Кадош». Под именем Кадош масоны подразумевали «единоизбранных сверхчеловеков, очистившихся от скверны предрассудков». Почти нет сочинений, написанных «для разоблачения страшных тайн Ордена масонов», в котором бы ни приводилась в пример степень «Кадош». Эта степень потому обращала на себя внимание, что готовила посвящаемых в мстители за погрязшие права человечества и была далека от миролюбивого масонства голубых лож. Я остановлюсь на этой степени и объясню ее значение по подлинным архивным документам. По обрядникам десятых годов XIX в., цвет ткани и символических украшений ложи был цветом печали, крови и смерти. Ложу отделявали пурпурными тканями, а по ним вышивали «золотые языки огневаго пламени и серебряные слезы». Кресло Великого Командора, трижды могучего Властодержца, почти совершенно скрывалось за тяжелым черным бархатом балдахина, взор приковывали «кровоаво-красные тевтонские» кресты; ими был усеян мрачный балдахин. Ни сверкающий золотом и лазурью священный треугольник с оком Провидения, ни пламенеющая звезда с многозначимой буквой G не венчали балдахин. Над ним царил увенчанный золотой коронной двуглавый орел с распростертыми крыльями. Это был грозный орел непреклонной борьбы; в его сжатых когтях был меч. На груди орла в небольшом треугольнике было начертано священное имя «Адонай», а латинский девиз обращал на себя внимание блеском серебряных букв «Nec prodetor, nec prodetur, innocens fovet». Степень Великого Избранника была богата на девизы. Еще два девиза были вышиты на знаменах, стоявших по обе стороны балдахина. На белом знамени с зеленым крестом: «Dieu le veut», на зеленом с красным крестом: «Vincere aut mori»

Одеяние Великого Командора было царственным, пурпурным, но его прикрывала черная мантия, украшенная красным крестом напротив сердца. Корону, венец мудрости, Командор

возлагал на голову на торжественных заседаниях. Все рыцари были одеты в короткие далматики черного цвета, опоясанные красными поясами с золотой бахромой. В иных ложах далматики были белые с черной каймой, а пояса — черные с серебряной бахромой, на груди и на спине белых далматиков нашивался красный восьмиконечный крест. В наиболее строгих ложах рыцари белого и черного Орла носили одежду средневековых Рыцарей Храма и все вооружение — от шлема до шпор — было красивым повторением рыцарских доспехов. Большинство лож, однако, предпочитало далматики, и в таких ложах рыцари надевали черные шляпы с опущенными полями. Украшением шляп служили золотое солнце и красные буквы N.A., означавшие слова «Nekam Adonai»⁴⁹.

На черных шелковых лентах через плечо или на шее, на запонах и отличительном знаке — тевтонском кресте были те же девизы, символизирующие непреклонное решение борьбы не на жизнь, а на смерть с врагами своих идеалов, все те же символы печали, крови и смерти.

Цвет одежды посвящаемого был серым или черным. Босой, с веревкой на шее, медленно следовал он за провожатым и входил в полутемный зал ложи; чадно и неровно мерцали факелы в руках неподвижно стоявших рыцарей. Зажженный факел был и в правой руке провожатого, в левой он держал конец веревки, свободной петлей накинутой на шею посвящаемого. Раздавался негромкий звон мечей и вновь смолкал: это рыцари вынимали и вновь вкладывали мечи в ножны, словно стгорая от желания приветствовать посвящаемого, но сдерживаемые осторожностью, боязнию встретить предателя вместо брата и друга. Посвящаемому устраивали различные испытания с целью увериться в его бесстрашии и преданности Ордену: на жаровне в сосуде серебрился расплавленный свинец (в действительности — ртуть); испытуемому приказывали бестрепетно опустить в раскаленную массу свою руку. «Что значит рука в сравнении с жизнью, коей пожертвовал наш Великий Мастер?» — восклицал вития. Были и другие испытания.

После клятвы и различных церемоний испытуемого одевали в ритуальные одежды и вручали ему украшение, служащее отличительным знаком Кадоша: красный покрытый эмалью восьми-

Нашейная лента степени Кадош, или рыцаря белого и черного Орла
XXX ст. древнего шотландского обряда
(собр. В.В. Федоровского в Витебске). Т.С.

конечный крест с перламутровым или жемчужным овалом в центре. На одной стороне овала виднелось черное изображение мертвой головы, пронзенной кинжалом, в напоминание рыцарям о данной ими клятве не отступать перед ужасами смерти, если они повстречались на пути к намеченной цели. Буквы G.M., изображенные на другой стороне овала, обозначали Жака де Молэ, последнего Гроссмейстера Ордена Храмовников. Именно этого глубоко чтимого Гроссмейстера (как символ непоколебимой верности данному обету), погибшего в пламени костра в 1314 г., и изображает посвящаемый при входе в ложу: его словно ведут на казнь. Вербка вокруг шеи напоминает о виселицах, на которых были повешены осужденные Храмовники; горящие факелы в руках рыцарей символизировали пылающие костры, в пламени которых были сожжены другие Храмовники, осужденные на смерть одновременно со своим Гроссмейстером. «Вечная слава

мученику за добродетель», — восклицали братья по окончании обряда, приветствуя вновь принятого рыцаря белого и черного Орла... Виновникам же гибели средневековых Храмовников, французскому королю Филиппу Красивому и Папе Клименту V, Великие Избранники клялись «воздать должное по делам их». Но король и Папа, много веков тому назад уже представшие на суд Высшего Неземного Судии, были лишь символами, под которыми подразумевалась борьба не на жизнь, а на смерть против «Деспотизма гражданского и церковного».

Однако смысл степени Кадош не исчерпывался подготовкой бесстрашного воителя со мраком фанатизма и насилия: «Ковалась сильная воля, освобождался дух от пут суеверия, полировался разум». Великие Избранники именовали себя «сынами света, или сынами солнца, коим открыто Великое знание», Gnosis, познание тайн бытия. Какой труд надо вложить, чтобы достичь безмятежного счастья «всезнающего», указывала символическая таинственная лестница в четырнадцать ступеней, устанавливавшаяся в приемной ложе. По этой примечательной лестнице, соединявшей «земное ничтожество» с небесным величием, незнание со всеведением, заставляли всходить посвящаемого. Выше представлена черная нашейная лента с серебряной каймой. Эта чрезвычайно редко встречающаяся лента расшита эмблемами степени Кадош; не забыта и лестница. Каждая ступень отмечена двумя буквами, являющимися аббревиатурой наименования ступеней. Не называя полностью слов, объясню лишь их значение. Первая⁵⁰, нижняя ступень обозначена Ch, что означает скромность, хранение тайны; 2-я — Ga, терпение, выносливость, упорство; 3-я — Na — самопознание, совершенствование сердца; 4-я — Em, верность данным обетам, стойкость убеждений; 5-я — Ma — кротость нрава; 6-я — S.C. — непорочность; 7-я — T.S. — правосудие; 8-я — As — астрономия; 9-я — Mu — музыка; 10-я — Lo — логика; 11-я — Ge — геометрия; 12-я — Ar — арифметика; 13-я — Rh — риторика; 14-я — Gr — грамматика. Если вспомнить товарищескую лестницу голубого масонства, то можно заметить, что науки, к которым предлагается «прилежать», несколько отличаются от вышеперечисленных: номера 10, 13 и 14 заменили Рисование, Архитектуру и Поэзию; товарищам иоанновских лож предписывалось, кроме того, избегать семи пороков: гордости, скупости

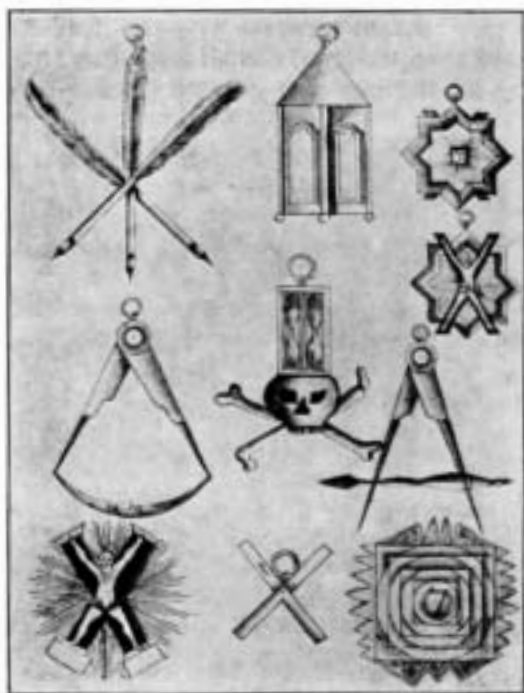
сти, неумеренности, похоти, корыстолюбия, праздности, гнева. Во всех ложах, придерживавшихся какой-либо из систем с наблюдением «*Stricte observanze*» Строгого послушания, семь обязанностей следовали в таком порядке: повиновение, познание самого себя, отвержение гордыни, любовь к человечеству, щедрость, скромность, любовь к смерти.

С большой витиеватостью, весьма логично разъясняется в масонских обрядниках (руководство для управляющих мастеров и тех братьев, которым поручается новопосвящаемый для руководства) значение этих семи обязанностей, их взаимная связь, прочее. В 1788 г. вития говорил братьям о великой важности обязанностей: «Семь должностей, кои нам при самом вступлении в Орден преподаются, настолько важны, что на оных вся каменщицкая наука основывается». Вития пояснял, что даже их число имеет значение: «Самое число их есть нечто важное, ибо число семь есть число величайшего совершенства».

Я привела объяснение степени Кадош как яркой выразительницы духа, оживлявшего большинство высоких степеней. Символами высшего андреевского масонства были: корона — знамение высшего просветления, мудрости; золотой ключ — знак познания тайн бытия; меч — знак воителя; боевая секира — безжалостного отсечения вредных членов общества (рисунок № 1). Крест с изображением святого апостола Андрея Первозванного носился в напоминание клятвы «насаждать учение Вольных

№ 1. Таблица отличительных знаков высоких степеней шведской системы (меч из собр. Общ. л.др. пис. Секира, корона и ключ из собр. Соколовской)

№ 2. Таблица знаков и предметов ритуала андреевских лож: крест с лицевой и оборотной стороны, знаки мастеров и секретаря, потайные фонари (Гос. арх. М. ин. дел. Собр. И.П. Елагина). Т. С.

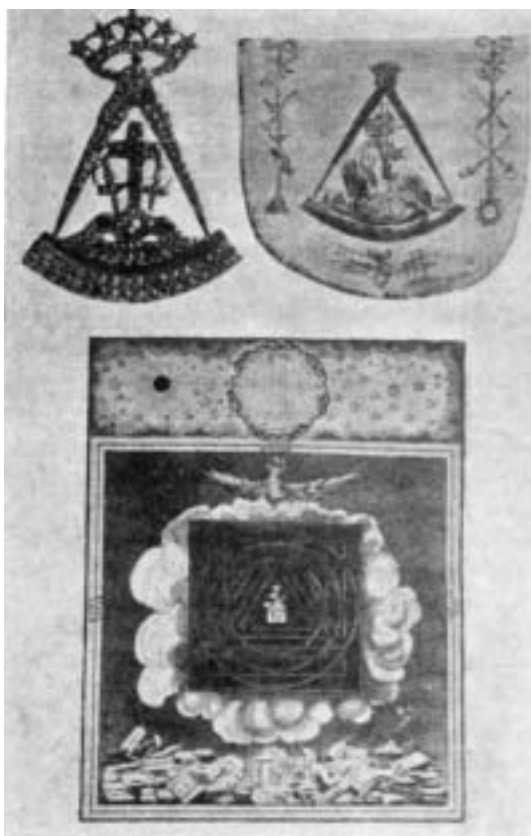
Каменщиков, не щадя своей жизни» (рисунок № 2); фонарь напоминал о свете разума; обычный прямой крест был символом духа, страдания, победы над плотью, борьбы духа с материей; роза означала вечность материи, любовь; пеликан — Спасителя мира, закон высочайшей мудрости, закон благодати; орел — неустранимость, царственность, искусство Вольных Каменщиков (рисунок № 3).

Символические знаки изготавливались из дерева, позолоченной меди, бронзы, золота, серебра, слоновой кости или перламутра; нередко они украшались эмалью, финифтью, драгоценными и

полудрагоценными камнями (рисунок № 3), розенкрейцерский знак, украшенный красными и белыми стразами). Но не только в виде отдельных предметов бывали символы Каменщиков; как описано выше, ими расписывались ленты, запоны, одеяния. Они вышивались золотом, серебром, шелком и мишурой по цветному бархату, атласу, муару, замше и лайке; наконец, они гравировались на меди, золоте, серебре и хрустале, вырезались из дерева и кости. Почти нет таких предметов житейского обихода, на которых Каменщики не изображали своих символов, но чаще всего встречаются табакерки, перстни, брелоки, часы, пуговицы.

III

Для распознавания в постороннем человеке члена масонского Ордена и определения его степени Вольные Каменщики использовали три способа: знак — для зрения, слово — для слуха, прикосновение — для осязания. Всякий член Ордена имел право входа во все ложи мира, поэтому, находясь на чужбине, масон мог требовать для себя так называемой опознавательной ложи. В ней испытуемый подвергался проверке на знание всех знаков, слов и прикосновений пройденных им степеней; после этого перед ним расстилали множество масонских ковров с символическими изображениями. Из них лишь часть была настоящими и, как выражались масоны, «справедливыми и законными», а остальные были фальшивыми. Испытуемый должен был отобрать все ковры, касающиеся его степеней. Если он выходил победителем из этого испытания, председатель закрывал ложу такими словами: «Братья, мы должны себя поздравить, что узнали одного из наших братьев». Перед признанным братом открывались двери лож, посторонние вчера люди открывали свои сердца и кошельки опоз-

№ 3. Ритуальные предметы рыцарей Орла и Пеликана или Златорозового креста. Завеса (Госуд. арх. Собр. Елагина); запон (собр. Д.Г. Бурьлина); отличительный знак (собр. И.П. Щукина). Т.С.

нанному брату, оказывая ему помощь моральную и материальную, смотря по тому, в чем он нуждался.

Каждая масонская степень имела свой особый знак, особое прикосновение и особое слово, которым обучали посвящаемого после принесения им клятвы нерушимого молчания. Чем выше была степень, тем сложнее и труднее для запоминания были условные знаки и слова. Так, например, в двадцать девятой степени Старого принятого шотландского обряда Великий Мастер Света должен был запомнить семь знаков, четыре прикосновения, одно священное слово и четыре проходных. Чтобы дать представление о характере знаков и слов, я приведу их описание согласно обряднику начала XIX в. Знак 1 — земли: наклонить слегка голову, провести по лбу ладонью правой руки, отогнув большой палец. Знак 2 — воды: приложить правую руку к сердцу и, выпрямив вперед, внезапно опустить, как бы в приветствии. Знак 3 — удивления и ужаса: повернуть голову влево, глядя в землю, и поднять обе руки, сложенные вместе, отклонив их немного вправо. Знак 4 — огня: держа руки ладонями наружу, сплести все пальцы, закрыть руками лицо. Ответом на этот знак служил знак воздуха: вытянутая на уровне плеча правая рука. Знак 5 — восторга: возвести глаза к небу, подняв обе руки над головой, но держать левую руку немного ниже; приподняться на пятке левой ноги таким образом, чтобы левое колено образовало наугольник с правым. Знак 6 — солнца: большой палец правой руки положить на правый глаз и вытянуть указательный палец так, чтобы образовался наугольник, и, как будто целясь, произнести: «Я измеряю расстояние до солнца». Знак 7 — скрестить руки на груди Андреевским крестом кончиками пальцев вверх.

Священным словом было — «Nekaman», означавшее, по толкованию масонов, призыв к мести: «Господь, взываю к Тебе об отмщении врагам».

Проходные слова означали гения огня, гения воздуха, гения воды и гения земли: Ardarel, Casmaran, Talliud, Turlae.

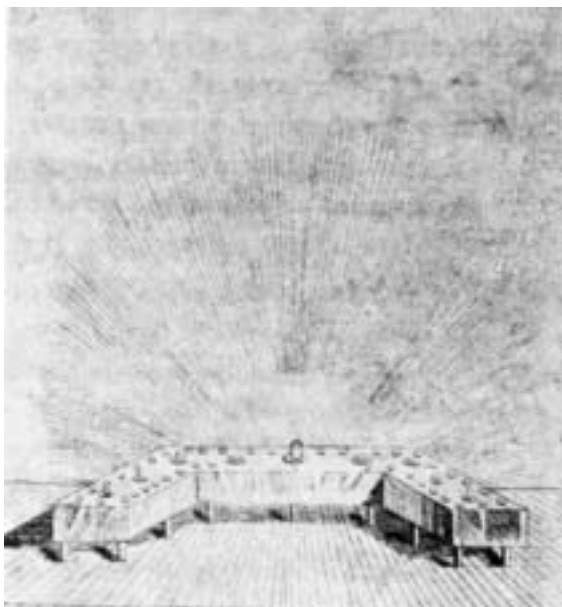
Прикосновения происходили так: 1) поочередно дотронуться до трех суставов указательного пальца правой руки друг друга, произнося по буквам: j-a-k-i-n — jakin, слово первой степени иоанновского масонства, обозначающее крепость; 2) поочередно дотронуться до первого, второго и третьего суставов среднего

пальца друг друга, произнося: b-o-h-a-z — bohaz, слово товарищеской степени иоанновских лож, означавшее силу; 3) взять указательный палец за первый сустав, произнеся поочередно: m-a-k-i-b-e — makibe; затем, взявшись за сустав мизинца, один масон говорит Na, а другой makbena, слово иоаннитских мастеров, означавшее смерть Великого Архитектора; 4) то же прикосновение, но слово другое: первый говорит: Ne, а второй: Ka. Потом первый вновь говорит Man, а другой произносит все священное слово: Nekaman, значение которого уже объяснено. Для непосвященного непонятными кажутся, например, слова уже трех первых прикосновений, для чего повторяются уже ранее объясненные слова давно прошедших степеней, но для посвященного разворачивается вся картина построения храма премудрости Великим Архитектором, смерть этого Архитектора, павшего жертвой своего долга под ударами зависти, злобы и насилия. Именно за эту невинную смерть и взывают к небу о мщении рыцари света, а первые буквы трех слов, по некоторым объяснениям риторов, указывают, что оплакиваемым Архитектором был Iacob Burgundius Mole, Гроссмейстер Храмовников, сожженный в 1314 г.

IV

Масонских обрядов было такое множество, что в краткой статье нет возможности описать их, хотя бы и несколькими словами. Все же я остановлюсь на некоторых.

Кто не слышал о масонских пирах? В проведении фантастических оргий обвинялись уже «фреймазоны» XVIII в.; не избежали подобных обвинений и русские масоны стародавних дней. Все слухи были порождены масонскими столовыми собраниями, проходившими в ложах по окончании заседания. Действительно, братские трапезы завершали по обыкновению и посвящения профанов, и повышения старших братьев в более высокие степени, и даже поучительные беседы. Это делалось (по объяснению масонов) для «вящего скрепления узла братства», и трапезы устраивались в ученических ложах, чтобы могли присутствовать самые младшие члены братства. В масонских уставах не забыты предпи-

План столовой ложи. Т.С.

сания относительно столовых лож, в обрядники включались подробные ритуалы. Так, например, в «Законах для совершенной и справедливой ложи святого Иоанна» времени царствования императора Александра I читаем (глава XV, § 189): Правила для столовой ложи: «Ежели истинный Свободный Каменщик стремится к тому, чтобы отличить себя от профанов чистотою понятий, желаний, побуждений, на-

мерений, действий и разговоров, то обязанность его есть вводить сие отличие в те упражнения, кои служат к его отдохновению и увеселению внешнего человека. Посему самому надлежит, чтобы обеды и ужины, под именем столовых лож в собраниях братских отправляемых, отличались от обедов и ужинов профанских, то есть служили бы не к прельщению, но к умеренному насыщению тела» (§ 190). Руководствуясь этим правилом, устанавливается: 1) при торжественной столовой ложе, проводимой днем, употреблять не более семи блюд; 2) при торжественной столовой ложе, проводимой вечером, — не более пяти блюд; 3) при обычных вечерних столовых ложах — не более трех блюд; 4) вина на каждого брата ставится полбутылки.

Имелись не только указания числа блюд, но в некоторых ложах даже предписывалось, какие подавать и в каких именно случаях. Число здравиц, перечисленных в ритуале, достигало девяти, но, кроме них, «Великий мастер может произнести здравия, какие заблагорассудит, памятуя при том драгую умеренность». Первая здравица неизменно, в царствование императора Александра I, провозглашалась стоя «за высочайшее здравие его

императорского величества и их императорских высочеств»; после этой здравицы следовали троекратные рукоплескания (за высочайшее здравие пилось, конечно, лишь в тех государствах, где масонские ложи были терпимы правительством).

В промежутке между здравицами пелись песни, порядок которых был заранее составлен Мастером стула и обрядона начальником. На ведущем обряды лежали обязанности «маршала, эконома и кастиеляна». Все, что касалось церемоний и хозяйства, было в его ведении. Обычно он брал в помощники второго стюарда и вместе с ним устраивал столовые ложи: заказывал билеты, определял их цену и раздавал их желающим принять участие в трапезе.

В русских ложах обычно наибольшая стоимость билета не превышала двенадцати рублей.

Украшение трапезной залы и сервировка стола зависели от богатства ложи. Так, например, в богатой петербургской ложе Елизаветы к Добродетели в 1812 г. столового серебра было приобретено на пятьсот рублей, и в торжественные дни гирлянды цветов и красивые транспаранты украшали трапезную залу. Стол обычно ставился «покоем», а «приборы, яства и пития» располагались правильными параллельными рядами. Хрустальные бокалы и фарфоровая посуда, использовавшаяся в столовых ложах, были изукрашены всевозможными символическими изображениями. Сохранились даже ножи с масонскими эмблемами.

Все предметы во время столовых собраний носили особое наименование в зависимости от системы, которой следовали братья. Места за столом во всех ложах были распределены почти одинаково. Управляющий мастер садился на востоке, все присутствующие братья, имевшие степень мастера, — на юге,

Бокал ритуальный (собр. П.И. Шукина в Москве)

ученики — на севере, а товарищи — по обеим сторонам. Посетители занимали почетные места ближе к востоку. Ведущий обряд размещался напротив Мастера стула, оба надзирателя занимали места в концах стола, а остальные братья, имевшие должности, располагались по порядку около Мастера.

Столовая ложа, как и другие масонские заседания, открывалась установленными вопросами о времени. Мастер стула спрашивал: «Брат первый надзиратель, который час?» И ответ непременно был одинаков: «Самый полдень». Ложа объявлялась открытой, и братья «в тишине творили молитву». Молчаливую бессловесную молитву сменяла хоровая песнь на мотив «Коль славен»:

«Отец любви, миров Строитель,
Услышь смиренный глас рабов,
Будь наш наставник, оживитель,
Будь нам помощник и покров!
Пронзи нас истиной святою,
Да дышим и живем тобою!»

«По снадении агнца, — гласит ритуал, — братия высших степеней, начиная с седьмой, шествует по два в придел, прочие остаются в тишине, внимая приличному поучительному слову одного из старших между ними». Все те, кто избран совершать «великий обряд», снимали с себя орденскую ритуальную одежду и оставляли ее в преддверии, «дабы предстать во смирении, оставив тленность мира». Шествие открывал Великий ритор, затем шел префект и остальные братья, выстроившись парами. У входа во второе отделение помещения, именовавшееся приделом, шествие приостанавливалось у большого сосуда с водой. Префект, окунув три пальца правой руки в воду, окроплял ею братьев, произнося: «Господи, омой нас от нечистоты страстей и даждь сердце чуждое пороку». Двери придела отворялись, и братья обступали накрытый к трапезе стол. Он был покрыт не белым покрывалом иоанновских лож, символом чистоты нравов, не черным покрывалом шотландских лож, символом тайны бытия, а сукном багрового цвета с нашитым на нем белым крестом святого Иоанна. Кровавый цвет сукна и крест, по словам витии, служили напоминанием о том, что «закон Благодати распространен кровию». Никаких яств, кроме хлеба и вина, на столе не было.

Хлеб лежал на золотом блюде, прикрытом белым полотном; сверху была возложена золотая ветвь акации, служа символом солнца, Спасителя мира, неумирающей жизни, духа и природы. Хрустальная чаша с символическими украшениями до краев была наполнена красным вином и также прикрыта белым полотном. Префект начинал обряд молитвой: «Милосердый Господи, мы и отцы наши согрешихом, и подвергохомся гневу Твоему, но не вспомяни грехов наших. Спасший и примиривший нас, помоги нам, недостойным, освяти нас Святым Духом». После краткого слова к собравшимся префект преломлял хлеб и раздавал его, говоря: «По примеру нашего Великого Мастера (Спасителя мира) преломляем хлеб и едим во упование на Святое имя Его. Да дарует нам Всевышний Отец, ради Сына Своего, отпущение грехов и вечное блаженство». Когда весь хлеб был роздан, префект поднимал над головой чашу с вином и говорил: «Мы все, яко одушевленные единою. Любовью к Спасителю мира, и взаимною друг к другу искренностью, пьем от единой чаши, вкушая в виде вина кровь Спасителя, во отпущение прегрешений наших». Когда допита была последняя капля братской чаши, префект восклицал: «Господь, днесь соединивший нас, к торжественному подтверждению нашего обета братолюбия, да будет посреди нас и да сохранит нас в том расположении души нашей, каковому подобает быть при Вечере Его. Аминь». В знак свершения «не устами, а сердцами тайной вечери» братья возобновляют обет братолюбия и верности Ордену. В том же порядке,

как входили в придел, братья возвращаются, и префект громко возвещает, что братья, «яко первенствующие члены братской цепи, исполнили священнодействие с подобающим сердечным сокрушением и укрепились внутренним чувством». «Мы уверяем вас, — тожественно подняв «три перста правой руки», говорит префект, — что мы будем всеми нашими силами споспешествовать изящно-доброму упражнению истинных Свободных Каменщиков и стараться о возвышении оного».

Речь префекта иногда бывала и пространнее, а иногда ограничивалась этим кратким обетом. Но последняя молитва была всегда одна и та же: «Всемогущий Господи, к Коему наш дух на крыльях веры воспаряет, даруй нам по милосердию Твоему крепость исполнить наши намерения. Просвети ум наш и исполни сердца наши теплотою, да связь любви, завещанная Тобою, оживляет и наш союз навсегда нерушимо. Аминь». Братское целование завершает обряд. Префект лобызает стоящих возле него с обеих сторон, говоря: «Примите залог, утверждающий союз любви, в коем мы ныне возобновлены. Да будет он навсегда узлом, соединяющим нас между собою».

В своем кратком очерке по обрядности я не задавалась целью проследить возникновение обрядов, зарождение символов и их постепенное развитие; это настолько сложная задача, что решить ее может лишь многотомное исследование.

Я остановила внимание на тех обрядах и символах, которые наиболее характерны для различных направлений работ Вольных Каменщиков.

Т. Соколовская

Масонская грамота

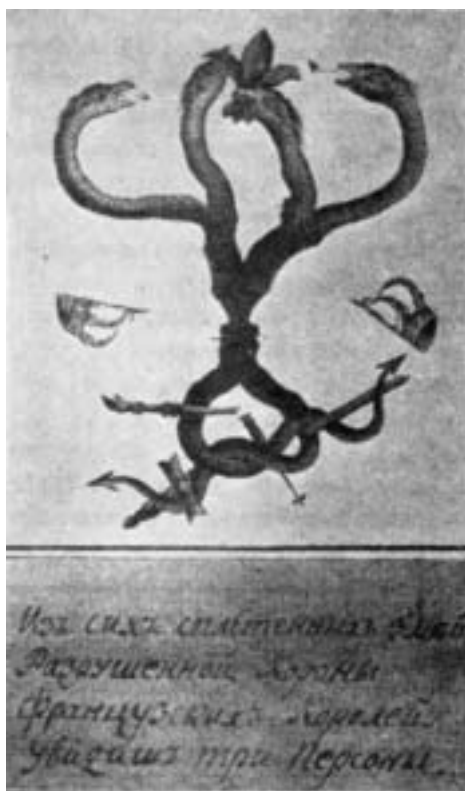
Правительственные гонения на масонов

За русским масонством еще с конца XVIII в. установилась традиция считать себя постоянно подвергавшимися гонениям со стороны правительства. Сами руководители старого масонства в большой степени способствовали созданию этой традиции. Известному масону Лопухину весьма нравится венец мученичества, и этим взглядом проникнуты его записки. Так смотрит на дело и знаменитый Иван Перфильевич Елагин. «Воздвигалась, — рассказывает он, — мрачная негодования туча, и на всю братию, особливо на собор Московский, гром запрещения тайных собраний испустила». Многие современники из немасонской среды, такие, как известный канцлер князь Безбородко, Н.М. Карамзин и другие, осуждали екатерининское правительство за воздвигнутые им гонения на масонов.

Но надо строго различать дело Новикова и дело масонства. Новиков пострадал очень сильно, конечно, не за масонство, а за свои политические и общественные идеалы. Гонения на масонов за их собственно масонскую деятельность были весьма незначительны, но даже и та немилость, в которую впали масоны у екатерининского правительства, была сильным для них наказанием, незаслуженным, потому что чистое масонство, без той окраски, которую придавал ему Новиков, было, разумеется, безвредным в политическом и религиозном отношениях. Мы, прежде всего, остановимся на той позиции, которую по отношению к масонам постепенно заняла Екатерина II. Сначала не отделяла дело Новикова от дела всего масонства, но, познакомившись с тем и другим, она отчетливо разделила оба явления.

Надо помнить, что Екатерина II по самому складу своего ума, холодного и склонного к рационализму, не могла не относиться к масонству враждебно: она не понимала и не любила ничего мистического, туманного. Всякого рода проявления мистицизма, особенно если он складывался в секту с примесью чего-либо чудесного, необычного, — все это, по ее мнению, было обманом. С другой стороны, всякого рода просвещение, в том числе и масонство, пробуждало умы, требовало для них простора, что уже затрагивало абсолютизм власти императрицы (Пыпин. *Времена Екатерины*. В.Е., 1895, № 7, стр. 272—273). Как известно, такое отношение к масонству она высказала в своих литературных произведениях, и уже в «Шамане сибирском» императрица-публицист высказывает угрозы в адрес «обольстителей» (Семяка. *Русские розенкрейцеры*)⁵¹. С другой стороны, хотя либерализм Екатерины II в начале ее царствования бесспорен, но ее взгляды постепенно изменялись. Еще до пугачевского бунта ее увлечение западноевропейскими философами несколько охлаждается. Правда, переписка с ними продолжается, но она уже не имеет прежнего серьезного значения. Пугачевский бунт, с принесенными им потрясениями, внес в душу Екатерины II еще большее разочарование. Отсюда — недоверие и вражда ко всякому свободному движению личности. Как раз такое настроение Екатерины II совпадает с первыми сведениями о французской революции. Правда, она не сразу разобралась в ходе французских событий. В первых признаках революционного во

Франции она не видела ничего особенного. Она переписывается с Неккером о французских делах, порицает расточительность Версальского двора, имеет не очень высокое мнение о французском короле и временами даже признает «великолепной» мысль о собрании нотаблей. Но взятие Бастилии и последующие события «отрезвили» русскую императрицу. Она уже сравнивает членов Учредительного Собрания с Пугачевым и решает вопрос довольно просто: «До сих пор считали заслуживающим виселицы того, кто будет замышлять разрушение страны, а тут занимается этим целая нация. Или, лучше сказать, тысяча двести депутатов этой нации. Если бы повесили из них несколько человек, то, я думаю, что остальные бы образумились» (Пыпин. *Времена Еатерины*. В.Е., 1895, июнь, стр. 753–763).

Аллегорическое изображение.
Allegorie (Музей П.И. Щукина)

Такое отношение императрицы к французскому движению, корни которого она не могла не видеть в предшествующем общественном и просветительном движении во Франции, заставляли императрицу быть особенно внимательной к аналогичным движениям внутри ее монархии. К этому надо добавить, что в 80-х гг. в Германии началось усиленное преследование тайных обществ, имевших отношение к масонству или иллюминатству. Иллюминатам вменялись в вину самые ужасные преступления, стремление низвергать троны и алтари, отравления и убийства. В борьбе с представителями тайных обществ немецкие правительства не применяли никаких выработанных юридических норм, преследуя их законными и незаконными способами (Пы-

пин. Русское масонство. В.Е., 1867, № 12, стр. 42—43). Вполне естественно, что Екатерина, зная все обвинения, которые на Западе раздавались в адрес иллюминатов и вообще масонства, сделалась подозрительной и по отношению к московским движениям, не вдаваясь в различия, которые отделяют масонство от крайностей иллюминатства. «Забывая все различия между двумя разрядами понятий, — говорит по этому поводу Пыпин, — которые она смешивала, между шарлатанским или простодушным мистицизмом и стремлениями к просвещению и рационализму, ей представлялось опасным то, что было только именно младенческим порывом зарождавшейся общественной мысли и деятельности» (Пыпин. Русское масонство. Вестник Европы, 1867, № 12, стр. 47—48). Надо

заметить, что Екатерина была не одинока в своем подозрительном отношении к масонству. Многие из ее современников еще более подозрительно и недоверчиво относились к этому движению. Из многих свидетельств такого рода сошлемся на записки Лопухина, которые подробно описывали отношение тогдашнего общества к масонству. Так, например, он говорит, что «люди, как бы почитающие себе за должность осуждать других и порицать то, чего совсем не знают, распускали разные о нас толки. Шум был велик, потому что людей таких много, и еще больше тех, которые столько же охотно верят всякому дурному о других, сколько не хотят поверить доброму».

Аллегорическое изображение.
 Allegorie (Музей П.И. Щукина)

Этим, естественно, объясняется та позиция, на которую встала Екатерина II по отношению к Новикову и московским масонам, которых она до конца дела не отделяла от Новикова. Познакомившись с делом, произведя расследование, Екатерина уяснила себе это различие, чем и объясняется неодинаковый исход дела по отношению к разным лицам. О Новикове Екатерина выразилась, что он «умный, но опасный человек», и «мартинист хуже Радищева». Даже еще во время следствия ее не могли разубедить некоторые положительные доводы в пользу Новикова, так что и после доклада архиепископа Платона⁵² Екатерина отозвалась о Новикове: «C'est un fanatique». Поэтому по существу в преследовании масонов нужно различать два дела: дело самого Новикова и дело всего масонства.

Теперь нам остается проследить историю развития грозы, постепенно надвигающейся на деятельность Новикова и вообще масонства. Надо отдать должное осторожности, с которой Екатерина II подходила к этому делу. Деятельность Новикова обратила на себя ее внимание уже в 1784 г., когда новиковский кружок находился еще под покровительством московского главнокомандующего графа Чернышева. В августе этого года в своем особом указе на имя Чернышева императрица говорит, что владелец типографии Московского университета Николай Новиков напечатал в ней несколько книг, изданных Комиссией о народных училищах, что нарушает права комиссии и ее доходы, поэтому предписывается взыскать с издателя понесенные ею убытки. Новиков дал объяснение, что книги⁵³ напечатаны по распоряжению московского главнокомандующего. Через месяц был получен новый указ, запрещающий печатать в Москве «ругательную историю» Ордена иезуитов, так как этот Орден взят государыней под свое покровительство. Это снова касалось Новикова, который действительно тогда печатал историю Ордена⁵⁴.

Отношение правительства к масонам становилось все менее благоприятным. Это отражалось на отношениях к ним московских главнокомандующих, сменивших графа Чернышева. Первым его преемником был граф Брюс, который считал мартинистов людьми весьма опасными в политическом отношении. Он подозревал, что под покровом этого учения кроются стремления нанести ущерб власти и нарушить существующий порядок.

Митрополит Московский Платон
(собр. С.П. Виноградова)

Таково было мнение самой императрицы, на что Брюс указал Лопухину перед его отставкой (Лонгинов, стр. 246–247). Правда, преемник Брюса, старый воин Еропкин, вступивший в должность главнокомандующего в 1786 г., довольно терпимо относился к масонам (там же, стр. 268). Но в 1790 г. главнокомандующим был назначен князь Прозоровский, человек весьма не расположенный к новиковскому кружку и усердствовавший в проведении взглядов императрицы. Сам Прозоровский

охотно верил всем тем рассказам и слухам⁵⁵, которые ходили в обществе о мартинистах (там же, стр. 301). Неудивительно поэтому, что он выказывал в нем особое усердие. В таких условиях проходил процесс Новикова. Его можно разбить на несколько этапов.

Во второй половине 1785 г. граф Брюс и архиепископ Московский Платон получили указы, которые требовали духовной и светской ревизии всех частных школ и училищ в Москве, а затем и ревизии книг, вышедших из новиковской типографии. В указах говорилось, что в школах допускается «суеверие, развращение и обман», а среди книг печатаются «многие странные книги»; затем требовалось, чтобы впредь не появлялись книги, в которых заключаются «колобродство, нелепые умствования и раскол». Сверх того, архиепископу предписывалось испытать Новикова в Законе Божиим. Это было первое серьезное предостережение, сделанное императрицей. Московский губернский прокурор А.А. Тейльс нашел только две вредные книги, напечатанные в университетской типографии Новикова, так как другие книги печатались в Типографской компании или в типографии Лопухина. Так как все эти типографии находились в распоряжении Новикова, то, возможно, его кружок избегал печатать

в университетской типографии наиболее опасные книги. Впрочем, в этот раз в руки следователей еще не попали книги, напечатанные в тайной типографии без надлежащих разрешений; эти книги как раз и имели наиболее важное значение. В общем, Тейльс опечатал, считая нужным подробно рассмотреть, чытыреста шестьдесят одно наименование книг, продававшихся в книжной лавке Новикова. Книги были исследованы цензорами, назначенными архиепископом Платоном. В Управе благочиния Новикову пришлось давать показания об издании книг в его типографиях. С другой стороны, Платон нашел среди книг, предложенных ему для рассмотрения, частью книги вредные, частью книги мистические, которых архиепископ, по его собственному признанию, не понимает, и частью книги, полезные для общества.

Все это расследование закончилось для Новикова на этот раз довольно благополучно. Архиепископ Платон признал Новикова хорошим христианином, найдя удовлетворительными все его ответы касательно веры.

Книги, признанные Платоном вредными, не особенно испугали императрицу, потому что среди них были сочинения энциклопедистов и тому подобное. Указ от 27 марта 1786 г. запрещал продажу только шести книг как раз масонского направления. В нем содержались угроза в адрес Новикова и его типографий и запрет печатать книги, содержащие «странные мудрования».

Но одновременно центральное правительство стало преследовать и благотворительную деятельность новиковского кружка. Указом от 23 января 1786 г. повелевалось все частные школы и больницы в Москве, кроме имеющих особые привилегии и состоящих на учете в Правлении светского и духовного начальства, подчинить ведомству Приказа общественного призрения и предписывалось наблюдать за всеми учреждениями новиковского кружка (Лонгинов, стр. 250–260).

В следующем году преследования приняли уже более серьезный характер. По-видимому, раздача Новиковым хлеба простому народу в голодный 1787 год послужила толчком к интенсивным мерам против его кружка. В этом году последовало запрещение печатать в светских типографиях книги⁵⁶, относящиеся к

церковному или Священному Писанию, запрещена продажа этих книг в частных лавках, что грозило абсолютным прекращением издательской деятельности новиковского кружка; наконец, последовал запрет отдавать Новикову университетскую типографию (Лонгинов, стр. 279–289). В 1791 г. в Москве появляется известный граф Безбородко, имевший целью негласно произвести следствие о масонах. Он имел очень широкие полномочия, но уехал из Москвы для доклада императрице, даже не начав формального следствия, видимо, не считая его нужным (Записки Лопухина в «Русском архиве», стр. 34–35).

До 1792 г. у правительства имелся ряд подозрений, но, по-видимому, еще не было достаточных улик. В этом году оно узнало о продаже в московских лавках какой-то запрещенной книги, а также о том, что у Новикова, в селе Авдотьино, имеется тайная типография (Лонгинов⁵⁷, стр. 317). Началось расследование, и Прозоровский установил факт продажи в московских лавках «Новой Киропедии», экземпляры которой были конфискованы у Новикова при первом допросе. Последовали обыски и арест самого Новикова, который тогда находился в своем подмосковном селе Авдотьино. Следствие обнаружило тайную продажу двадцати наименований запрещенных книг и сорока восьми — напечатанных без разрешения. Продажа запрещенных книг происходила как в лавках Новикова, так и в лавках, имевших к ним отношение (Лонгинов, стр. 313–315). Князь Прозоровский сам занялся допросом арестованного Новикова. По наблюдениям князя, Новиков оказался человеком «натуры острой, догадливой», он робел на допросе, но не «замешивается»; он показался Прозоровскому человеком «коварным и лукавым». К делу были привлечены книготорговцы (Кольчугин и другие, продававшие запрещенные книги, взятые ими у Новикова (Лонгинов, стр. 315–318)). После первого же допроса у Прозоровского Новиков с большими предосторожностями, кружным путем был отправлен в Шлиссельбург, где попал в руки известного следователя Шишковского. Основная цель Шишковского заключалась в том, чтобы установить, не преследовал ли новиковский кружок политических целей или целей антирелигиозных. Известно, что следствие закончилось заключением Новикова в Шлиссельбургскую крепость на пятнадцать лет. Одновременно

с арестом Новикова Прозоровский проводил следствие по его сообщникам. Тургенева тогда не было в Москве, поэтому допросу, прежде всего, подверглись князь Н.Н. Трубецкой и И.В. Лопухин. Последний в своих записках передает подробности допроса. Сам Лопухин вынес впечатление, что московский главнокомандующий «ожидал раскрыть во мне превеликого злодея государственного и надеялся, что доведется меня арестовать». С первых же слов Прозоровского Лопухин смог понять, какое значение он придает всему этому делу. Лопухин сам писал ответы на вопросы, заготовленные в Петербурге при участии императрицы. Много раз во время допроса Лопухину приходилось заявлять о своих верноподданнических чувствах и верности государыне, а также о том, что он не уступит ни князю Прозоровскому, ни кому другому в чувстве долга верного подданного и сына отечества.

Лопухину, Трубецкому и Тургеневу, согласно указу императрицы, угрожала ссылка. Но, по-видимому, показания Лопухина произвели на Екатерину очень благоприятное впечатление, и ссылка его не состоялась. Он был оставлен в Москве под присмотром полиции. Трубецкой и Тургенев были сосланы⁵⁸. Князь Репнин, о переписке которого со Шредером стало известно императрице, был оставлен под подозрением и впоследствии уже не пользовался милостями государыни.

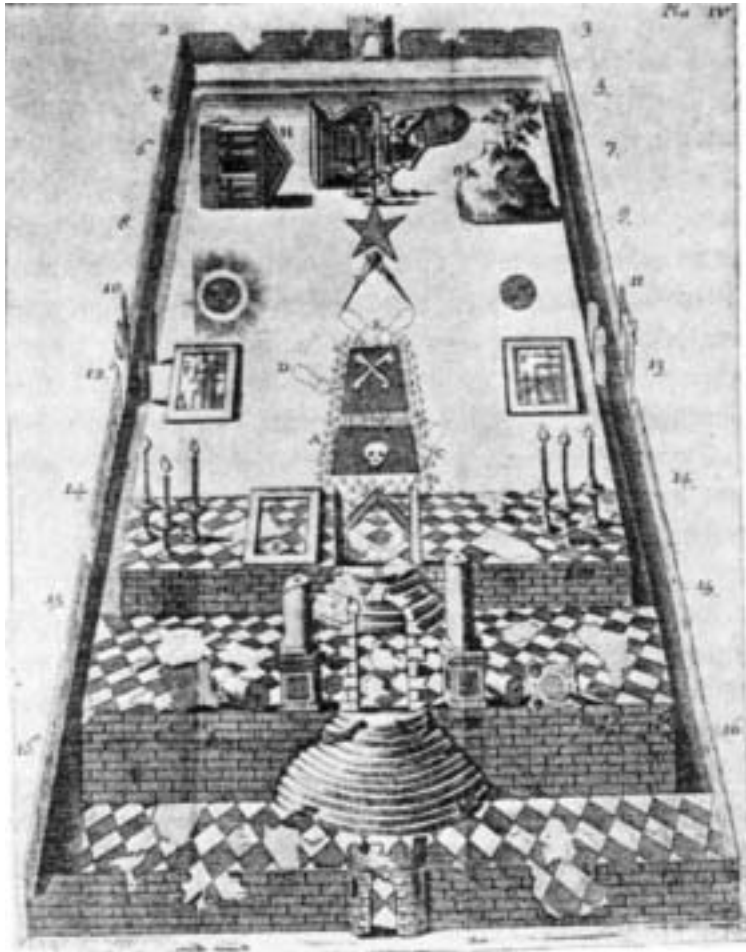
Закончив допрос ближайших сотрудников Новикова, князь Прозоровский продолжал розыски запрещенных книг. По его распоряжению два цензора от университета и два — от духовенства просматривали книги во всех московских лавках, руководствуясь строгой инструкцией главнокомандующего. Было найдено новое отделение в Гендриковском доме, где оказались запрещенные книги; несколько книг в книжных лавках были признаны «весьма недостойными существовать», в том числе и Карамзинский перевод «Юлия Цезаря» (Тихонравов. Сочин., т. III, ч. 2, стр. 56).

Из других сотрудников Новикова правительство оставило в покое А.М. Кутузова⁵⁹, жившего в Берлине по масонским делам, известного купеческого сына Походяшина, истратившего свое состояние на мероприятия новиковского кружка. Гамалея подвергся легкому допросу у полицейских чиновников, князь

Енгальчев, В.В. Чулков, О.А. Поздеев, куратор Московского университета М.М. Херасков и многие другие, причастные к этому делу, отделались одним только испугом (Лонгинов, стр. 352–354).

Значительно большее внимание было уделено двум молодым воспитанникам новиковского кружка, только что возвратившимся из-за границы после четырехлетнего обучения, Невзорову и Колокольникову. Оба они были арестованы в Риге и немедленно доставлены в Петропавловскую крепость. Обоих подвергли строгим допросам. Допрошен был и доктор Багрянский, тоже из числа воспитанников новиковского кружка, в то время находившийся в качестве врача при больном Новикове. Следствие стремилось выяснить отношение этих молодых людей к Новикову и его кружку, а также к масонству. Их показания интересны лишь как биографический материал, так как все трое были слишком далеки от участия в масонской деятельности, а были просто приемными детьми новиковского кружка. Невзоров и Колокольников заболели во время допроса, и их перевели во Обуховскую больницу, где Колокольников вскоре умер. Невзоров некоторое время оставался в больнице как душевнобольной, его последние ответы на вопросы следствия производят бесспорное впечатление ответов человека невменяемого. Багрянский же получил разрешение ухаживать за Новиковым в крепости (Лонгинов, стр. 355; Сб. И.Р.И.О-ва, II).

Ликвидировав дела с представителями Новиковского кружка и с самим Новиковым, правительство занялось финансовым уничтожением новиковской компании. Конфискованные книги, напечатанные тайно или с разрешения, а затем запрещенные, в количестве 18 656 экземпляров, были сожжены. В 1794 г. в Гендриковском доме было найдено еще одно помещение с книгами, ранее неизвестными, и часть этих книг тоже была сожжена. Дела компании были весьма расстроены. Личное имущество Новикова было невелико, у компании же оказались большие долги, значительно превышающие ее имущество. Попытки продать на открытых торгах дом компании, ее аптеку и типографию оказались неудачными, ибо не нашлось потенциальных покупателей (Лонгинов, стр. 359). Все дела новиковской компании были окончательно ликвидированы при императоре Павле.

Ложа мастеров⁶⁰

Сделав общий обзор преследований, необходимо теперь особо выделить дело Новикова и отношение его к остальному масонству. Так как долгое время дело Новикова для ученых абсолютно сливалось с делом всего масонства, то для многих суровое наказание Новикова казалось величайшей несправедливостью. Но, думается, Новиков вовсе не нуждается в оправдании, и историку не приходится выступать в роли обвинителя императрицы. В этом деле случилось то, что всегда бывает, когда представитель власти стремится удержать существующий порядок вещей, оберегает его от тех элементов, которые способны вне-

сти новую прогрессивную струю в общественные или политические отношения. И Екатерина поступила так, как только и мог поступить государь с твердыми убеждениями, а Новиков подвергся обычной участи общественного и политического деятеля, пошедшего вразрез с курсом правительства, без надежды на возможность убедить его в правоте своих идеалов. В самом деле, история вопроса такова. Один из первых исследователей, Лонгинов, считал Новикова совершенно невиновным и искал причины его заточения в нелюбви к масонам фаворита императрицы графа Дмитриева-Мамонова. Он же говорит о недоброжелательстве к «Дружескому обществу» куратора Московского университета графа Мелиссино (Лонгинов. Новиков и московские мартиристы, стр. 269 и др.). Недавно профессор Иконников высказал мысль, что первое дело, возбужденное против Новикова в конце 1785 г., было результатом внушения со стороны лица, желавшего причинить неприятности архиепископу Платону через поручение испытать Новикова в религии (Иконников. Значение царствования императрицы Екатерины II, стр. 87). С особенной дотошностью останавливался на деле Новикова покойный академик Пыпин, обращая особое внимание на моральную сторону дела. Он подчеркивает то обстоятельство, что участь Новикова была решена без формального суда. Это замечание справедливо, но напомним, что тогдашний суд нашел бы в уложениях и воинских артикулах еще более суровую форму наказания для Новикова. Пыпин настаивает на том, что никаких неоспоримых доказательств возведенных на Новикова обвинений найдено не было, так же как и указаний на какие-либо сокровенные замыслы. Таким образом, Новиков был осужден за печатание неразрешенных книг, что в глазах правительства большого значения не имело. Оправдывая Новикова, Пыпин, однако, не может не признать того, что обвинения были направлены против общественной деятельности Новикова, но отрицает за ним «какие-нибудь политические затеи» (Пыпин. Времена Екатерины II; Вестник Европы, 1895, № 7, стр. 292—293). Впрочем, по существу, в объяснении Пыпин придерживался мнения, ранее высказанного Якушкиным (Сборник «Почин», стр. 173). Для Незеленова, который очень многое разъяснил в этом деле, суровое наказание Новикова в сравнении с судьбой, постигшей главу этого Ордена князя

Обескураженный масон.
Сатирич. изобр. из «Les Francs-Mason ecrases» (изд. XVIII в.)

Трубецкого, не совсем ясно. Поэтому автор высказывает догадку, что Новикова судили как журналиста, за убеждения, высказанные им в журнальных статьях (Н.И.Новиков, издатель журналов, стр. 431–432). Напротив, новейшие исследователи прямо указывают на общественно-преобразовательный, даже на политический

элемент в деятельности Новикова (Семека. Русские розенкрейцеры, стр. 6) — например, профессор Сиповский, хотя, по его мнению, «Екатерина не могла обличить Новикова, судя по обнаруженным документам» (Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника», приложение 1, стр. 16).

Действительно, в деле Новикова и во всей его деятельности общественная и политическая стороны должны быть поставлены на первый план, и сам Новиков хорошо это понимал, называя их «осью всего делопроизводства» (Лонгинов, стр. 074). Даже более того, масонство самого Новикова, после исследований Незеленова, может оказаться под сомнением; по крайней мере, его чистота. По своему характеру Новиков и не мог быть чистым масоном, ибо не признавал орденских обрядов, ему пришлось отречься со слезами от своей «умственности», от веры в свои силы, каяться в пренебрежении обучением братии (Незеленов. Указ. соч, стр. 242—243 и 312). Как журналист, Новиков проводил многие передовые идеи, которые не могли не вызвать тревоги у Екатерины II, но императрица не касалась вопросов журналистской деятельности во время следствия. Следствие предоставило иной материал, который хотя не и не дал правительству удовлетворительного ответа на многие из поставленных вопросов, но продемонстрировал, что арестованные без вреда для себя и не могут дать отчетливого ответа.

Так, для следствия было важно выяснить отношение Новикова и его кружка к иллюминатству. Новиков на допросах отрицательно отзывался о нем. Тем не менее, на руках у следователей были документы противоположного характера (Сб. И.Р.ист. общ., т. II, стр. 128). В научных взглядах на этот вопрос существует расхождение. Пыпин, например, сомневался, что у нас были последователи иллюминатов (Вестник Европы, 1895, № 6, стр. 46—47). Напротив, новейший исследователь профессор Сиповский в деятельности Шварца видит отражение тенденций иллюминатства, находя подтверждение своему мнению и в его биографии (Карамзин и др., стр. 12). Те же черты практической деятельности на почве политического обновления русского общества характеризуют и Новикова (там же, стр. 15).

В деле Новикова не все шло так гладко и невинно, как это иногда представляют исследователи. Нельзя, например, не об-

ратить внимание на то, что даже в своих показаниях Новиков далеко выходит за пределы той деятельности, которая была бы свойственна чистому масонству. Он, по собственному признанию, выпускает в свет «мерзкие» книги, принимает деятельное участие в сношениях с Павлом, имеет на руках бумаги, от которых сам «приходит в ужас», однако переписывает и хранит их. В своих ответах Шешковскому Новиков несколько раз хитрит, запирается, говорит неправду, два раза он давал подписку о том, что не будет продавать запрещенных книг, и все же продавал.

В руках правительства были еще какие-то бумаги, уличавшие Новикова (Сиповский. Карамзин, приложение I, стр. 14–15).

Но, разумеется, в вопросах Новикову особо важное значение придавалось его сношениям с великим князем Павлом Петровичем. Показания самого Новикова об этих сношениях, как этого можно ожидать, отличались величайшей осторожностью. Ясно одно, что Новиков еще раньше по собственному почину преподносил великому князю книги. Новиков не отрицал и того, что архитектор Баженов был в милости у великого князя и вел с ним какие-то переговоры. Нельзя было скрыть и того, что великий князь милостиво относился к самому Новикову. Сношения Новикова с великим князем не были его личным делом: по поводу всех контактов с ним он совещался с князем Ю.Н. Трубецким и вообще со старшими братьями, а также ничего не предпринимал без своего друга Гамалея. При контактах принимались меры крайней предосторожности. По своему обыкновению, Новиков в ответах на многие вопросы отговаривался забывчивостью. Но он не мог скрыть того, что всякого рода посылки от ма-

Кн. А.А. Прозоровский
(изд. в. кн. Ник. Мих.)

сонов к великому князю принимались тем очень милостиво. В одном из докладов Баженова было что-то «конфузное», было что-то такое, что заставило Новикова с Гамалея «испугаться», так что приятели «тогда же бы ее (бумагу, записку Баженова) сожгли от страха», и не сожгли только потому, что ее надо было показать князю Трубецкому. В записке было что-то такое, что Новиков не отдал ее в подлинном виде даже князю Трубецкому, а сам переписал ее и несколько подправил, сократил и «все невероятное выкинул». Конечно, были приняты меры к тому, чтобы чья-нибудь болтливость не повредила делу (Сб. И.Р.истор.общ., № 2, стр. 120–121).

Новиков, очевидно, показал то, что необходимо было показать, что бесполезно и вредно было бы пытаться скрыть. Тайнственные документы, фигурировавшие в деле, до нас не дошли. Но из этих показаний ясно, что сношения с великим князем не исчерпывались одной пересылкой книг и, очевидно, имели какую-то политическую подоплеку. Недаром сам Новиков признавал себя достойным жесточайшего наказания. Исследователи Новикова вынесли общее впечатление, что в его ответах «есть нечто, сокрытым быть желаемое» (Пекарский, стр. 136).

Не входя в подробности, напомним, что цесаревич Павел действительно был окружен ревностнейшими масонами, которые потом, в его царствование, играли ведущую роль (Соколовская. Русское масонство, стр. 10). Новиков не только преподносил великому князю книги, но некоторые из них посвящал ему, например «Опыт исторического словаря о российских писателях»; он принимал активное участие в преподнесении наследнику конституционных планов (Летопись русской литературы и древности, т. V, стр. 92). Еще Шварц предлагал признать великого князя Великим Провинциальным мастером, на что тогда не решились, но все же должность Мастера русской провинции оставалась вакантной (Лонгинов, стр. 116). Масонские песни⁶¹ очень часто обращены к Павлу. В них Павел представляется «зраком ангела», будущим отцом; в Павле масоны видели идеал царя.

В таком виде представляется дело Новикова. По крайней мере, в той его части, которая нам сейчас известна. Но, бесспорно, правительству Екатерины II были известны некоторые подробности, не дошедшие до нас, и, более того, оно было уверено

в том, что Новиков открыл далеко не все из того, что мог бы. Свое окончательное суждение по этому делу Екатерина II высказала в указе на имя князя А.А. Прозоровского от 1 августа 1792 г.⁶². В нем она, частично на основании показания самого же Новикова, повторяет свои обвинения в адрес масонства, которые она высказывала еще в своих литературных произведениях. На первом плане стоят: обвинение масонства в применении таинственных обрядов и клятв, обвинение в том, что они подчинили себя герцогу Брауншвейгскому, что они пользовались при переписке шифром, что они пытались привлечь в свой Орден великого князя, а также то, что они печатали запрещенные правительством книги; но главный упрек заключался в том, что Новиков далеко не полностью открыл свои сокровенные замыслы (Лонгинов, стр. 0114). Это официальный указ, в котором Екатерина хотя и говорит многое, но не все договаривает. Следователи по новиковскому делу, особенно Прозоровский, в личной переписке идут гораздо дальше в своих предположениях относительно того, что было утаено Новиковым на следствии. Так, князь Прозоровский был уверен в том, что Новиков и его друзья — «совершенные иезуиты»; поэтому он был убежден, что масоны таили от следствия свои политические замыслы. Прозоровский уже тогда приписывал масонам умысел против жизни Екатерины, по крайней мере в том случае, если бы удалось залучить в свой Орден и наследника престола: «Если бы успели они персону привести, как и старались на сей конец, чтобы привести конец злему своему намерению, то б хуже сделали французского краля». Быть может, и сама Екатерина доходила до этих предположений.

Подводя итоги того, что вскрылось в деле Новикова в связи с его общественной деятельностью, мы можем подчеркнуть прежде всего то обстоятельство, что дошедшие до нас материалы не дают еще права высказать окончательное суждение. Ясно только, что екатерининское правительство отделяло Новикова и от масонства, и даже от членов новиковского кружка, и имело для этого основания.

В соответствии с духом и правом данного периода правительство поступило относительно мягко. Что же касается вопроса о виновности или невинности Новикова, то он совершенно не

нуждается в оправдании. Это был крупный общественный деятель, сознательно положивший свою жизнь на дело развития общества, может быть, и в целях хотя бы отчасти содействовать политической перестройке общественных отношений. И, как всегда, трудные и важные процессы общественного развития требуют жертв. Такой жертвой на благо общества и был Новиков.

М. Довнар-Запольский

Масонский запон
(Ист. музей)

Масонская грамота

Император Павел I и масонство

В жизни и деятельности императора Павла еще много сторон, не вполне объясненных исследователями. К их числу относится и вопрос об отношении императора к масонству. Для раскрытия этого вопроса собрано слишком мало фактического материала, и, может быть, он никогда не будет собран в достаточном количестве. Не говоря уже о таинственности, которой масоны вообще старались окружить свою организацию и свою деятельность, масса документов об отношениях Павла с масонством была своевременно уничтожена заинтересованными лицами, в том числе самим Павлом, когда он охладел к масонству, заметив, что «Орден Свободных Каменщиков» несовместим с его идеалом полицейского государства. Но и сохранившихся материалов, нам кажется, достаточно для того, чтобы биографы им-

ператора Павла утвердительно ответили на вопрос о принадлежности его к масонскому ордену и могли в общих чертах проследить изменения его отношения к масонству.

Известно, что в России второй половины XVIII в. масонство развивалось на почве противодействия сухой материалистической философии того времени, выразившейся в творениях энциклопедистов. Желание указать важность и законность духовных стремлений человека, связать его нравственный и религиозный мир с данными научного опыта, с миром внешним, чувственным, создать этические идеалы — проявлялось у масонов в самых разнообразных формах. «В самом масонстве, — писал впоследствии один из известнейших масонов начала XIX в. граф М.Ю. Виельгорский, — бывают иногда мнения противоположные, и, так сказать, само масонство порождает разных чад, а потому-то орден и масонство — весьма различны, что и пребывает великой тайной». Сходясь в отрицании разумности основ материализма и в признании важности духовного совершенствования человека, масонские кружки отнюдь не проявляли единства в своих целях и средствах: чистая наука процветала в их обществе наряду с алхимией, возвышенные религиозные начала — с оккультными науками, стремление к нравственному самосовершенствованию, к благотворительной и просветительской деятельности — с крайними политическими теориями иллюминатов. «Великая тайна» Ордена была скрыта от непосвященных, понималась масонами на разные лады, но объединяла их в борьбе со злом, царившим в обществе и государстве, людей с чутким умом и сердцем, чувствовавших ничтожность своих единичных усилий. Внешним выражением этого объединения являлась вся обрядовая сторона масонства с его мистическим аллегорическим антуражем, вызывавшая среди поклонников учения энциклопедистов, вырабатывавших в себе трезвый, «философский» взгляд на вещи, саркастическое к себе отношение. Блестящая и просвещенная покровительница Вольтера, Дидро, д'Аламбера императрица Екатерина смеялась над «нелепостями» масонства, над «соединением религиозных обрядов с ребяческими играми», над «обетами, чудачествами, странными и нелепыми одежаниями» их. «Перечитав, — писала она, — в печати и рукописях все скучные нелепости, которыми занимаются масоны, я с отвра-

шением убедилась, что, как ни смейся над людьми, они не становятся от того ни образованнее, ни благоразумнее». Эта благодушно-презрительная точка зрения императрицы на «Свободных Каменщиков» помогла беспрепятственному внедрению и развитию масонства в России в течение первых двадцати пяти лет ее царствования, до тех пор, пока она под «чужаествами» и

Н.И. Панин
(собр. в. кн. Ник. Мих.)

«странными одежаниями» не разглядела вольнодумства, опасного для своей самодержавной власти. В действиях масонов она увидела резкое проявление новой, только зарождающейся общественной силы, и среди масонов — почти всех людей, которые были известны своей оппозиционностью ее правительственной системе и ее личному материалистическому складу ума, а во главе их — своего сына и наследника великого князя Павла Петровича.

Ум великого князя Павла Петровича, религиозный, выпранный, склонный к экзальтированности, был противоположностью холодному скептическому уму его матери. Масонство влекло его к себе не только сущностью своего учения, своей борьбой с материализмом века, но и мистической таинственностью своей обрядностью, своим религиозным характером. Трагическая смерть отца, Петра III, отчуждение от матери, печальные обстоятельства его первого брака усилили в Павле религиозный и мрачный настрой духа, а положение опального цесаревича, его постоянно критическое отношение к системе управления императрицы заставляли всех недовольных ее правлением группироваться около него или прикрываться его именем. Если Екатерина была вольтерьянкой, как почти все ее приверженцы, то для ее сына естественно было стать масоном, ибо масонами были все недовольные его матерью, все его сторонники. Одна партия пользовалась властью, наслаждалась ее радостями и выгодами, другая — подавленная и униженная, скорбела о настоящем и мечтала о будущем; уделом одной была жизнерадостная философия эпикурейцев и материалистов, другая же — в «молчании» (главная масонская добродетель) упражнялась в добродетельности. «Собрания наши невеселые, — писал Виельгорский, — братья также, говорим мы о вещах, которые нам никак не льстят, напротив же, открывают нам все более и более нашу гнусность. Конечно, в сем есть особливая и неисповедимая благость Божеская, которая, по мере собственного нашего желания и воли, открывает нам таковую нашу гнусность и в то же время посылает необходимые для исправления нашего средства, предписывая наисладчайшие для души нашей добродетели, как-то любовь к ближнему и прочее»⁶³.

Цесаревич Павел Петрович с детства был окружен обществом масонов, которым было легко незаметно внушить ему сочувствие

к «Свободным Каменщикам» и уважение к их «нелепостям». Во главе их стояли его главный воспитатель и руководитель граф Никита Иванович Панин, а также его брат граф Петр Иванович, известный «враль и персональный оскорбитель» Екатерины, бывший Великим Поместным мастером масонского ордена в России. Правой рукой Панина при воспитании Павла был также масон, Тимофей Иванович Остервальд, состоявший в должности информатора при великом князе тринадцать лет. Нет необходимости останавливаться на характеристике обоих графов Паниных, прославившихся и своими заслугами, и систематическим, хотя и тайным, противодействием Екатерине, испортив представление о ней ее сына и наследника. Остервальд, бывший креатурой Никиты Панина, по отзывам современников, не годился по своим качествам и недостатку образования в воспитатели великого князя, хотя был честным и аккуратным немцем. Жену его Екатерина прозвала «лютеранской проповедницей» и, шутя, предрекла ей смерть от голода, а ему — от воздержания. Большим влиянием при Павле пользовался и родственник Паниных князь Николай Васильевич Репнин, дипломат и полководец, известный своей преданностью масонам «до глупости» (*rag les sottises*). Не пользуясь расположением императрицы и платя ей той же монетой, Репнин, бывая в Петербурге, часто навещал великого князя, благодаря своей близости к Панину, и приобрел на него большое влияние. Репнин и Петр Панин настолько пользовались доверием Павла Петровича, что, когда они надолго оставили Петербург, он вступил с ними в длительную переписку, спрашивая их мнение о преобразованиях, задуманных им в армии. После Репнина вниманием Павла пользовался другой род-

Н.И. Панин
(собр. в. кн. Ник. Мих.)

ственник Паниных, Г.П. Гагарин, занимавший после И.П. Елагина одну из высших степеней в русском масонстве. Когда в 1773 г. императрица задумала «очистить свой дом» и, по случаю вступления великого князя в первый брак, с почетом удалила Никиту Ивановича от двора Павла, посредником между старым воспитателем и его питомцем явился молодой князь Александр Борисович Куракин, внук Панина, товарищ Павла Петровича по играм и учебе, прозванный им своей «душою». Этот Куракин только что явился ко двору из-за границы, где завершил свое образование, и, не без участия Н.И. Панина, сразу же был принят (двадцати одного года от роду) в масонский Орден Тамплиеров, а точнее, в петербургскую его ложу, так называемый *Capitulum Petropolitatum*, принадлежавшую к английской системе и организованную И.П. Елагиным и с 1772 г. подчиненную ложе-матери. В 1777 г. эта ложа слилась в одну с другими петербургскими ложами и стала называться Великой Провинциальной, или Национальной, ложей под управлением Елагина и графа П.И. Панина. Доверенный Павла Петровича князь А.Б. Куракин, несомненно, посвятил его в таинства масонства и содействовал окончательному обращению его в Вольного Каменщика. Ближайшим помощником Куракина в этом деле являлся новый друг великого князя — Сергей Иванович Плещеев, капитан флота, назначенный, благодаря своему званию генерал-адмирала, состоять при наследнике престола от состава константинопольского русского посольства, где он находился в свите князя Репнина. Плещеев состоял на морской службе с 1764 г., служил, среди всего прочего, и в английском флоте, с графом А.Г. Орловым совершил поход на Архипелаг, был принят в масоны в Ливорно и, уже как масон, пользовался покровительством князя Репнина и был рекомендован им Павлу Петровичу. В 1776 г. Павел имел случай познакомиться с прусскими масонами в Берлине, куда он, сопровождаемый Куракиным, совершил поездку с целью познакомиться с назначенной ему в невесты принцессой Виртембергской Софией-Доротеей, впоследствии великой княгиней Марьей Федоровной. Павел Петрович был встречен Фридрихом II с величайшими почестями, и путешествие в Берлин оставило в его душе глубокий след, зародив чувство привязанности к Пруссии и Прусскому королевскому дому, двое из членов которого были масонами: на-

следный принц Фридрих-Вильгельм и дядя принцессы Софии-Доротеи принц Фердинанд, стоявший, по свидетельству императрицы Екатерины, во главе прусских масонов. Принц Фердинанд, как будущий родственник, с особым вниманием принял наследника русского престола в своем замке Фридрихсфельде. Прием этот описан был тогда же в брошюре берлинского француза Le Bauld de Nans под заголовком: «Prologue pour la reception de Son Altesse Impériale M-r le Grand Duc de Russia д Friedrichsfelde le 1 аdüt 1776, Berlin». В Берлине Павлу указали и другого его родственника — масона высокого ранга, шведского короля Густава III.

Быть может, не без умысла граф Никита Иванович Панин в том же 1776 г. предложил императрице послать к стокгольмскому двору для того, чтобы известить о бракосочетании великого князя с Марией Федоровной именно князя А.Б. Куракина. Куракин получил от петербургских Вольных Каменщиков полномочия вести переговоры с главной стокгольмской ложей и принять от нее посвящение в «высшие градусы»; в качестве секретаря посольства с Куракиным поехал известный в то время масон Вильгельм Розенберг, брат Георга Розенберга, учредителя гамбургской ложи «Трех золотых роз». Поручение масонских братьев молодым камер-юнкером было исполнено блистательно. Брат шведского короля Карл, герцог Зюдерманландский, посвятил князя Куракина в таинства шведского масонства, причем было условлено, что князь станет Гроссмейстером русской Провинциальной ложи с правом передать свое звание князю Г.П. Гагарину и подчинением этой ложи главному шведскому капитулу. В письме по этому поводу граф Левенгаупт, член шведского масонского капитула, выражал князю Куракину надежду, что «приезд нашего монарха в вашу страну будет много способствовать вашим масонским работам»⁶⁴. Густав III действительно приехал в Петербург в следующем, 1777 г. для встречи с императрицей и был торжественно встречен петербургскими масонами. По случаю этого визита в ложе Аполлона происходили блестящие объединенные собрания. Князь Куракин учредил в Петербурге ложу святого Александра по шведской системе, а в 1779 г. появилась Великая русская Провинциальная ложа в той же системе под управлением князя Г.П. Гагарина, и ему в 1780 г. была прислана особая инструкция за подписью короля и графа Бьелке⁶⁵.

Имп. Всероссийский Павел Петрович,
Великий Магистр Державного ордена
Святого Иоанна Иерусалимского
(собр. П.И. Щукина)

Известно, что Густав III не внушал симпатий великому князю Павлу Петровичу, но все же коронованный масон должен был произвести на него впечатление, указывая своим примером путь, по которому должен был идти и наследник русского престола. Цесаревич решил вступить в ряды Вольных Каменщиков. Советы князя Куракина и графа Н.И. Панина играли в принятии этого решения главную роль⁶⁶. В записке Особенной канцелярии Министерства полиции, приводимой В.И. Семеновским и носящей характер официального документа, прямо указывается, что цесаревич Павел Петрович был *келейно* принят в масо-

ны сенатором И.П. Елагиным в его собственном доме, в присутствии графа Панина⁶⁷. Это известие кажется нам самой правдоподобной среди других версий вступления Павла Петровича в масонское братство уже потому, что вступление это действительно произошло и должно было произойти втайне и не за границей, а именно в России, среди русских людей, чем устранялись все возможности говорить об иностранных влияниях⁶⁸. Вероятнее всего также, что событие это произошло вскоре после отъезда шведского короля из Петербурга, летом 1777 г., и, во всяком случае, не позднее 1779 г. На двух портретах императора Павла с масонскими атрибутами, хранящихся в музее П.И. Щукина, фигурирует статуя богини правосудия и справедливости Астреи. Масоны любили повторять легенду о том, что богиня Астрея ушла с земли, возмущенная людской неправдой. В честь именно этой богини и су-

ществовала в Петербурге с 1775 г. ложа с названием «ложа Астреи», которая в 1779 г. слилась со всеми остальными, с Великой Провинциальной ложей. На одном из портретов Павел Петрович держит в правой руке золотой треугольник с изображением Астреи, который служил почетным знаком для Великих официалов Великой ложи Астреи во времена Александра. «К сожалению, — говорит исследовательница русского масонства Т.О. Соколовская, — знаки лож XVIII века не обнаружены, и потому нельзя проверить, был ли знак Великой ложи Астреи XIX века таким же, каким он был у простых лож Астреи XVIII столетия»⁶⁹. Как бы то ни было, но указание на Астрею в двух совершенно различных по композиции и исполнению масонских портретах императора Павла не является случайным.

Для иностранных дипломатов обращение Павла Петровича в масоны не осталось тайной, как едва ли осталось и для императрицы Екатерины. Один из агентов-дипломатов спешил даже учесть вытекающие из этого факта последствия для внешней политики России, а именно сближение Павла Петровича с наследником Фридриха II, коронованным масоном, прусским королем Фридрихом-Вильгельмом II. «Со времени путешествия Фридриха-Вильгельма (в 1780 г.) в Петербург, когда он был еще наследным принцем, между обоими наследниками установились дружественные и доверчивые отношения, а также тайная переписка, интимность которой увеличивалась еще более вследствие принадлежности обоих принцев к секте иллюминатов. Близость между принцами существовала всегда, но она еще тщательнее поддерживается братьями этой же секты»⁷⁰.

Императрица Екатерина не осталась равнодушной к дошедшим до нее слухам об увлечении Павла масонством. Бебер, секретарь Великой Провинциальной ложи, в своих записках говорит: «Так как масонство привлекало к себе очень многих из самых знатных лиц, то это возбудило в императрице некоторое недоверие, в особенности потому, что князя Куракин и Гагарин были известные любимцы великого князя Павла Петровича, и она выразила всю свою щекотливость по этому предмету, сначала сатирическими брошюрками, из которых одна называлась “Противо-нелепое общество” (“Тайна противо-нелепого общества”), и потом, по поводу одной статьи, напечатанной в гамбургской га-

зете, выразила так громко, что тогдашний обер-полицмейстер, бывший членом Ордена, посоветовал нам оставить работы (то есть масонские собрания) и покинуть прекрасно устроенные помещения ложи». Когда в Петербург явился наследный принц Прусский, тепло встреченный великим князем, то императрица не постеснялась отнестись к нему пренебрежительно и вынудила его сократить свое пребывание в Петербурге. Затем подверглись немилости императрицы граф Панин и князь Гагарин. Князь Куракин, сопровождавший великокняжескую чету в ее путешествии за границу (в 1781–1782 гг.), по возвращении в Россию был сослан в свою саратовскую деревню Надеждино по ничтожному поводу, и лишь по просьбе великого князя Екатерина разрешила ему приезжать в Петербург для свидания со своим царственным другом один раз в два года. Едва ли можно сомневаться, что, действуя таким образом, императрица была раздражена дошедшим до нее известием, что ее сын стал членом общества, которое она, как истая вольтерьянка, от души презирала. Не могло ей нравиться и то, что опальный цесаревич нашел себе приверженцев, хотя от политических опасений она была еще далека.

Масоны, однако, не унывали, празднуя свое торжество: в России они думали увидеть на троне своего брата-масона, как это уже было в Швеции и как произошло потом в Пруссии в 1786 г. после смерти старого короля-вольтерьянца Фридриха II. Свои ожидания, не совсем лестные для самой императрицы, они решились выразить публично. В рукописных сборниках масонских произведений появилось стихотворение, из которого видно, как мало масоны знали и понимали великого князя. Впрочем, в это время характер Павла Петровича еще не обрисовался во всей своей жестокости и переменчивости; тем не менее, обществу были известны его взгляды на управление.

Не чудно возложить оковы
На слабы смертных телеса,
Но взять под власть сердца свободны
Прямые зрятся чудеса.

А если обладать душою
Того, кто участью своею
На свете превосходит всех,

С каким примером не умею
Сравнить великий сей успех!

О старец, братьям всем почтенный,
Коль славно, Панин, ты успел:
Своим премудрым ты советом
В храм дружбы сердце Царско ввел.

Венчанна, мира красотою
Пленил невинной простотою
И что есть смертный вразумил,
Власть пышну с службою святою
И с человечеством смирил.

Не мни, что рабством утесненный
Тебя ласкает слабый льстец —
Масонов ревность то вещает
И оных искренность сердец.

В порфире дружбы удаленный,
Союзов братских отчужденный,
Последуя стезе твоей
И в наш вступивши храм священный,
Колико приобрел друзей!

Погиб отвергнувши советы,
Что в жизнь его давал Солон.
Грядущий за твоим примером
Блажен стократно! Он — масон!

Твоя доброта успеваает,
К отраде бедных честь сияет
И с той восходит вверх звездой,
Что в утренней стране блистает,
Предвозвещаая век златой.

Стихотворение это, ходившее в рукописи, очевидно, не удовлетворило масонов: они хотели громкого выражения своего восторга. И действительно, в «Магазине свободно-каменщическом» 1784 г. (т. I, ч. 1, стр. 1312) появилась следующая песнь Павлу, написанная, кажется, И.В. Лопухиным:

Залог любви небесной
В тебе мы, Павел, зрим;

В чете твоей прелестной
Зрак ангела мы чтим.
Украшенный венцом,
Ты будешь нам отцом!

Судьба благоволила
Петров возвысить дом
И нас всех одарила,
Даря тебя плодом.
Украшенный венцом,
Ты будешь нам отцом!

С тобой да воцарятся
Блаженство, правда, мир!
Без страха да явятся
Пред троном нищ и сир.
Украшенный венцом,
Ты будешь нам отцом!

Уже ты видишь ясно
Врата бессмертных в храм,
К которому опасно
Ступают по трудам.
Тебе Минерва мать,
Ты можешь путь скончать.

Петрова кровь бесценна,
Богини русской сын, —
О отрасль вожделенна,
Теки, как исполин,
Блаженства вечный свет
Куда тебя ведет!

Екатерине не нужно было читать в сердцах, чтобы оценить смысл стихотворения, постоянным припевом которого было:

«Украшенный венцом,
Ты будешь нам отцом!»

На масонов надвигалась гроза...

С начала 80-х гг. XVIII столетия деятельность русских масонов сосредоточилась преимущественно в Москве, вокруг Новикова, Шварца и Типографской компании. Императрицу стали беспокоить не столько масонские «дурачества» московских мартинистов, сколько их широкая благотворительная и просветительская дея-

Запон
(собр. Д.Г. Бурлина)

тельность, в которой она увидела проявление новой, опасной для правительства общественной силы. Похвалы Павлу, раздававшиеся из московского масонского лагеря, усугубили ее внимание. Начались притеснения масонов, их деятельность подверглась контролю правительства: уже в 1785 г. приказано было осмотреть в Москве частные школы, испытать Новикова в православии и составить перечень издаваемых им книг. Бурю эту мартинисты выдержали довольно спокойно, но с приходом в 1786 г. князя Н.В. Репнина задумали вступить в сношения с будущим своим «отцом», великим князем Павлом Петровичем. Строитель его Каменностровского дворца Баженов привез ему в подарок от Новикова книгу Арндта об истинном христианстве и избранную библиотеку для христианского чтения. Великий князь, однако, уже знал об отношении матери к московским масонам и принял этот подарок так, что Баженов, возвратившись в Москву, сказал «конфузно», что он был принят милостиво и книги отдал. На следующий

год Баженов снова привез Павлу Петровичу для преподнесения книги от масонов из Москвы. При этом Павел спрашивал у него, уверен ли он, что в масонстве нет ничего плохого. Баженов уверил цесаревича, что ничего плохого нет, а Павел Петрович с некоторым неудовольствием говорил, что, «может быть, ты не знаешь, а которые старше тебя, те знают и самих себя обманывают». Баженов клятвенно уверял, что нет ничего худого, и наследник закончил разговор словами: «Бог с вами, только живите смиренно». Но вслед за тем разразилась французская революция 1789 г., и уже весной 1791 г. Екатерина приказала собрать точные сведения о мартинистах, которых в то время не отличали от иллюминатов. Когда зимой 1791—1792 гг. Баженов в третий раз явился к Павлу, то застал его в большом гневе на мартинистов, о которых великий князь запретил ему даже упоминать, сказав: «Я тебя люблю и принимаю как художника, а не как мартиниста; о них же и слышать ничего не хочу. И ты рта не разевай о них говорить». Великий князь чувствовал, что его связь с масонством может дорого ему обойтись и что масоны пострадают прежде всего за сношения с ним. Действительно, когда весной 1792 г. Новиков был арестован и начались допросы мартинистов, то следователи больше всего стремились выяснить связь, существовавшую между ними и великим князем, и с этой целью задавали вопросы. «Вопросы, — рассказывает сам И. В. Лопухин, — списаны были очень тщательно. Сама государыня изволила поправлять их и свои вмещать слова. Все метилось на подозрение связей с ближайшей к престолу особою; прочее же было, так сказать, подобрано только для расширения завесы. В четвертом или пятом пункте началась эта материя, и князь Прозоровский, отдавая мне его дрожащею, правда, немножко рукою, таким же голосом говорил: “Посмотрю, что вы на это скажете?” — “О, на это отвечать всего легче!” — сказал я и написал ответ мой так справедливо и оправдательно, [что] после много сие, конечно, участвовало в причинах благоволения ко мне оной высокой особы». На допросах мартинисты тщательно умалчивали о связях Павла с русским масонством, но, не договорившись заранее, противоречили друг другу. В дневнике Храповицкого от 26 мая 1792 г. записано: «Был секретный пакет от князя Прозоровского с мартинистскими бумагами; меня заставили прочесть из него одну только французскую пьесу, чтобы не выбирать в grand-prieur его высочества государя на-

следника по обстоятельствам политическим, и что он еще и не масон. Замешан в дело сие князь Александр Борисович Куракин». Эта «пьеса» не помешала князю Трубецкому дать другие показания: «Покойный Шварц предлагал нам, чтобы известную особу сделать Великим мастером в масонстве в России, а я перед Богом скажу, что, предполагая, что сия особа в чужих краях принята в масоны, согласовался на оное из единого того, чтобы иметь покровителя в оном». Впрочем, убедившись, что Павел не имел никаких отношений с Новиковым, императрица уже не обращала внимания на расхождение показаний и поспешила закончить дело закрытием масонских лож. Существует рассказ того времени, что при разборе бумаг Новикова следственной комиссией в Петербурге один из мелких ее чиновников, князь Григорий Долгоруков, рассматривая книгу, в которой записаны были члены общества, нашел лист, на котором великий князь собственноручно записал свое имя. Долгоруков, отойдя с книгой в сторону, вырвал этот лист, разжевал и проглотил. Члены комиссии, однако, заподозрили его, подозрение в принадлежности цесаревича к обществу осталось, тем более что великий князь будто бы был на другой день в доме у Долгорукова. Долгоруков подвергся опале императрицы, а император Павел, после вступления на престол, даже не вспомнил о его существовании⁷¹. Рассказ этот имеет все признаки плохо составленной побасенки, но свидетельствует о всеобщем убеждении, господствовавшем в то время, в бесспорной принадлежности Павла к масонскому обществу.

Императрица обращалась к самому великому князю за разъяснениями показаний масонов, но ответ Павла доказал ей, что на искренность его ей рассчитывать было нельзя. Возвращая матери записанный масонами разговор с Баженовым, цесаревич писал ей: «Votre Majeste peut d'avance se dire ce que j'ai pu me dire en moi meme en lisant le papier qu'Elle a eu la bonte de me confier, d'un ramas de paroles de moitie vides de sense, et l'autre de paroles dont on a fait apparemment un abus, car je crois qu'il s'agit de quelqu'un qui aura voulu s'appuyer de son tres humble serviteur, serviteur qui aura pu avoir demande le prix du comestible, ou bien des nouvelles monitories meme sur une secte dont certainement il n'a pas ete. Il auroit fallu ou etre fou, ou imbecile pour avoir ete, pour quelque chose dans tout ceci autrement qu'avec des propos d'antichambre.

D'ailleurs toute explication ulterieure me sembleroit inutile»⁷². К этой записке императрица Екатерина приложила собственноручную записку: «Приложенный пасквиль у Новикова найденный показан мной Великому Князю и он оный прочтя ко мне возвратил с приложенной цидулой, из которой оказывается что на него все вышеписанный пасквиль всклепал и солгал чему охотно верю и нахожу вящее винным сочинителем оногo»⁷³.

Катастрофа, постигшая Новикова, заключенного в Шлиссельбургскую крепость на 15 лет, заставила Павла Петровича искать религиозно-мистического утешения у себя в семье. Но великая княгиня Мария Федоровна, женщина практическая, исполненная здравого смысла, не могла отвечать на его духовные запросы. Духовный руководитель цесаревича, единственный масон, остававшийся при его дворе, Плещеев, напрасно предлагал ей лучшие, по его мнению, образцы масонской литературы, хотя великая княгиня и любила повторять: «J'aime toujours etre a l'unisson avec mon mari». «Нет, мой добрый и достойный друг, — писала она ему, — как ни проникнута я убеждением в истинности и святости моей религии, но, признаюсь, я никогда не позволю себе читать мистические книги, во-первых, я не понимаю их и, во-вторых, я боюсь, что они внесут сумбур в мою голову». На убеждения Плещеева Мария Федоровна возражала: «Чтение мистических книг я в сущности нахожу опасным, так как их идеи способны кружить головы... Есть много прекрасных моральных книг, чтение которых доставляет мне удовольствие; но я люблю их простоту и признаюсь, что я чувствую панический страх к мистическим книгам. Я называю мистическими те, которые слишком восторженны, неудобопонятны, и мысли свои я высказывала только по отношению к ним»⁷⁴. И сам Павел Петрович, оставаясь религиозным человеком, также начинал скучать «письмами и моральными сентенциями» Плещеева, находя бóльшее удовлетворение в беседе с живой, умной фрейлиной Нелидовой, прекрасно понимавшей впечатлительного, мятущегося цесаревича. Страстно любимое им военное дело, заключавшееся в обучении по прусскому образцу небольшой армии «гатчинцев», чередовалось с религиозным чтением и молитвой. В Гатчинском дворце показывали места, на которых он имел обыкновение стоять на коленях, погруженный в молитву и часто обливаясь слезами; паркет был положительно вытерт в этих местах. Но он не выдержал ни

опального своего положения при дворе матери, ни ужасов революции, поразивших Францию и Европу. Характер его делался мрачнее и раздражительнее, масонский катехизис потерял свое обаяние; он приходил к убеждению, что «людьми следует править пушками и шпицрутенами». Вокруг цесаревича появились люди не масонской складки и понятий: Растопчин, Аракчеев, Кутайсов, Линденер и др. Вместо любезного, живого и чуткого на запросы жизни цесаревича вырастал грозный деспот, признававший высшим законом для всех одну лишь свою неукротимую и переменчивую волю. Мог ли он отозваться на братскую просьбу масонов:

Украшенный венцом,
Ты будешь нам отцом?

Первое время по восшествии своем на престол император Павел, действительно, показал себя покровителем масонов, в особенности тех, которые пострадали за него. На другой день после смерти Екатерины он освободил Новикова, удостоил его аудиенции, а с ним освобождены были и все, замешанные в дело мартинистов. Кн. Куракин, кн. Репнин, Баженов, Лопухин были вызваны ко двору и щедро вознаграждены. Руководителем совести императора, казалось, остался один Плещеев, вспомоществуемый императрицей Марией и Нелидовой. Масоны торжествовали... Но люди, лучше их знавшие характер и мирозерцание нового государя, уже готовили им падение. Одним из первых в их числе был Растопчин, умевший угождать вкусам императора и его настроению и отлично изучивший его мирозерцание. «Я воспользовался случаем, — рассказывал он впоследствии, — который мне представила поездка наедине с ним, в карете, в Таврический дворец. Возразивши на одно его замечание, что Лопухин был только глупцом, а не обманщиком, как товарищи его по верованиям, я затем распространился о многих обстоятельствах, сообщил о письме из

Мюнхена, об ужине, на котором бросали жребий (убить императрицу), об их таинствах и проч. и с удовольствием заметил, что этот разговор нанес мартинистам смертельный удар и произвел сильное брожение в уме Павла, крайне дорожившего своей самодержавной властью и склонного видеть во всяких мелочах зародыш революции. Лопухин, успевший написать всего один указ о пенсии какой-то камер-юнгфере, отправлен в Москву сенатором, Новиков, которого, по освобождении его из тюрьмы, император полюбопытствовал видеть, был затем выслан из Петербурга и отдан под надзор, священник (Матвей Десницкий, впоследствии митрополит Петербургский) остался при своем церковном служении; но многие лишились прежнего влияния, потеряли всякое значение и стали жертвами весьма язвительных насмешек государя. Неудивительно, что в его мнениях произошла такая скорая перемена: существуют класс людей и род услуг, которые нравятся наследникам престола до их воцарения, но от которых они отворачиваются после, даже наказывая тех, кто казался необходимым, а потом в награду получает одно только презрение»⁷⁵.

Растопчин, очевидно, переоценил значение своего извета. Павел изменился еще до своего воцарения, и масоны, не сумевшие приспособить свой катехизис к придворной атмосфере, должны были бы покинуть Двор и без доносов Растопчина. Знавшие характер нового государя остались при нем, несмотря на опалу, постигшую Новикова и Лопухина, и среди них сохранил свое влияние на некоторое время даже Плещеев, которого Растопчин представлял главным покровителем масонства. Хорошо знакомый с учением русских масонов, Павел, без сомнения, мог отличить их от иллюминатов школы Вейсгаупта, но он, еще будучи наследником, возненавидел проявления в их деятельности общественной силы, независимой от верховного правительства, ясно усмотрел за «чудачествами» масонов проявление общественного самосознания, а в них самих — людей, действующих «скопом». Выделив из среды масонов Лопухина как «глупца менее виновного, чем прочие», Растопчин не заметил, что Лопухин-то, собственно, один и подвергся изгнанию от Двора именно за свой смелый язык, за свое неукротимое желание «вещать правду» монарху. Между тем это был, выражаясь современным языком, самый благонамеренный почитатель и охранитель старого строя, даже в большей сте-

Кн. Н.В. Репнин
(изд. в. кн. Ник. Мих.)

пени, чем сам Растопчин. «Все, — писал он незадолго до смерти Екатерины в одной из своих брошюр, — все нам вопиет о естественности первенства. Все нам возвещает необходимость, пользу подчинения и власти, коих взаимное действие есть душа порядка... Божественное единство, вселенною управляющее, освящает свое подобие в земных Царях и величеством их венчает». Участь Лопухина испытал в скором времени и другой масон, о качествах которого не по-

смел бы изрыгнуть хулу даже ядовитый язык врага масонов: это был князь Н.В. Репнин, преданный императору со времен его детства, но осмелившийся выразить на параде мнение, что погода стоит холодная. Павел осудил масонство как учреждение, противное основам его абсолютной власти и излюбленному им полицейскому строю государственной жизни.

Вот почему нам кажется безусловно верной версия о закрытии масонских лож, сообщаемая в уже цитированной записке Особой канцелярии Министерства полиции. По этой версии, император Павел, приехав в Москву на коронацию, повелел профессору Матеи, управляющему ложей Трех Мечей, созвать всех главных масонов. Государь приехал на собрание и предложил присутствующим определиться, не сочтут ли они за лучшее прекратить масонские собрания ввиду распространившихся со времени французской революции закономерностей и их отрицательного влияния на общественное мнение. Все ответили отрицательно, только Провинциальный Великий мастер рижских лож барон Ун-

герн-Штернберг сказал, что мера, предложенная государем, необходима, особенно для пограничных губерний, куда могут проникать совершенно разные люди. Государь остался доволен заявлением Штернберга и сказал: «Не собирайтесь более до моего повеления». По другой версии (Рейнбек) император, явившись в Москве на собрание влиятельнейших масонов, обошелся с ними весьма любезно, подал каждому руку и сказал: «В случае надобности пишите мне просто, по-братски и без всяких комплиментов». Братья же просили с открытием лож повременить. В том и в другом случае в кратковременное царствование императора Павла русские масоны были обречены на безгласное существование.

Свой очерк мы должны закончить опровержением «загробной» клеветы на масонов. По преданию, Павел I, как нарушивший клятву Ордена Каменщиков, не покровительствовавший им и не разрешивший им собраний, был приговорен масонами к смерти. Как ни увлекательно это предание для талантливой романиста, для историка оно не может иметь никакого значения: в огромном количестве литературы о смерти Павла I нет ни малейшего следа участия в этом деле масонского ордена. Истина заключается разве что в том, что среди недовольных правлением Павла были люди, принадлежавшие ранее к масонским ложам, но, повторяя слова Карамзина, мы спросим: кто же в России оплакивал смерть императора Павла?

Е. Шумигорский

Цинендорф
основатель масонской системы (Нац. библ. в Париже)

Символическое изображение из исследования Грабельна и Рихтельна 1696 г., представляющее изъяснение трех принципов и миров в человеке
В прилагаемых изображениях каждый может увидеть, как в зеркале, под властью чего находится его жизненный облик.
Рис. 1. «Земной естественный и темный человек в звездах и стихиях»
См. аналогичные рисунки «Практика совершения человека» в т. 1.

Символическое изображение из Грабельна и Рихтельна
«Перерожденный человек». Здесь выясняется, какой вид придает внешнему облику вера, дошедшая до центра в сердце. Рисунки заимствованы из 2-го изд. 1779 г. (Берлин и Лейпциг). Воспроизведены нами, как и первые два в т. 1 «Масонства», из коллекции И.М. Фадьева

С.И. Гамалея
Миниатюра в Историческом музее

М.М. Херасков
(собрание С.П. Виноградова)

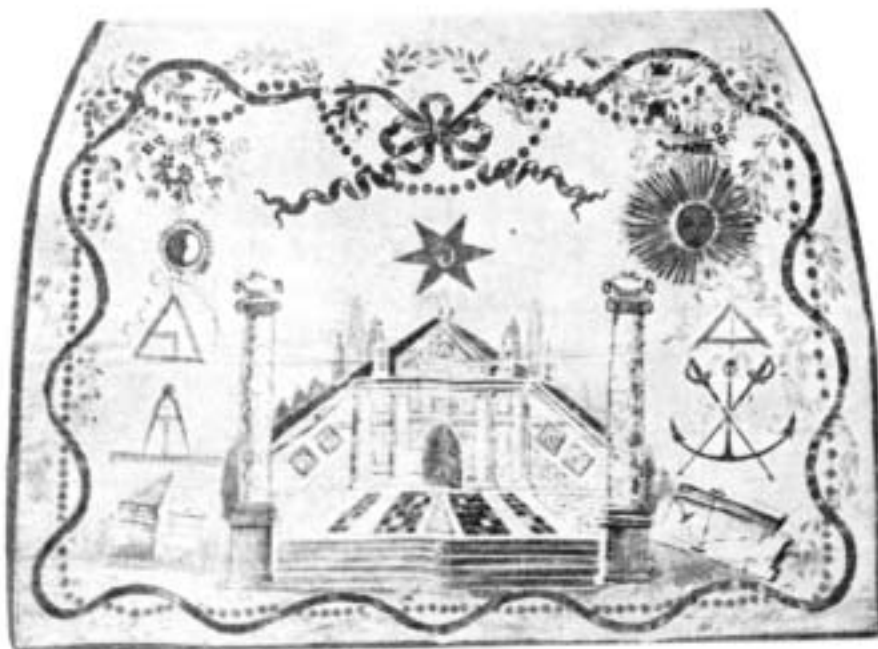
И.П. Елагин
(собрание С.П. Виноградова)

Карл, герцог Зюдерманландский
(впоследствии король Карл XIII),
глава шведского масонства в конце XVIII в.

Иоганн Андре
(гравюра из собрания Нац. библ. В Париже)
См. ст. Хераскова в т. 1.

Запон
(из собрания С.П. Мельгунова)

Свет масонского учения
(собрание Государ. архива)

Разрушение града нечестивого
Масонская аллегория
(собр. И.П. Елагина, в Государ. архиве)

Подземелье в Мальте

1. Великий командор испанской Мальты со своей духовной свитой.
2. Мавры, вылезаящие, как пигмеи, из пещеры.
3. Очаги и кухни.
4. Квашня.
5. Водопои для скота.
6. Печь.
7. Конюшни.
8. Отдушины.
9. Вход в пещеру

Проф. Феслер

Ф.П. Ключарев
(Рук. от. Румянц. музея)

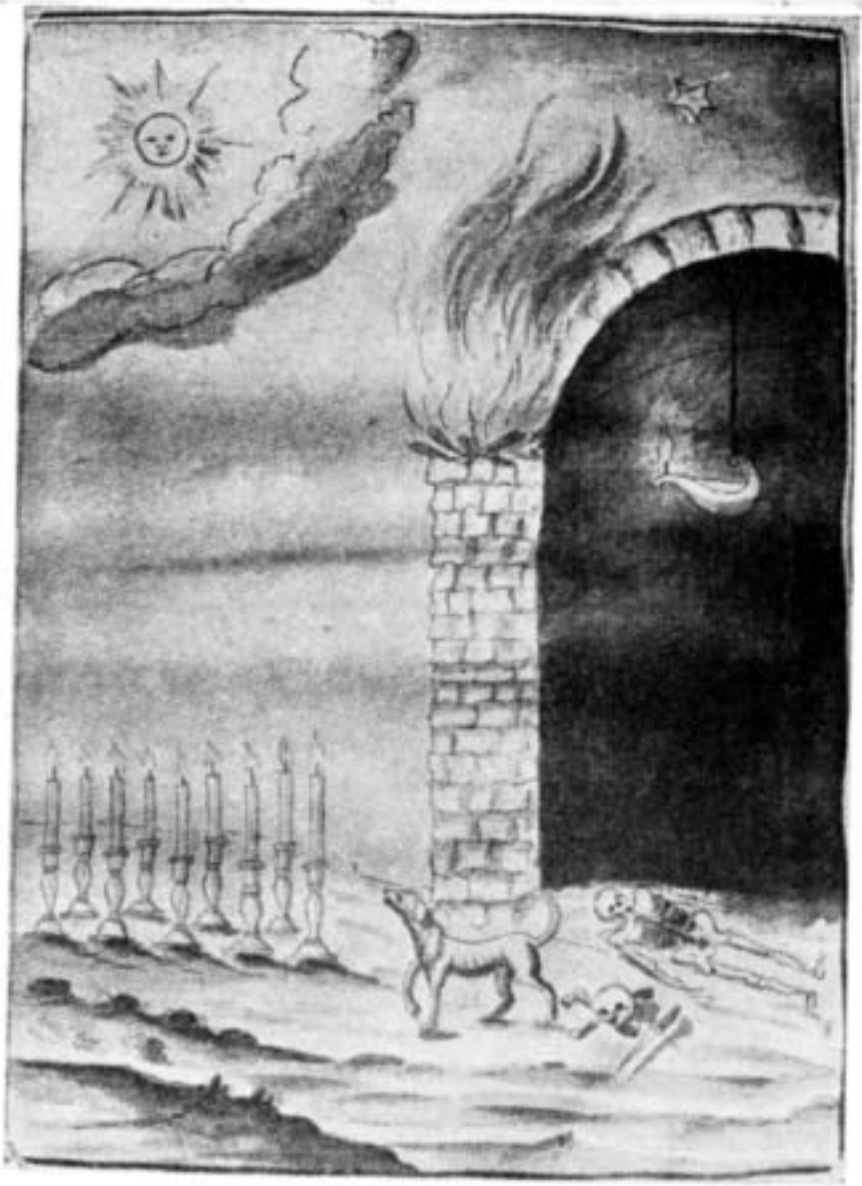
Масонские аллегорические изображения
(собрание И.П. Елагина в Государ. архиве)

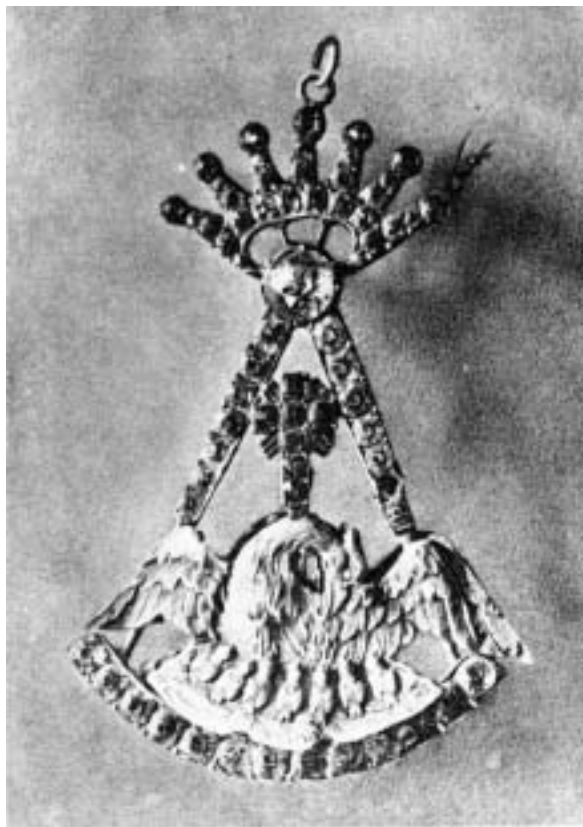
Масонская аллегорическая картина
(собрание И.П. Елагина в Государ. архиве)

Построение масонского храма
(собрание И.П. Елагина в Государ. архиве)

Масонская аллегория
(собрание И.П. Елагина в Государ. архиве)

Масонские знаки
(собрание Врублевского)

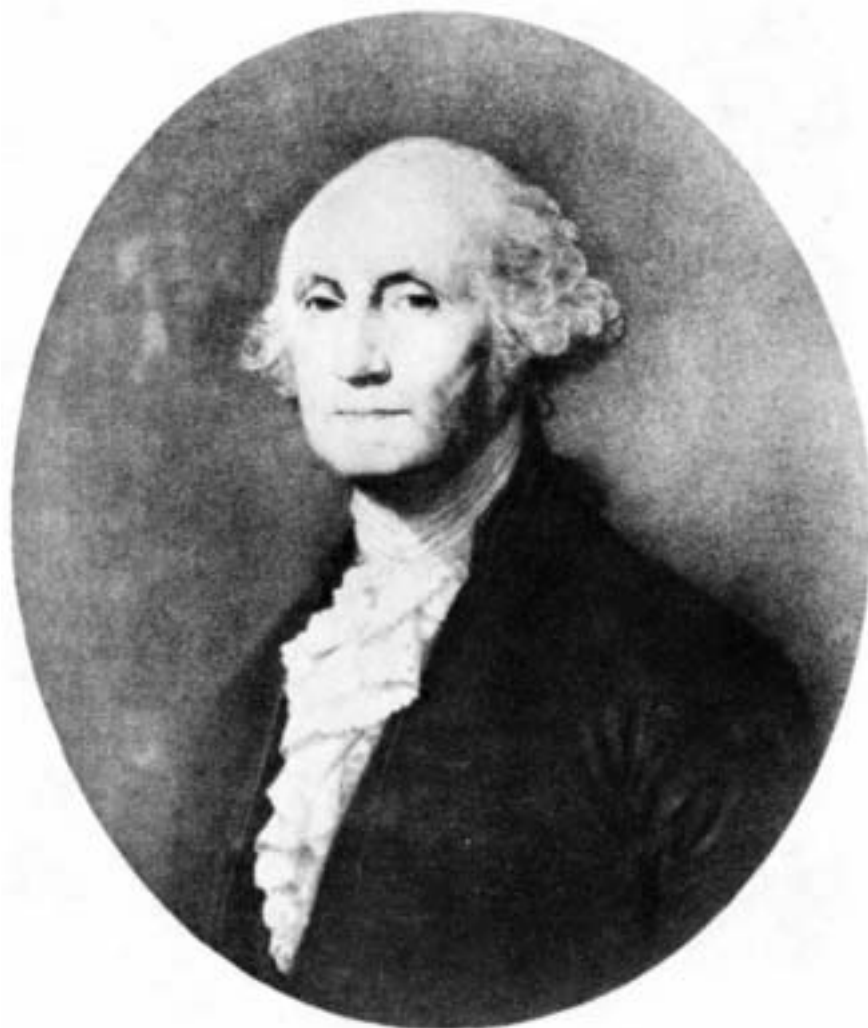

Масонский крест с часами
(собр. Врублевского)

Крест из эбенового дерева. Знаки из слоновой кости. Над крестом бронзовые часы. Змея показывает часы жалом; шар вращается, змея стоит на месте. Заводятся внизу под пьедесталом креста

Теофил Дезагюлье,
Гроссмейстер Великой ложи в Англии, 1719 г.
(Нац. библ. в Париже). См. ст. Хераскова в т. 1.

Георг Вашингтон
(Нац. библ. в Париже)

СОБРАНИЯ МАСОНОВ В XVIII в.

Ниже мы помещаем ряд гравюр Lebas (издания 1775 г.), изображающих обряды посвящения в масоны. Две из этих гравюр были помещены уже в первом томе нашего издания, для цельности повторяем их вновь. Гравюры эти пользовались большим распространением — воспроизведения их постоянно встречаются и в английских и немецких изданиях. Мы печатаем по фотографическим снимкам, сделанным с коллекции этой серии, находящейся в Национальной библиотеке в Париже.

Собрание для приема учеников

Вход вступающего в ложу

1. Великий мастер.
2. 1-й надзиратель.
3. 2-й надзиратель.
4. Вступающий.
5. Оратор.
6. Секретарь.
7. Казначей.
8. Брат-страж

Вступающий приносит присягу, положением руки на Евангелие, никогда не открывать масонских тайн

1. Великий мастер. 2. Оратор. 3. Вступающий. 4. Секретарь. 5. 1-й надзиратель.
6. 2-й надзиратель. 7. Казначей

Собрание для приема мастеров

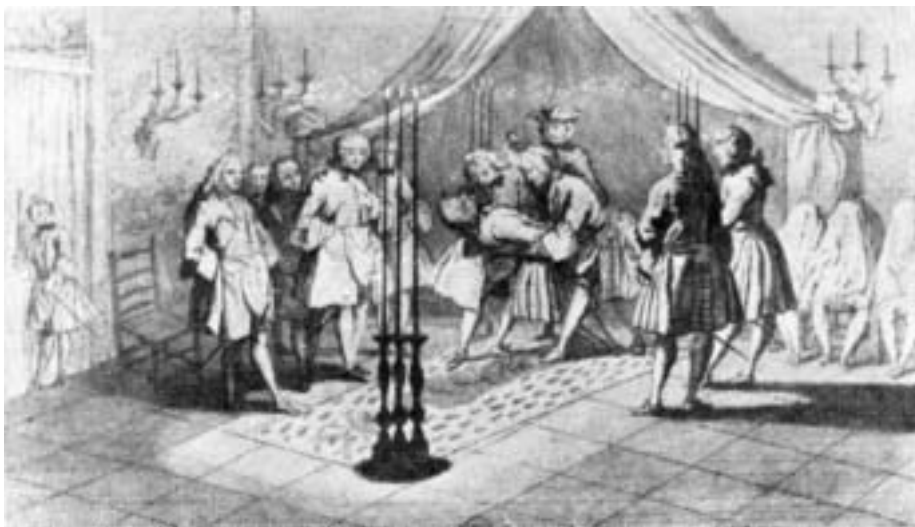
Второй надзиратель делает знак Мастеру и идет за вступающим, который в это время находится вне ложи с братом-устрашителем

1. Великий мастер. 2. Оратор. 3. Секретарь. 4. 5. 6. Братья со свертками бумаг.
7. 1-й Надзиратель. 8. 2-й надзиратель. 9. Казначей. 10. Брат-страж

Вход Вступающего в ложу

1. Великий мастер. 2. Оратор. 3. Секретарь. 4. 5. 6. Братья со свертками бумаг.
7. 1-й надзиратель. 8. 2-й надзиратель. 9. Казначей. 10. Брат-страж.
11. Вступающий. 12. Вступающий, которому Великий мастер не дал еще лобзания

Вступающего кладут на гроб, нарисованный на ковре

1. Великий мастер. 2. 1-й надзиратель. 3. 2-й надзиратель. 4. Вступающий, которого кладут на гроб. 5. 6. 7. Вступающие, которым Великий мастер еще не дал лобзания. 8. Оратор. 9. Секретарь. 10. Казначей. 11. Брат-страж

Вступающий лежит на гробе, лицо закрыто окрашенным кровью полотном
 1. Великий мастер. 2. 1-й надзиратель. 3. 2-й надзиратель. 4. Вступающий, лежащий на гробе. 5. 6. 7. Вступающие, которым Великий мастер еще не дал лобзания

Великий мастер подымает вступающего, давая ему лобзание и говоря ему слово мастера
 1. Великий мастер. 2. 1-й надзиратель. 3. 2-й надзиратель. 4. Вступающий.
 5. Оратор. 6. Казначей. 7. Секретарь

Масонская грамота
(собрание Д.Г. Бурылина)

Раннее александровское масонство

Возрождение масонства

«Ныне, когда феникс масонничества под благотворным скиптродержанием благословеннейшего из монархов получил новое бытие свое, мы видим ежедневно наш Восток озаряющимся новым блеском славы и добродетелей первейших мужей в государстве, приступивших к нашим братским работам».

Речь князя М.П. Баратаева

I

«Sous le sceptre tolérant et pacificateur de notre Auguste Monarque, la lumière bienfaisante de la vraie et véritable Franche-Maçonnerie, qui sans jamais s'éteindre pour toujours se retire quelquefois dans le sein d'une obscurité mystérieuse pour éviter la profanation et les persécution, eclaire de nouveau l'Orient de St.-Petersbourg, l'antique Capitale de la Russie et les provinces les plus éloignées de ce vaste Empire».

Печатный циркуляр ложи Елизаветы к Добродетели

В начале царствования императора Александра I русские масоны различных направлений были объединены одной мыслью: вернуть Ордену Вольных Каменщиков утраченное им в России значение.

Круг Вольных Каменщиков, работавших втайне со времени заключения Николая Ивановича Новикова в 1792 г. в Шлиссельбургскую крепость, был невелик. Недовольство правительства императрицы Екатерины II было хорошим испытанием на прочность: большинство братьев поколебалось в верности орденским заветам и прекратило собрания в ложах. Однако, как показало будущее, эти «слабые духом братия» не совсем порвали связь с Орденом, а лишь благоразумно выжидали для каменщицких работ «благоприятных времен». Круг мужей испытанной верности, не прерывая тайных собраний, сохранил для масонства XIX в. духовные масонские заветы, важнейшие орденские акты, обрядники и символические предметы; эти верные братья, «столпы Ордена», как называли их Вольные Каменщики, сохранили искру масонства под пеплом запрещения.

Ложа Пеликана к Благотворительности сохранила заветы шведской системы⁷⁶; акты братства Златорозового креста хранились у И.А. Поздеева и А.Ф. Лабзина, который в последний год царения императора Павла Петровича усиленно старался привлечь новых членов в тайно образованную им розенкрейцерскую ложу; старания его увенчались успехом...

На самом рубеже двух веков, 15 января 1800 г. в Петербурге открылись работы ложи «Умиряющего Сфинкса» под молотком А.Ф. Лабзина⁷⁷.

П.И. Голенищев-Кутузов
(изд. в. кн. Ник. Мих.)

По необходимости работая втайне первые пять лет своего существования, ложа А.Ф. Лабзина принимала большие предосторожности, чтобы ее собрания не были обнаружены. На случай, если бы кто-то из членов переменял взгляды и пожелал бы выйти из братской цепи, он обязывался как честный человек ничего о ложе «не открывать, как если бы оной не существовало», запрещалось разглашать о работах не только в миру профанском, но и в среде Вольных Каменщиков, если они не были ритуально приняты в ложу «Умиряющего Сфинкса»

или к ней присоединены по всем масонским правилам.

Власть Лабзина как Управляющего мастера тайной ложи была особенно велика, братья должны были беспрекословно ему повиноваться, ни в какие другие общества либо ложи без формального на то его согласия не переходить, никакому другому масонскому начальству не повиноваться, — если только на то не будет от него конкретного указания; высшие орденские власти оставались братьям неизвестны, их волю олицетворял прямой непосредственный руководитель ложи, сам А.Ф. Лабзин.

Есть сведения, что ложа собиралась в небольшом деревянном доме на 13-й линии Васильевского острова; дом расположен был во дворе, так что с улицы света или окон видно не было. Точных документов, однако, об этом не сохранилось; достоверно лишь, что собрания были на Васильевском острове; сам А.Ф. Лабзин с 1799 г. жил в казенной квартире в здании Императорской академии художеств, где занимал должность конференц-секретаря после П.П. Чекалевского, тоже Свободного Каменщика.

Ложа «Умиряющего Сфинкса» работала на русском языке, списка членов ее в первые годы не сохранилось, остановка и обиход ложи не были особенно богаты; но круг братьев отличался большим рвением к орденскому делу; клятва гласила: «Посвятить всех себя и все свое: честь, имение и саму жизнь цели ордена»; старые розенкрейцеры благоволили к ложе — И.А. Поздеев, Н.И. Новиков, С.И. Гамалея и все бывшие еще в живых члены московского новиковского кружка.

Сам П.И. Голенищев-Кутузов выступал в собраниях с поучительными речами, нередко в стихах; такие речи он посылал впоследствии в дружественные ложи для прочтения на торжествах. В 1809 г. был издан сборник песен для ложи «Нептуна» на французском языке, это были песни, избранные из других масонских песенников, по настроению соответствовавшие направлению работ кутузовской ложи; они предназначались для хорового пения, и для них имелись мелодии. На Иванов день 1803 г. Кутузов сочинил особенно торжественную оду, в которой указывалось происхождение учения Вольных Каменщиков от древних мудрецов Востока, а также подчинение его ложи «отцам и пастырям почтенным», под которыми всегда подразумевались тайные, неизвестные розенкрейцерские начальники, обладатели неизреченной мудрости. Этот свет мудрости Кутузов испрашивает для своей ложи: «Нам свет с Востока проливайте, держите цепь в руке своей»; цепь братства считалась священной и таинственно-могучей; по мнению масонов, что было «невозможностью для одного члена, — было вполне достижимо для целой цепи неразрывно объединенных стремлений, желаний и действий»; «цепь, включая, кроме того, различные степени посвящений, тайных познаний и совершенства, являла собою единение земли с небом»; поэтому песнь воспевала и выражала пламенное желание, «дабы учение мудрости утверждалось все более в умах и сердцах»:

«Да нашу цепь скрепит во веки;
Пусть мир падет, иссякнут реки,
Но цепь священна в небесах,
В духовном мире будет зрима,
Крепка, светла, неколебима»...

В ложе Кутузова предписывалось остерегаться отягчения и развращения ума многим чтением вольнодумных книг, самым

важным занятием считалось изучение книги природы и самого себя. В ложе хором пели:

«Всегда у вас перед очами
Отверста книга естества,
В ней пламенными словесами
Сияет мудрость божества!
Читай, о смертный, книгу вечну,
Читай всегда, и ночь, и день!
Другие книги утешают,
Но то земных умов труды,
Которы больше мысль смущают
И горьки подают плоды»...

От таких воззрений до гонений на всякого рода свободные проявления мысли было недалеко, — все зависело от личных свойств руководителя работами; с годами в Кутузове развилась очень сильная боязнь греховности, вольнодумства; ревниво оберегая свою духовную паству от «волков в овечьей шкуре ходящих и гласом агничьим глаголющих», он яро преследовал «ложное масонство», то есть системы, не сходные по характеру с розенкрейцерством или хотя бы со шведской системой: в них он усматривал проявление опасного иллюминатства. Ложу Кутузова многие называли зданием на песке, и даже близкие друзья его

не раз расходились с ним из-за его фанатизма.

Знака ложи не сохранилось, но изображение символа ложи представлено на ее большой печати: «Нептун с трезубцем в руке, он облокотился о масонский жертвенник, вдали едва виднеется удаляющийся корабль». Морской сюжет на печати и само название ложи служили напоминанием о прежней ложе «Нептуна», основанной в 1779 г. в Кронштадте и состав которой в то время был морским; сам П.И. Голени-

шев-Кутузов⁷⁸ молодым моряком вступил в ложу; ревностным отношением он вскоре снискал полное доверие Управляющего мастера адмирала Самуила Карловича Грейга, и во время войны со шведами, когда ложа была перенесена на корабль «Ростислав» и с ним совершала поход, Павлу Ивановичу были доверены многие важные акты и печать ложи. После Гохландского сражения П.И. Голенищев-Кутузов был адмиралом Грейгом отправлен к императрице Екатерине с реляцией о победе, и тогда же, страшась превратностей войны, С.К. Грейг повелел ему увезти и хранить у себя до «спокойнейших времен» вверенные ему сокровища ложи. Грейг не вернулся из похода, и волею судьбы важные масонские документы оказались навсегда во владении П.И. Голенищева-Кутузова, который и открыл в память ложи, усыновившей его, московскую ложу, сохранив название и печать: направление работ ее, однако, сильно отличалось от работ под руководством С.К. Грейга.

По общественному положению члены кутузовской ложи принадлежали к родовитому московскому дворянству, подмосковным помещикам; было несколько профессоров университета и временами молодые офицеры: так, например, граф Александр Иванович Дмитриев-Мамонов посвящен был в Вольные Каменщики в ложе «Нептуна».

Работы происходили на русском и французском языках.

В 1802 г. действительный камергер Александр Александрович Жеребцов открыл в Петербурге ложу под названием «Соединенные Друзья»⁷⁹.

Работы начались исключительно на французском языке, по актам французской системы, полученным А.А. Жеребцовым⁸⁰ в Париже, где он был посвящен во время консульства. Акты новообразованной ложи, по отзыву петербургской полицейской власти, просматривавшей их в 1810 г., состояли из одних только обрядов и церемониалов, «учения» имели мало и «предмету (то есть цели) никакого». На самом же деле и учение, и предмет в ложе существовали: ритуал заключал в себе своеобразный культ солнца, сил природы, проповедовались «*religion naturelle*», а предметом было «стереть между людьми различия рас, сословий, верований, воззрений, истребить фанатизм, суеверие, уничтожить национальную ненависть, войну, объединить все человечество узами любви и знания». В таинственном треугольнике, изображавшемся на восточной сто-

роне ложи, вписывались три буквы S (латинского алфавита) — обозначающие слова Soleil, Science, Sagesse.

Символы и замысловатые обряды французской системы оказались достаточно иносказательными, чтобы скрыть от «непосвященного, профанского мира», от пытливости любопытства сокровенный смысл учения ложи А.А. Жеребцова.

По именным спискам членов, сохранившимся в русском архиве, состав ложи «Соединенных Друзей» на первых же порах оказался блестящим. Во главе списка стояло имя великого князя Константина Павловича, целый ряд известных имен следовал за ним: герцог Александр Виртембергский⁸¹, граф Станислав Костка-Потоцкий⁸², граф Александр Остерман-Толстой, генерал-майор Николай Михайлович Бороздин, Карл Осипович О-де-Сион, граф Иван Александрович Нарышкин⁸³, Александр Христофорович Бенкендорф⁸⁴, Александр Дмитриевич Балашов⁸⁵ и др. В числе посетителей — почетных членов следует отметить известного реформатора масонства Игнатия Аврелия Фесслера⁸⁶.

Деятельность юной ложи «Соединенных Друзей» отмечена в иностранной печати под 1804 г. в числе старинных русских лож, возобновивших свои работы, «ложи великого князя Константина Павловича и графа Потоцкого отличаются избранностью своих членов, любезностью к иноземцам и галантностью относительно дам, которых они приглашают на свои празднества». В этой заметке обращают на себя внимание причисление ложи к «возобновившимся старинным русским ложам» и упоминание о «галантности к дамам» и их якобы присутствие во время торжественных собраний. Основания для такого утверждения действительно были: в XVIII в. в Петербурге работала ложа под названием «Соединенных Братий», учрежденная в 1786 г., но имела ли эта ложа большую связь с ложей А.А. Жеребцова, кроме названия, пока еще по сохранившимся в архивах данным сказать нельзя⁸⁷. Относительно дам можно утверждать, что к братским торжественным трапезам «прекрасные нимфы двора Купидона» (как иногда выражались масоны) приглашались, хотя и редко; об этом свидетельствуют тосты, песни и некоторые выражения обрядников, принадлежавших к этой ложе. Кроме того, о ложе «Соединенных Друзей» с тече-

нием времени установилось мнение как о беспокойной ложе, в которой братья далеко не всегда предавались одним только умозрительным работам или стараниям очистить «дикий камень», то есть свою нравственность.

Невзирая, однако, на не «совершенные» работы, число членов постепенно увеличивалось, ложа показала большую жизнеспособность. К 1810 г. она уже имела свое собственное помещение, свой хорошо организованный оркестр братьев гармонии, игравших, главным образом, на деревянных инструментах, и даже печатный сборник песен с нога-

А.А. Жеребцов
(изд. в. кн. Ник. Мих.)

ми под названием «Гимны и кантаты для ложи “Соединенных Друзей” на Востоке Санкт-Петербурга»⁸⁸. Сборник включал три песни на 56 страницах, музыка была написана Боэльдье и К. Кавосом, слова же принадлежали перу Дальмаса и Василия Львовича Пушкина. Песни воспевали любовь к отчизне и славословили императора Александра I. Особое распространение имела песнь В.Л. Пушкина, положенная на музыку Кавосом и начинавшаяся следующими восторженными строчками, проникшими за стены ложи и ходившими по рукам современников:

«Servir, adorer sa patrie
C'est le devoir d'un bon maçon»,

то есть обожать свою родину, служить ей — вот долг истинного каменщика.

Братья собирались в ложе довольно часто для различного рода работ; совершались приемы новых членов и посвящения в последующие степени, бывали ложи семейные или хозяйственные для обсуждения внутреннего распорядка, поучительные, торже-

ственные и печальные, то есть поминание братьев, завершивших жизненный путь. Сохранились обряды столовых лож, отрывки речей за 1810–1811 гг., отчеты о денежных сборах и раздаче милостыни бедным. Обращает на себя внимание строгий контроль речей, произносимых в собраниях; из числа братьев были избраны трое, которым поручалась «цензура» речей. За исключением Управляющего мастера никто не имел права выступить «со словом», предварительно не подав «писаного слова» на одобрение Великому мастеру, который, с ним ознакомившись, уже передавал текст избранным цензорам.

Все материалы, касающиеся первых лет существования ложи А.А. Жеребцова, — на французском языке; на французском же были напечатаны и дипломы на различные степени. Отличительным знаком ложи был золотой прорезной равносторонний треугольник с надписью: «Les amie réunis». Две руки, соединенные братским пожатием, заключены в этом треугольнике⁸⁹. Носился знак на алой шелковой ленте.

Ложа А.А. Жеребцова объединила, главным образом, представителей петербургской знати, *librepenseur*'ов того времени, одного из представителей которых князь П. Вяземский так красиво воспел впоследствии, выражаясь, что он в книге жизни «все перебирал листы, был мистик, теософ, пожалуй, чернокнижник и нежный трубадур под властью красоты»⁹⁰. Проповедовалась любовь к красоте жизни, повелевалось добиваться этой красоты для возможно большего числа людей, устройство земного Эдема; великий храм человечества должно было воздвигнуть на трех столбах: силы, мудрости и красоты.

«Преславный храм сей подкрепляют
Премудрость, сила, красота,
А твердость стен сих составляют
Любовь, невинность, простота».

Часто пелась хоровая песнь, сочиненная еще в XVIII в. в честь братства, сопряженного дружбой. Песнь заканчивалась куплетом, полным жизнерадостного, бодрого чувства:

«О, сколь часы сии прелестны,
Составим купно громкий хор —
Вкушай веселие небесно
Счастливой вольности собор!»

Покровительство вольным наукам и вольному художеству «было одним из принятых «*mots de semkstre*», — пытливости разума не ставилось границ, ученые и артисты привлекались в ложу. Обычным приветствием братьев при встрече было: «Сила — в единении». Символический девиз этот, как выше указано, изображался и на отличительном знаке ложи дружеским пожатием рук.

Кроме Вольных Каменщиков, следовавших заветам братства Златорозового креста и приверженцев французского обряда, в тиши собирались в Петербурге еще посвященные в тайны шведского масонства члены ложи Пеликана к Благотворительности, утвержденной в 1773 г. К 1805 г. было решено придать названию ложи новый блеск, посвятив ее юному монарху. После испрошенного разрешения и последовавшего ответа, что государь не будет против этого, 11 октября 1805 г. ложа была открыта под названием «Александра благотворительности в коронованному Пеликану» и всем братьям роздан новосочиненный различительный знак: серебряный иоаннитский крест, украшенный золотым солнечным сиянием, в центре которого — коронованный Пеликан, кормящий своих детенышей, помещенный в прописной букве А.

Во главе ложи встал И. В. Бебер⁹¹, бывший секретарь Великой Национальной ложи (при начале ее деятельности в 1778 г.), масон «осмотрительный, благоразумный и великомудрый», по мнению масонской братии. Часть актов Великой Национальной ложи сохранилась у него, а ложа Пеликана, даже в самые трудные годы продолжавшая и не прерывавшая связь со шведским братством, когда другие ложи «вовсе работать переставали», имела все необходимые обрядники и клейноды шведского обряда.

Тогда же, при открытии правильных работ, было решено последующую ложу назвать в честь августейшей супруги государя ложей «Елизаветы к Добродетели».

В состав масонских лож Петербурга в XVIII в. преимущественно вошло родовитое дворянство, но уже за первое пятилетие возобновления каменщических работ в XIX в. стало выясняться, что чары масонства увлекают и средний класс интеллигенции и проникают в среду более или менее обеспеченного купечества и представителей различных ремесел. Тогда было решено при образовании новых лож стараться объединять в каждой из них по возмож-

ности лиц однородного общественного положения, взглядов и вкусов; таким образом, каждая ложа обретала бы сразу некоторый характерный облик. Эта мысль получила широкое распространение и воплотилась впоследствии в жизнь.

К 1809 г. в ложе Александра «Благотворительности к коронованному Пеликану» численный состав был уже настолько разнороден, что было решено отделить группу членов и образовать новую ложу под названием «Елизаветы к Добродетели»; открытие состоялось 1 июня, во главе ее встал д. с. с., масон екатерининского времени Александр Сергеевич Сергеев. Знаком ложи была утверждена пятиконечная золотая звезда с прописной буквой «Е» в центре между разведенным циркулем и наугольником. Девизом ложи стало следующее изречение: «Размеряй действия твои циркулем разума, располагай поступки по углу совести»; девиз вырезан на знаке, «дабы носящий его, часто видя, запечатлевал в памяти своей». Работу предполагалось вести на французском языке.

Состав ложи был, в общем, схож с составом ложи «Соединенных Друзей» по общественному положению, но совершенно отличен по настроению. В ложе Елизаветы сосредоточилась русская знать, высшие военные и гражданские чины, великие меценаты-филантропы, вдумчивые искатели истины, мистики-моралисты, мечтавшие о чистоте жизни первых христиан.

По строгости выполнения предписаний, обрядов и орденских законов, по сильно мистическому направлению работ и широкой благотворительности ложа «Елизаветы к Добродетели» вскоре выделилась из среды других лож.

Щедрость членов, вносивших, кроме положенных по уставу взносов, еще и значительные суммы на содержание ложи, позволила художественно и богато оформить помещение; привыкшие к комфорту братья в ложе находили привычную обстановку, для братских трапез даже сервировка была самая изысканная, и столовое серебро, все разукрашенное масонскими эмблемами, отличалось художественной работой. С течением времени при ложе образовалась библиотека, были приобретены клавирины и приглашен хор братьев гармонии для «услаждения концертами».

А.И. Деденев, позднее псковский вице-губернатор, свою признательность братьям-руководителям ложи «Елизаветы к Добродетели» выразил в 1810 г. отдельно напечатанной одой⁹², в кото-

рой выясняется, между прочим, и то исключительно большое внимание, которое уделялось ложей делам благотворительности.

«Вы, о братия любезны,
Являли свет глазам моим,
Я ваши зрел труды полезны,
Я зрел и восхищался им;
Я счастья искать стремился,
Обрел у вас и удивился,
Что счастье в душе живет,
Что счастлив тот, кто помогает,
Что добрый лишь его вкушает;
Других путей ко счастью нет!»

Такого рода отзывов о деятельности ложи сохранилось несколько; одного охладевшего к Ордену брата удалось увлечь, приняв в эту ложу; это был, вспоминает он, круг братьев, коим обязан всем, что мог иметь изрядного.

22 мая 1810 г. была открыта ложа под названием «Петра к Правде», опять-таки из кружка лиц, отделившихся от ложи Александра. Мастером-председателем был избран известный медик, Егор Егорович Эллизен.

Членами преимущественно были представители петербургской немецкой интеллигенции: кружок известных инженеров, медиков и чиновников и, как бы под их попечением, собственники аптек и вообще различных торговых и ремесленных заведений; большинство членов были немецкого происхождения и евангелистическо-лютеранского вероисповедания.

Отличительным знаком был принят золотой крест с прямой перекладиной лютеранского образца, но вокруг перекладины помещен принятый у Свободных Каменщиков символ вечности и мудрости — золотая змея, свившаяся в круг с хвостом в пасти.

Братья ложи «Петра к Правде» хотя и выполняли по всей строгости масонских законов обряды, однако не увлекались в такой мере, как ложа Елизаветы, мистической и таинственной стороной масонства; они «прилегали к наукам математическим и историческим», изучая тайны науки чисел, правил строительства, свойства микрокосма и макрокосма, алхимию и так называемую белую магию; языком символов, переданных от масонов прежних времен, они старались использовать получаемые знания для жизни земной, чтобы на земле смягчить страдания людские, улучшая

условия быта. Так сами они объясняли цель своих работ. В ложе был выделен исторический отдел, где без свершения пышных обрядов посвященные братья собирались на поучительные беседы. Руководитель ложи, Е.Е. Эллизен, пользовался славой чудодея-диагноста — имя его было окружено большим почетом, не в последнюю очередь и за его филантропическую деятельность.

К 1810 г. определился и характер ложи Александра к Благотворительности: действительными членами по преимуществу были немцы из купцов и ремесленников, более высокопоставленные числились почетными членами; в оп-

равдание своему наименованию ложа много занималась благотворительностью, и ее Управляющим мастером в Отечественную войну Павлом Помиан-Пезаровиусом положено было основание ныне действующему Александровскому комитету о раненых.

Все три ложи под названием «Соединенных лож» производили работы по одним обрядникам шведской системы, по одним уставам и в одном помещении; денежная касса также была общая, но дни работ разные.

Скоро стала очевидна необходимость управления, и в 1810 г.⁹³ оно было организовано под названием «Великой Директориальной ложи Владимира к Порядку», на основании конституционного патента, полученного прежде из Швеции для «Великой Национальной ложи» в 1779 г. Гроссмейстером единогласно избран был И.В. Бебер.

К торжественному заседанию новообразованной ложи, по обычаю, установленному в братстве, сочинены были торжественные оды, песнопения, кантаты, акростихи. Мне удалось увидеть кантату на немецком языке, отпечатанную на отдельных листах в малую четвертку. Кантата воспеваает благодать государя, «милостью преисполненный взор коего возродил каменщицкое искусство в России, — из едва тлевшей под пеплом запрещения искры оно разгорелось в яркий пламень; за монарха, отныне на веки незабвенного для Вольных Каменщиков, будут возсылаться непрестанно моления в масонских храмах, будет куриться фи́миам сердец и на алтарях приноситься жертва благодарности». Славословила также и добродетель императрицы Елизаветы.

В 1810 г. по рукам масонской братии ходил и акростих в честь императора Александра, в котором воспевалось «чистое сердце» царя, преисполненное истинной веры и премудрости, и намекалось на его благоволение Ордену.

Торжественное заявление о благорасположении императора, сделанное в присутствии немалого числа каменщиков, а в «заседании значительном, чрезвычайном» оно должно было быть чем-либо обосновано, однако до сего времени документа о разрешении «Великой Директориальной ложи Владимира к Порядку» еще не найдено. Существуют лишь рассказы о разрешении вольнокаменщицких работ в начале XIX в. со слов самих масонов. Со слов флигель-адъютанта полковника П.И. Брозина рассказывалось, что разрешение масонам беспрепятственно производить свои работы выхлопотал мудрый И.В. Бебер, добившись в 1803 г. личной аудиенции у государя и сумевший рассеять все предубеждения императора о вреде масонства. Бебер подробно изложил цели и объяснил обычаи масонов, доказав, что Вольные Каменщики, «подданные верные, неколебимо преданные государю и отечеству, а потому почти во всех значительных государствах Европы они пользуются покровительством. Бебер просил об отмене запрещения масонских собраний, и государь не только обещал выполнить его просьбу, но будто бы произнес еще: «То, что вы говорите мне о масонстве, обязывает меня не только оказать ему покровительство, но и просить принять меня в число франкмасонов. Почитаете ли вы это возможным?» «Государь, — отвечал И.В. Бебер, — я не имею права сам дать ответ Вашему

Символист

(гравюра из Елагинского собрания в Госуд. архиве)

Величеству, я соберу масонов Вашей столицы, объявлю им о Вашем желании, и убежден, что они исполнят его». Вскоре после этого знаменательного разговора государь был посвящен в Вольные Каменщики, и масонство в России обрело утраченный им блеск. К этому времени относится основание Великого Востока всей России (то есть «Великой Директориальной ложи Владимира к Поряд-

ку»), Великим мастером которой был сделан И.В. Бебер⁹⁴. Доля истины в этих сведениях, безусловно, есть — ошибки могут быть в датах и подробностях. По свидетельству Е.Е. Эллизена, именно И.В. Бебер представлял акты правительству и получил разрешение работать для Директориальной ложи; в кантате, исполняемой именно в этой Великой ложе, возносятся горячие благодарения за разрешение масонских работ; сам П.И. Брозин, убежденный последователь шведской системы, мог быть более других осведомлен, так как пользовался большим доверием орденских властей, ревностно распространяя идеи масонства, в то же самое время он снискал и благорасположение императора Александра I⁹⁵. Во множестве речей, произносившихся масонами александровского времени в торжественных случаях, говорится о «Златом

веке» масонства, под покровительством Александра I, монарха-благодетеля вольных каменщиков.

По другому рассказу, разрешение работать для ложи Александра к коронованному Пеликану было получено в 1804 г. д. с. с. А.С. Сергеевым⁹⁶, который вспоминал, что, будучи директором канцелярии при рижском военном губернаторе, он знал о получении отзыва государя относительно открытия в Риге общества под названием «Эвфония»; в отзыве значилось, что общества, клубы или ложи, если не предпринимают ничего противного законам, не должны быть возбраняемы. А.С. Сергеев тогда же объявил о работах своей ложи обер-полицмейстеру и военному губернатору, испрашивая их покровительство, отправляясь в армию в 1805 г., и получил ответ, что «Его Величеству сие не противно».

За время, пока увеличивалась численность последователей шведского обряда и образовался правильно организованный союз из трех лож с Великою Управляющею ложею во главе, братьев Златорозового креста хотя и оставался «малый круг», но деятельность их сильно развилась, а членов ложи Жеребцова насчитывалось 50; кроме того, по актам французского обряда открылась ложа «Палестины» 4 марта 1809 г. Отличительным знаком ей был дан миниатюрный золотой меч с вырезанным девизом «Pro Deo Imperatore et Fratribus» и с наименованием ложи. Меч в масонской символике знаменовал борьбу, защиту невинных и власть Ордена судить и казнить изменников. Он напоминал, что каждый масон обязан стоять на страже законности и интересов Ордена. Работы начались на французском языке, и вскоре во главе ложи встал граф Михаил Юрьевич Виельгорский, светлая личность, столь богато одаренная, что в оценке его сходятся и друг его, поэт князь Вяземский⁹⁷, и масон Ф.Ф. Вигель⁹⁸, злой на язык и скупой на хвалу. Благотворитель в самом красивом значении этого слова, меценат, покровитель артистов и ученых, граф Виельгорский сам был «гениальный дилетант» музыки, друг поэтов: «с Жуковским чокался он пенным бокалом и с Пушкиным в карман он за словом не лез»; царедворец, он «не льстил не праведному», и в «причете придворных умел быть сам собой в чести, и впопыхах не расточал царям слов приторно притворных. Он был Горацием у Августа в гостях». Будучи одним из главарей масонства александровского времени, граф Виельгорский отличал-

Гравюра из книги «Краткие рассуждения важнейших предметов жизни христианской». М. 1801. (собрание Шибанова)

ся большой ревностью к делам Ордена и много работал позднее для союза шведской системы, хотя посвящен был в ложе «Палестины». Состав ложи был смешанный: было много артистов разных специальностей, были военные и гражданские чиновные люди, были купцы. Ложею была издана и посвящена герцогу Александру Виртембергскому песня, положенная на музыку: слова сочинил де Месанс, музыку — Боэльдье⁹⁹. В речах преобладали темы о благотворительности и любви к родине. Число членов возросло до 75.

Кружок А.Ф. Лабзина за 9 лет существования возрос настолько, что стало возможным выполнить заветную мечту некоторых особенно мистически настроенных братьев — выделить в особую группу для за-

нятий по актам «теоретической степени Соломоновых наук». Эта степень, составлявшая преддверие, переходную ступень (последнее испытание) к розенкрейцерству, давалась лишь братьям испытанной верности по избранию и указанию высших начальников. Закон гласил: «К сей степени допускаются токмо истинные и старые шотландские мастера и то такие, кои дали достаточные опыты страха Божия, человеколюбия, непорочной жизни и алчности к стяжанию премудрости и познаний»¹⁰⁰.

9 марта 1809 г. пять братьев с Лабзиным во главе учредили в Петербурге теоретическую ложу для изыскания премудрости; обет требовал отречения от сует мира и полного предания себя служению целям Ордена, не щадя своей жизни.

Деятельность кружка А.Ф. Лабзина выразилась по преимуществу в издательстве¹⁰¹. Чем более крепло в среде мистиков ре-

шение борьбы с фанатиками неверия или с теми, кому все все равно, тем более появлялось на книжном рынке книг мистического содержания.

В 1806—1807 гг. нарождаются два журнала. Издателями выступают два «ученика мудрости» старой новиковской школы мистиков, московских мартинистов А.Ф. Лабзин и М.И. Невзоров. 1 января 1806 г. появился первый номер «Сионского вестника», в сентябре того же года — последний, так как журнал подвергся запрещению.

1 января 1807 г. в Москве вышел первый номер журнала «Друг юношества». Но он не смог заменить запрещенного «Сионского вестника». Ярко мистической окраски в нем не было, статьи помещались по преимуществу нравственно-религиозные и назидательные. Воспитание «человеков» в любви к христианским добродетелям и гражданским доблестям было целью журнала.

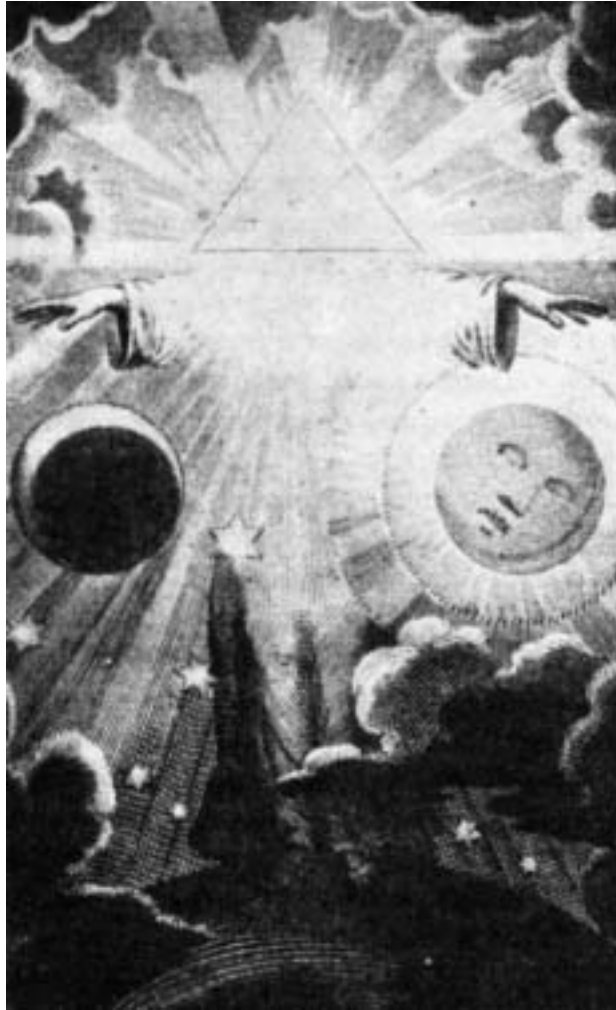
Работы теоретической степени производились и в Москве в доме И.А. Поздеева; в ложе собиралось около 20 человек; точных сведений о дне открытия работ не сохранилось, известно лишь, что в 1809 г. теоретическая ложа усиленно работала.

Ложа называлась «К Мертвой Голове», и одним из ее деятельных членов был профессор А.Х. Чеботарев. Хотя имя И.В. Лопухина не включено было и впоследствии в списки¹⁰² московских «теоретических философов», однако связь его с ними доказывается рассказом Ф.П. Лубяновского¹⁰³ о дружественной связи Лопухина с Чеботаревым, которому он поручил Лубяновского, устроив его на жительство в семье Чеботарева¹⁰⁴. С чувством глубокой и умиленной признательности вспоминал Лубяновский об отношении к нему этих двух выдающихся московских розенкрейцеров.

Большим влиянием в ложе пользовался друг Поздеева Р.С. Степанов, часто собиравший братьев на поучительные беседы. После смерти Степанова под портретом его начертано было:

«Он жил, вседневно умирая,
И умер так, чтоб вечно жить,
Был слеп, но в лучший мир взирая,
Умел страдать, терпеть, любить».

Р.С. Степанов очень страдал, постепенно теряя зрение, но покорство воле Всевышнего и несение им «креста», как говорили ученики и друзья его, были поистине изумительны.

«Глас небесной тверди, возвещающий бытие, премудрость и всемогущество предвечного» (изд. Лабзина, 1808 г.)

Собранная им для ложи библиотека славилась в масонском кругу; эта библиотека после вторичного запрещения масонства при императоре Николае I была конфискована и увезена в Петербург.

Из других членов ложи известен Ф.П. Ключарев, князя Трубецкие и адмирал Н.С. Мордвинов.

Кроме собраний теоретических философов и посвященных «во внутренний орден» Златорозового креста особо мистической

окраской отличалось общество гр. Грабянки в Петербурге под названием «Народ Божий». Целью общества было возвещать «по повелению Божию второе и близкое пришествие Господа Иисуса Христа и славного Его царствования на земле» и приготовление смиренных и верных душ для приближающегося Царства Божия.

Глава общества являлся посредником между небесными силами и просветленными братьями; кроме него, однако, для сношений или, по подлинным словам, «корреспонденции с небом» выделен был особый «собор пророков», состоявший из людей избранных, утвержденных самим небом; через собор непременно должно было пройти «всякое слово, видение и откровение и быть строго очищено от всякого чуждого примешения темперамента или частного свойства объявляющего оное члена».

Пророчества совершались в состоянии «экстатическом», которое достигалось соблюдением особых правил, предписанных обрядниками: просветленный должен был являть собою орудие небесной воли, для чего требовалось полное отречение от «самости» и «погружение себя всецело в созерцательное состояние». Ритуалом предписывались пост, уединение, молчание, молитва и т.п., причем время подготовки было распределено строго по часам. Собору просветленных было «доступно блаженство озарения», «все наивысочайшие, все наисокровеннейшие таинства оному открыты и легко открыты быть могут». Сношения с небом заключались «в слове или голосе внятном, как внутреннем, так и наружном, и в видениях и откровениях пророческих, причем не только ангелы и святые, и от мира отшедшие блаженные души, но и сам Господь иногда является и говорит». Вот эти-то пророчества во время собраний и приближение к царству небесному путем единственно лишь откровений свыше и составляли главное отличие учения Грабянки от исповедуемого в розенкрейцеровских ложах.

Любопытен документ под названием «прокламация», содержащий предварительные сведения об обществе «Народа Божия» с целью привлечения новых адептов. В этой прокламации цель и работы объяснены в целом ряде параграфов, на которые не преминули дать разъяснения розенкрейцеры, желая оградить от вовлечения в сети врага своих приверженцев.

Такой прием воздействия был вызван вступлением в союз гр. Грабянки выдающихся розенкрейцеров, как-то: А.Ф. Лабзина и сладкоречивого А.А. Ленивцева. На 11-й пункт прокламации, в котором утверждалось, что общество «Народа Божьего» обладает верным путем к достижению истин как в рассуждении духовного и нравственного, так и физического, что оно есть «действительнейшее орудие в руках Провидения», имея сношения через посредство просветленных с самим небом, розенкрейцеры объявляли, что путь к достижению истины имеется в Ордене Златорозового креста; этот путь, испытанный опытами и верный, есть путь возрождения, самосовершенствования. Вступление в сообщество Грабянки еще не есть средство сделаться пророками, «ибо туда же себя принесем». Тут же, однако, намекается, что озарений удостаиваются и братья в лоне Ордена. «Таинства же милостиво открываются и нам, но мы знаем, что они нам настолько полезны, насколько успеваем в возрождении, без чего небо нам не есть средство войти в него, и оно же недалеко, а в нас самих».

Как и в розенкрейцерских ложах, в ложе графа Грабянки занимались кроме теософии еще и алхимией, магией, но, утверждая, что братья златорозового креста изучают «магию белую, божественную», начальники-розенкрейцеры обвиняли последователей гр. Грабянки в чернокнижии, занятии черною магией, сношении со злыми духами. Сокрушаясь о нетвердости некоторых братьев, увлекшихся новым учением, начальники пишут: «Знакомые нам в своем пути колеблются и не ведают, куда пристать и, Боже их помилуй, попадут на како-магов или на иллюминатов».

К ложе Грабянки, кроме Лабзина и Ленивцева, принадлежали и другие масоны: П.И. Донауров, П.И. Озеров-Дерябин, Ф.П. Лубяновский, посещали ложу и женщины, например М.А. Нарышкина. Ложа собиралась в покоях гофмаршала цесаревича Константина Павловича в Мраморном дворце, иногда же собиравались и у вдовы С.И. Плещеева.

Увлечение «духовидением» было особенно сильно около 1806 г., в 1807 г. гр. Грабянка был арестован и заключен в крепость. Собрания постепенно прекратились, однако о них было много «говору и шуму в высоких кругах», по словам П.И. Голле-

нищева-Кутузова, хотя можно полагать с уверенностью, что распространению «толков невыгодных» особенно содействовали розенкрейцеры своими циркулярными предостережениями.

В предупреждении упомянуты также и иллюминаты, к которым розенкрейцеры, по объяснению П.И. Голенищева-Кутузова, причисляли и Фесслеру¹⁰⁵ систему. Такая иллюминатская ложа И.А. Фесслера существовала в Петербурге в 1807–1810 гг., собираясь у барона Розенкампа то на дому, то в саду при здании комиссии законов. Есть указания, что ложа называлась «Полярная звезда». Управляющим мастером был сам И.А. Фесслер, а членами — увлеченный им и келейно посвященный М.М. Сперанский, а также масоны профессор Ф.Л. Гауеншильд, Дерябин, Злобин, проф. Лоди, Магницкий, Пезаровиус, Ренненкампф, барон Розенкампф.

И.А. Фесслер в истории Ордена Свободных Каменщиков занимает видное место как преобразователь и учредитель системы, которая известна под названием «сиентифической» и Фесслеровой. Розенкрейцерами система эта считалась вредной и иллюминатской, на самом же деле она включала три иоанновские символические степени староанглийской системы, сильно упрощенного ритуала и степени «познаний», ставившие целью ознакомить научным образом с сущностью различных масонских систем, где-либо и когда-либо существовавших. Таким образом, по плану Фесслера масоны высоких степеней зна-

Из «Несчастливых приключений Вас. Баронщикова, мещанина Нижнего Новгорода, в трех частях света с 178–1787», Спб., 1787 (собрание Шибанова)

комились с историей вольнокаменщического Ордена с древнейших времен. Каждому вступлению в степень познания предшествовало символическое посвящение, представлявшее некоторые заветы царственного искусства.

По примеру Лессинга и Фихте Фесслер ставил масонству широкие нравственно-философские задачи, он вносил в свою систему либеральную религиозность и мораль. Целью истинных масонов он ставил создание нового общества и в нравственном воспитании усматривал средство к перевоспитанию гражданского; сознание высокого предназначения человека, сознание достоинства и долга он почитал самым верным путем к достижению века Астреи. Евангелие им почиталось книгою высочайшей премудрости, священной великими своими заветами. Спаситель чтился, «яко недостижимый моральный идеал».

Вскоре круг почитателей Фесслера, вызванного в Россию в 1809 г. для занятия в СПб. Духовной академии кафедры еврейского языка, сильно увеличился; к кружку его примкнули многие ученые различных областей науки. Известный медик Е.Е. Эллизен, богослов, пастор Фольборг, деятель различных филантропических кружков П.П. Пезаровиус¹⁰⁶, библиофил, книготорговец К. Вейгер, А.П. Тургенев, С.С. Уваров, попечитель СПб. учебного округа с конца 1810 г., и др.

И.В. Бебер увидел в Фесслере сильного соперника и высказывал большое недовольство его деятельностью, внесшей разлад в братство. Он обвинял Фесслера в желании «сделать диверсию» и всячески противодействовал усиливавшемуся его влиянию. Кто из великих масонов вышел бы окончательным победителем из завязавшейся борьбы, трудно сказать, так как почти в самом начале она пресеклась отъездом Фесслера из Петербурга вследствие его отставки с должности преподавателя Духовной академии. В феврале 1811 г. он уехал в Вольск, где ему представилась возможность работать в частном учебном заведении, позднее он поселился в Саратове.

Высокообразованный, с критическим чутьем и богатым запасом научных познаний, Фесслер к тому же обладал способностью увлекательно и в то же время систематически излагать свои мысли, чем объясняются успехи его среди людей науки. В академии студенты были сильно увлечены его лекциями по филосо-

фии, но заметный либерализм в вопросах догматики и принадлежность его к масонскому толку направления, еще не обычного для России, внушили начальству академии опасения, и Фесслер был отставлен. По рассказу Бебера, Фесслера обвиняли в распространении между слушателями социнианского учения. Некоторые особенно фанатически настроенные розенкрейцеры обвиняли его в полном безверии, на самом же деле Фесслер являл собою пример «ищущего света», по масонской терминологии.

Воспитанный набожной матерью-поэтессой, Фесслер прошел этапы экзальтированного, верующего католицизма, увлекшего его в монашество; сильного скептицизма, заставившего его в науке, философии и различных толках масонства искать истины; наконец, он остановился на протестантском религиозном идеализме. Он был подвижного характера, и в нем склонность к мистицизму уживалась со старанием отыскать путем науки оправдания вере.

В Саратове деятельность Фесслера, как председателя лютеранской консистории немецких колоний Волжского края, оставила хорошие воспоминания, и не только у лютеран.

О вступлении Сперанского в ложу Фесслера в Петербурге сохранилось несколько свидетельств. Так, камергер Ренненкампф¹⁰⁷ рассказывал, что по поручению Фесслера переводил на французский язык ритуалы для приема Сперанского. При посвящении Сперанского якобы присутствовали сам Фесслер, профессор Гауеншильд, профессор Лоди, Дерябин, Ренненкампф, Розенкампф, еще один масон и служащий брат. В свою очередь профессор Гауеншильд¹⁰⁸ в записке о деятельности М.М. Сперанского рассказывает, что Сперанский лелеял мысль преобразовать русское духовенство путем масонской ложи. Он собирался основать масон-

Масонский крест
(собр. Врублевского)

скую ложу и обязать наиболее способных из духовенства принимать участие в ее работах.

Новый ритуал для ложи Сперанского составлял Фесслер, а Гауеншильд перевел его на французский язык; наконец, в июне 1810 г. состоялось заседание ложи, где был зачитан новый ритуал. Кроме Сперанского, Фесслера и Гауеншильда присутствовали еще Магницкий, Пезаровиус и барон Розенкампф.

Любопытно, что вокруг имен Сперанского и Фесслера свидетельства разных современников группируют все тех же лиц. Магницкий в доносе императору Николаю I отмечает образование ложи Фесслером и участие в ней Сперанского, его самого и некоторых лиц, указанных выше. Имена Сперанского, Фесслера, Магницкого и др. указываются в списке членов иллюминатской ложи, сообщенном императору Александру и найденном в кабинете государя после его кончины.

Сам Сперанский в подписке, данной в 1822 г. после запрещения масонства, упоминает, что в 1810 г. был посвящен с ведома правительства в масонское братство под руководством известного доктора Фесслера.

В ложе Фесслера мы находим, кроме Сперанского, и других членов ложи Грабянки; они равно увлекались экзальтацией, идеальным христианством, крайним мистицизмом и свободомыслием, даже политическим вольнодумством.

Таким образом, к 1810 г. круг адептов вольнокаменнического братства сильно увеличился, деятельность его стала известной широким кругам общества и возбудила толки; проповедь масонства в различных формах такими людьми, как А.Ф. Лабзин, И.В. Лопухин, И.А. Поздеев, М.И. Невзоров, И.А. Фесслер, не могла оставаться незамеченной, и правительство сочло своевременным обратиться к руководителям масонского общества через министра полиции для затребования масонских актов, законоположений и обрядников.

Чрезвычайно знаменательно, что к этому же времени на пост министра полиции был назначен масон А.Д. Балашов, генерал-лейтенант, генерал-адъютант, член ложи «Соединенных Друзей», сильно увлекавшийся масонством и посвященный в высокие степени. При таком посреднике масоны могли рассчитывать на благоприятный исход предполагаемой ревизии. На-

Гравюра из собрания Румянц. музея

значение Балашова состоялось 28 марта 1810 г., а в августе он обратился к начальникам-масонам с письмом, в котором причина вмешательства правительства в масонские дела объяснялась так: «Начальникам существующих здесь масонских обществ известно, что правительство, зная их существование, не полагало никаких препятствий их собраниям. С своей стороны и общества сии заслуживают ту справедливость, что доселе

не подавали они ни малейшего повода к какому-либо на них притязанию. Но неосторожностью некоторых членов, взаимными лож состязаниями и некоторою поспешностью к расширению их новыми и непрерывными принятиями бытие сих обществ слишком огласилось. Из тайных они стали почти явными и тем подали повод невежеству или злонамеренности к разным на них нареканиям. В сем положении вещей и чтобы положить преграду сим толкованиям, правительство признало нужным войти подробнее в правила сих обществ и удостовериться в тех основаниях, на коих они могут быть терпимы или покровительствуемы»...

Четверо управляющих петербургскими ложами были, кроме того, призваны к министру полиции, который от имени государя спросил их, желают ли они, чтобы вольнокаменщическое братство было под покровительством правительства, или желание их удовольствуется, если оно будет только терпимо. Покровительство может быть даровано лишь при полном подчинении министру полиции, если же они желают ограничить свою подчиненность доставлением одних только сведений о деятельности своих лож, оно будет «терпимо». Выбор управляющих ложами остановился на втором предложении, и они представили на просмотр и разрешение акты.

Интересно, что А.Ф. Лабзин актов своей ложи не представлял, а И.В. Бебер не представил актов высоких степеней шведского обряда, ограничившись обрядами иоанновских лож.

На время просмотра бумаг особо назначенным от правительства комитетом, в который, в частности, входил и М.М. Сперанский, велено было приостановить прием новых членов, однако другие работы в ложах продолжались.

Просмотренные комитетом масонские законоположения и обрядники были возвращены И.В. Беберу, и вместе с тем дано разрешение ложам шведской системы производить работы, но с обязательством ежемесячно представлять правительству через министра полиции¹⁰⁹ краткие отчеты о всем происходящем в ложах.

Выдача разрешения ложам французской системы несколько замедлилась, невзирая на удостоверения А.А. Жеребцова и гр. М.Ю. Виельгорского, что все занятия в их ложах ограничиваются выполнением церемониалов и благотворительностью.

Прототип масонской обрядности

Промедление в отношении ложи «Соединенных Друзей» и «Палестины» тем более вызывает удивление, что А.Д. Балашов принадлежал к составу этих лож и, посвященный в высшие степени, был хорошо осведомлен об их «предмете». Сомнения, следовательно, явились в комитете, который имел большее значение в данном случае, нежели министр полиции.

М.М. Сперанскому и другим, неизвестным нам пока членам комитета, более по душе пришлась шведская система, нежели французская, в которой усмотрен был дух вольномыслия, а потому рождались опасения за будущее, когда управление ложами могло перейти в руки «нетвердые» или «неверные».

8 октября 1811 г. ложа «Палестины», все еще не получившая разрешения работать, обратилась с письмом уже к графу А.К. Разумовскому как министру народного просвещения с ходатайством о возвращении актов и о разрешении возобновить прием новых членов, приостановленный в течение года. Тогда, наконец, воспоследовало давно ожидаемое разрешение, однако это разрешение было такого рода, что в случае каких-либо недоразумений ложи могли быть закрыты, как это выяснялось из проекта постановления о масонских ложах, одновременно сообщенного Управляющим мастерам.

Проект был составлен главным образом на основании положения прусского короля Фридриха-Вильгельма III от 20 октября 1798 г. против тайных обществ — конечно, с изменениями соответственно обстоятельствам, бывшим тогда в России.

Предполагалось запретить: 1) те общества и братства, в которых «главные или побочные занятия состоят в том, чтобы с какою бы то ни было целью рассуждать» о предполагаемых в государственном правлении переменах или о средствах, которыми могут быть осуществлены эти перемены, или о мерах, уже принятых с этою целью; 2) в которых «безвестным начальникам обещают послушание клятвою или поднятием руки словесно, письменно или каким бы то ни было образом; 3) в коих известным начальникам обещают неограниченное послушание, не исключая даже всего, относящегося к государству и нравственности; 4) кои требуют обета молчания относительно тайн, открываемых сочленам; 5) кои имеют тайную цель или которые для достижения известной цели употребляют тайные средства или сокровенные таинственные иероглифические формы»¹¹⁰.

В начале проекта помещены постановления полицейского устава, изданного при императрице Екатерине II 8 апреля 1782 г., относительно охраны управою благочиния «законом утвержденных» обществ, товариществ, братств или подобных установлений; не утвержденные законом признаются «за действительные», а если они приносят «вред, ущерб или убыток» всеобщему благу или вовсе лишены какой-либо пользы, то подлежат «уничтожению и запрещению».

Итак, масонское братство, не принявшее предложенного покровительства, чтобы более или менее быть свободным в своих делах, этим самым ставило себя вне законной охраны: в каждую минуту проект мог получить силу закона, воззрения на масонские работы могли измениться, а ложи — быть закрытыми, что и случилось в 1822 г.

В силу указанного проекта терпимую была признана лишь «Великая Директориальная ложа Владимира к Порядку», начальники лож обязывались ежегодно подавать министру полиции списки всех членов союзных лож с обозначением звания, занимаемых должностей, времени рождения под угрозой штрафа в 200 руб. и лишения возможности производить работы. Наименьший возраст для посвящения определялся в 25 лет. О месте работ каждой ложи необходимо было сообщать министру полиции. Ответственность за весь союз возлагалась на Управляющего Великой ложей. Кроме лож, о которых заявлено было министру полиции, всякие собрания запрещалась

лись под страхом предания суду и ответственному наказанию. Грозил суд и наказание и тем, кто будет способствовать учреждению обществ, примет их в своем доме, и, наконец, тем, кто, зная о существовании таковых, не доведет это до сведения надлежащих властей.

Невзирая на столь строгий проект, сообщенный для руководства в дальнейших работах, розенкрейцерские ложи А.Ф. Лабзина, И.А. Поздеева, П.И. Голенищева-Кутузова, а также вольнодумные сборища Всеволожского продолжали свои работы в тиши.

Но что еще более обращает на себя внимание, так это восстановление во всем ритуальном блеске по неразрешенным, непросмотренным правительством актам тайного высшего правления шведской системы (для соединенных лож) светлейшего капитула Феникса. Капитул Феникса, учрежденный Великим Шведским Востоком для Петербурга в 1778 г., с тех пор являлся верховной масонской властью, имевшей целью охрану обрядности и законов шведской системы, строгого послушания и право суда над всеми членами союза, высшими и низшими, «дела коих не должны подлежать ведению профанских судей, так как до них не принадлежит о сем судить». Члены правления должны были оставаться неведомыми братьям союза, власть их была безгранична. Капитул выделял из своего состава директорию, орденский совет, который разделялся на две палаты, верхнюю — законодательную и нижнюю — исполнительную.

Из Эккартсгаузена «Таинство креста»,
1814 г.

Во главе капитула встал по единогласному избранию И.В. Бебер, получивший наименование мудрого из мудрых, викария Соломона. Избранный пожизненным Великим префектом, он был неответственен в своих действиях перед братьями и несменяем.

Всем членам капитула присвоены были тайные имена, под которыми они и вписывались в отчеты о заседаниях и пр. Для переписки служил шифр, его было несколько образцов. К занятию должностей в капитуле допускались братья, посвященные в семь степеней, причем от них требовалось 16 колен дворянства и в четырех чистота от примеси крови неверных (турок, сарацин и др.) и иудеев.

Каждый вступивший в капитул получал, кроме орденского имени, герб и девиз, которые вписывались в матрикул ордена и сообщались дружественным капитулам других стран, но не братьям нижних степеней. Для директории капитула Феникса существовала особая инструкция, данная из Швеции в 1780 г. за подписью герцога Карла Зюдерманландского.

Одновременно с возобновлением деятельности капитула была открыта и ложа св. Андрея под названием Сфинкса для посвященных в 4-ю и 5-ю степени, шотландского ученика, подмастерья и мастера. Позднее, надо полагать, около 1812 г. открыта была и вторая шотландская ложа под названием св. Георгия. Посвящения в 6-ю степень совершались в капитуле Феникса.

Ритуалы посвящения сохранялись в капитуле и были очень полны до 7-й степени включительно.

Каково же было ритуальное убранство тайного капитула Феникса? Описание его мы находим в обряде посвящения в 7-ю степень рыцарей храма или Запада¹¹¹.

Блистательный капитул Феникса освещен восковыми свечами: их 81. Мягко светят они в высоких семисвечниках и трехсвечниках. Снежно-белый шелк балдахина над тронем префекта резко отличается от пурпурного сукна, которым обиты стены. Вышитый на балдахине ярко-красный иоанновский крест кажется обогранным кровью. Трон, одетый в пурпурный бархат, и жертвенник, покоящийся на четырех львиных золоченых головах и покрытый белым шелком с Андреевским крестом, вышитым зеленым шелком и золотом, стоят с востока на возвышении о семи ступенях. На жертвеннике Библия и небольшой открытый гроб, высеченный из кам-

ня, с фигурой последнего Гроссмейстера Тамплиеров в орденском одеянии, на положенной возле гробовой крышке высечен крест Храмовников и буквы I. V. M. V. A. D. 1314, означающие: Иаков Бургундиус Молэ, сожженный в Лето Господне 1314.

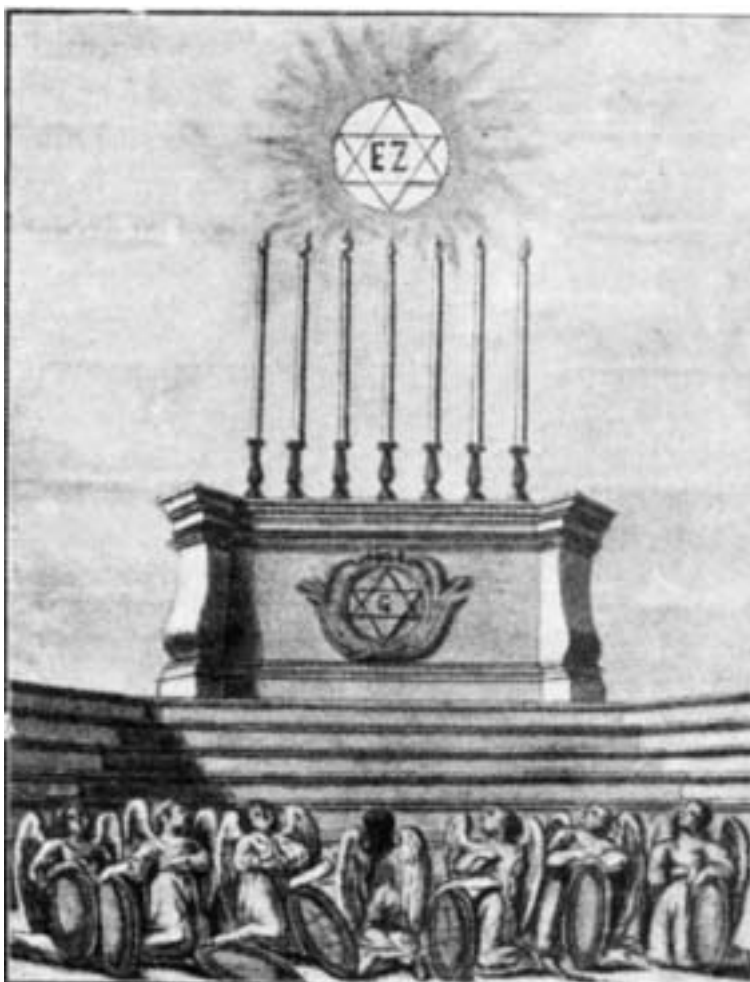
С востока от трона орденское знамя; с запада в полном вооружении когда-то славного Ордена Тамплиеров недвижно, словно на страже, стоит рыцарь с опущенным забралом. Посреди зала водружена мрачная виселица с подвешенным тамплиерским крестом; золоченый гробовой покров, затканый серебром пламени, скрывает большую часть красного сукна, которым обиты пол и все средоточие зеленого Андреевского креста, пересекающего по диагонали весь пол зала.

С запада и востока на двух столах, крытых белым шелком, возложены орденский меч, корона, шпоры, лампада, наугольник и ленты со знаками. Рыцари Запада, или храма, все в рыцарских доспехах, герольды выделяются белыми шелковыми мантиями и белыми шляпами с белым и красным пером, у обрядоначальников — белые жезлы из слоновой кости с черными наконечниками, прелаты в белых далматиках с красными нагрудными крестами, в больших белых шерстяных плащах духовных рыцарей.

Совершенно иное, простое, строгое убранство в ложах теоретической степени, в которых скрывали свои работы розенкрейцеры, братья тайной ложи Лабзина в Петербурге, и друзья московских мартинистов, съезжавшихся в домик И.А. Поздеева в Москве.

В преддверии, или комнате приготовления, все ритуальное убранство заключалось в символических коврах предыдущих степеней; ковры эти покрывали пол так, что через них надо было шествовать, направляясь в зало посвящения. Посреди комнаты приготовления на столе ставилась «купель очищения» — большая чаша, наполненная водой, а вокруг нее — четыре высокие восковые свечи.

Зало посвящения все было обито черным, на востоке в сиянии лучей — око Провидения; на черном алтаре — семиветвенный светильник с зажженными восковыми свечами; на нем же — Священное Писание, акты и символические знаки. Посреди зала ковер теоретической степени с четырьмя зажженными свечами по углам¹¹². Тайные ложи братьев Златорозового

Алтарь с семисвечником
(Елагин. собр. в Госуд. архиве)

креста не следует смешивать с ложами французской системы высокой степени князя Орла и Пеликана, Великого Розенкрейцера. Ложи этой степени именовались капитулами; в Петербурге существовал такого рода капитул под названием «Верховный капитул горы Фавор». Сохранились дипломы капитула, снабженные печатями с изображением горы Фавор и креста с мистической розой. Князя Орла и Пеликана, кроме того, носили бронзовые медали как члены этого капитула.

II 1812–1814

Кем счастлива Обь и Волга?
Кем красуется Нева?
Кем любезна святость долга?
Чьи в закон мы чтим слова?
Слышим, грады отвечают,
Веси, села повторяют
И Россиян всех сердца
Имя нежного Отца.

*«Друг юношества»,
май 1812 г., стр. 1*

«Rappelez vous que dans toutes les occasions
les maçon doivent se distinguer par leur devouement
a la Patrie, au Souverain et a la vertu».

Из масонской речи 1810 г.

25 января 1812 г. в заседании «Великой Директориальной ложи Владимира к Порядку» был принят целый ряд постановлений, о которых союзные ложи были уведомлены циркулярно. Постановления касались, главным образом, правил о приемах новых членов, о сроке пребывания в степенях иоанновских лож и о правах посетителей.

Имена просящих о приеме в ложу, будь то новички профаны или уже ранее посвященные, состоящие членами какой-либо ложи, должны были писаться на доске либо большом листе бумаги и выставляться у западных дверей ложи сроком на 15 дней; по миновании же этого срока разрешалось производить баллотировку, «буде не заявлено, что окажется против предлагаемого». Знак ложи мог быть вручен лишь после принесения присяги, и тогда же разрешалось включить имя в список членов ложи и союза.

Из собрания Патека

Срок для пребывания в первой ученической степени определен был

Из Елагинского собрания в
Государств. архиве

в пять месяцев, товарищеской — семь и мастерской — один год и три месяца — не менее; однако допускались сокращения срока в случаях особо выдающихся «отличных достоинств» или безотлагательной необходимости совершить путешествие. В каждом отдельном случае следовало испросить предварительное разрешение Великой ложи.

Относительно посетителей, признающих другие системы, следующих какому-либо иному обряду, а не тому, который принят Великой ложей, было объяв-

лено, что их будут признавать не выше мастеров иоанновских лож, как бы высока ни была степень их посвящения; место во время работ им отводилось на южной стороне ложи.

Подтверждалось всем Управляющим мастерам приказание доставлять Великому Управляющему мастеру союза отчеты о деятельности лож¹¹³.

В дополнение к циркуляру был разослан также и вновь просмотренный и исправленный «Устав Вольных Каменщиков»; этот устав, утвержденный еще на Вильгельмсбадском конвенте в 1782 г., очень чтился Вольными Каменщиками, почему и исправления были незначительными: в выражениях, в слоге, а не по существу.

Вильгельмсбадский конвент имел целью выработку наиболее целесообразной и наилучше организованной системы для масонской деятельности. После конвента в Россию были при-

сланы масонские акты, обряды, их объяснения, нравственные наставления. Многие и поныне сохранились в архивах и снабжены соответствующими заголовками, например: «Рита, утвержденная на общем Вильгельмсбадском конвенте», «Изъяснение обряда по Вильгельмсбадскому конвенту» и т.п.

Разосланный устав сохранился во множестве списков, что доказывает большое его распространение; отличается он от более ранних списков некоторыми поправками, подчеркивающими еще более «всечеловеческие задачи» Ордена, его всемирность; так, например, слово «соотечественники» изменено в «сочеловеки» и т.п.

Весь устав разделен на 9 отделов, краткое вступление и столь же краткое заключение. Каждый отдел подразделяется на отдельные параграфы. I отдел «О должностях к Богу и религии». «Первая твоя клятва принадлежит Богу. Имей благоговение к Существо, исполненному величества, действием воли своей сотворившему вселенную и соблюдающему оную непрерывным деянием, наполняющим твое сердце, Его же слабый предельный разум твой ни постигнуть, ни определить не может». «Угождать Богу твоему — се твое блаженство. Быть навек с ним соединенну — се твое ревнование и правило твоих деяний». «Исповедуй на всяком месте божественный закон Христа Спасителя и не стыдись никогда, что ты ему принадлежишь. Евангелие есть основание наших обязательств, ежели ты ему не веришь, то ты не каменщик». II отдел «О бессмертии души». «Человече! Царю мира! Бывший некогда из творений совершенное потому, что сам Бог одушевил тебя своим дуновением, восчувствуй твое высокое определение! Все, что растет вокруг тебя, имеет жизнь токмо животную, исчезает со временем и покорено власти твоей, единая твоя душа бессмертна. Истекающая из недр Самого Бога, переживает тление и не исчезает». Отдел III «О должности к государю и Отечеству». «Высочайшее Существо вверило положительнейшим образом власть свою на земле государю, чти и лобызай законную власть над уделом земли, где ты обитаешь: твоя первая клятва принадлежит Богу, вторая Отечеству и государю. Человек, скитающийся по лесам без просвещения и убегающий общества, был бы менее способен к исполнению намерений Провидения и к достижению всего блага, ему предоставленного. Существо его расширится в

кругу ему подобных; разум его укрепляется стечением различных мнений. Но по единому соединению произвел бы непрерывный бой о личной пользе и насыщении развратных страстей и вскоре бы невинность пала пред силою или коварством. Итак, нужны были для поступков его законы, а для сохранения оных начальники». «Чувствительный человек! Ты чтить родителей своих, чтить равно с ними и отцов государства. Они суть особы, представляющие Божество на земле сей. Если они ошибаются, сами они отвечать будут пред Судьею царей; но твое собственное рассуждение, почасту несправедливое, не может уволить тебя от повиновения». «Обнажи со рвением все способности твои для великого блага, блага отечества. Ежели когда-нибудь не исполнишь ты сей священной должности, ежели сердце твое не будет более от радости трепетать при нежном имени отечества и государя твоего, то каменщики извергнут тебя из недра своего, яко противника общего порядка, яко недостойного быть участником в преимущественных выгодах такого общества, которое заслуживает доверенность и уважение государей, потому что любовь к Отечеству есть одна из главнейших его пружин и что, ревнуя сделать лучшими граждан, требует оно, чтобы дети его с величайшею отличностью и по чистейшим побуждениям исполняли государственные должности. Храбрейшим воином, правосуднейшим судьей, кротчайшим господином, вернейшим слугою, нежнейшим отцом, постояннейшим мужем, преданнейшим сыном должен быть каменщик, потому что общие и обыкновенные обязанности гражданина освящены и подтверждены свободными и произвольными каменщика обетами и что, презря оные, он к слабости присоединит лицемерие и клятвопреступство».

Следующие три отдела касаются любви к ближнему и благотворительности; VII — о нравственном совершенствовании себя, VIII — о долге перед братьями и IX — о долге перед Орденом. На двух последних я еще несколько остановлюсь. Правило о братском долге гласит: «В бесчисленной толпе существ, населяющих сию вселенную, ты признал каменщиков братьями своими, не забывай никогда, что всякий каменщик, какого бы исповедания христианского, какой бы страны или состояния ни был, простирая тебе десную свою, символ братской свободы, имеет священные права в твоей помощи и дружбе. Обет приро-

ды был равенство, но человек нарушил скоро оный. Каменщик восстанавливает первобытные права человеческого племени, он не жертвует никогда народным предрассудкам и священный узел сравнивает здесь все состояния».

«Берегись вводить в храмах наших льстивые отличности, нами не принимаемые, оставь твои достоинства и знаки любочестия за дверями и входи к нам с спутниками, токмо твоими добродетелями. Какое бы твое светское звание ни было, уступи в ложах наших добродетельнейшему, просвещеннейшему. Не стыдись никогда при посторонних людях человека низкого состояния, но честного, которого ты несколько минут прежде лобызал, как брата. Орден постыдится тебя принять в свою чреду и отринет тебя и с твоею гордостью, да торгуеши ею во светских непросвещенных позорищах. Ежели брат твой находится в опасности, лети к нему на помощь и не страшись за него жизнь пожертвовать. Ежели он в нужде, излей на него твои сокровища и возрадуйся, что ты сделал дело столь усладительное. Ты клялся оказывать благотворение всем людям вообще, тем паче обязан ты предпочтением воздыхающему брату твоему. Ежели он грешит и заблуждает, иди к нему с братскими оружиями: чувством, разумом и убеждением; возвращай добродетели существа колеблющаяся и воздымай падшие».

В этом же отделе есть предписание о необходимости как можно скорее заканчивать братские распри и недоразумения в своем же братском кругу — этот параграф развит был впоследствии в подробно разработанную главу о масонском судопроизводстве, суде чести и пр. «Ежели сердце твое, — предписывает устав, — уязвленное истинными или воображаемыми обидами, начнет питать некую тайную на брата твоего злобу, то разгони тот же час воздымающееся облако, избери себе на помощь кого-нибудь беспристрастного судьёю, требуй братского его посредничества, но не входи никогда в храмы, не укротя чувства злобы и мщения. Ты вотще будешь призывать имя Бесконечного, да благоволил бы Он обитать в храмах (то есть ложах) наших, ежели оные не очищены добродетелями братии и не освящены согласиём».

В отношении Ордена требовалась полная покорность: «Воля твоя покорена воле законов и высших» (то есть начальников). «Паче всего есть один закон, коего наблюдение ты обещал пред лицом небес, то есть закон ненарушимой тайны в рассуждении

наших обрядов, церемоний, знаков и образа принятия. Страшись думать, что сия клятва менее священна даваемых тобою в гражданском обществе. Ты был свободен, когда оную произносил, но уже не свободен нарушить клятву, тебя связующую. Бесконечный, коего призывал ты во свидетели, утвердил оную. Бойся наказаний, соединенных с клятвопреступством. Ты не избежишь никогда казни твоего сердца и лишишься почтения и доверенности многочисленного общества, имеющего уже тогда право объявить тебя вероломным и бесчестным».

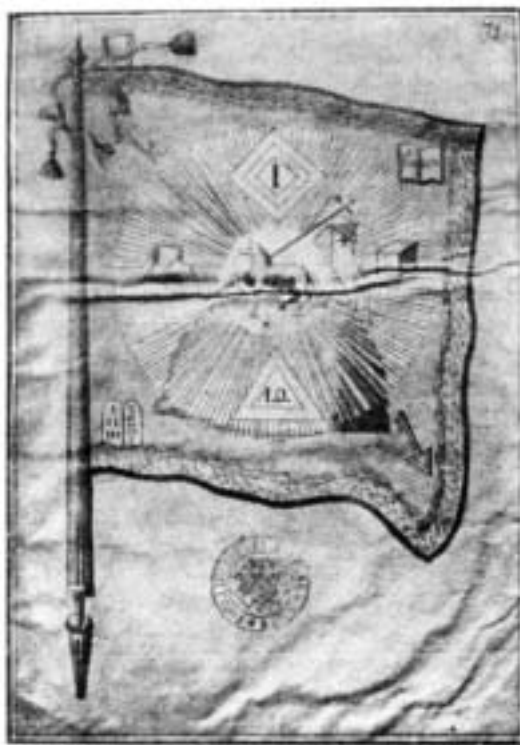
Масонские витии нередко черпали свои изречения из устава, некоторые параграфы которого выше приведены, нередко одну какую-нибудь статью устава они развивали в пространную речь, так как устав этот включает все правила, которые усердно распространялись масонами и в ложах путем назиданий, путем устной пропаганды и путем литературы, печатной и рукописной. Тексты двух первых параграфов ярко подтверждают веру масонов шведской системы в Бога и бессмертие души, последним параграфом не менее ярко подчеркивается полная подчиненность каждой отдельной личности власти высших, неведомых начальников Ордена.

В 1812 г. И.В. Бебер с чувством удовлетворения заверял, что кроме работавших в тиши мартинистов все ложи в России примкнули к союзу «Великой Директориальной ложи Владимира к Порядку», присоединились, приняв шведский обряд, обе петербургские французские ложи: «Соединенных Друзей» и «Палестины», и восстановленная ложа екатерининского времени — ложа «Изиды» в Ревеле. Ложа «Изиды» объединяла родовитое балтийское дворянство, помещиков окрестностей Ревеля и весь его чиновный высший мир; в ложе числились и местные пасторы. Отличительным знаком установлен был золотой равносторонний треугольник с греческою надписью «Изис» в середине, треугольник же был включен в круг, образованный золотой змеею, кусающей свой хвост.

Управляющий министерством полиции Е.К. Вязьмитинов относился к масонским собраниям хотя и с некоторой опаской, но в общем с достаточною любезностью, и 28 марта 1812 г., призвав к себе Управляющего ложей «Петра к Правде» Е.Е. Эллизена, выказывавшего большое рвение к своей должности, сказал ему: «Я вас призвал к себе, чтобы просить вас обще со мною содействовать к общему благу, Государь Император убедился по представ-

лениям моим, что ложы никак сомнительны быть не могут. Нельзя их актом аккредитовать, но мне Государь приказал вас удостоверить в своем благоволении»¹¹⁴. Такое благорасположение императора тотчас же заметно отразилось на деятельности лож: состав членов лож «Елизаветы к Добродетели» увеличился почти вдвое в течение 1812 г., невзирая на тяжкую годину великой войны.

Великая Директориальная ложа уже пользовалась известностью по всей России как признанная и негласно разрешенная к существованию. От 11 апреля 1812 г. поступила к ней просьба из Москвы о дозволении учредить ложу под названием «Паллада». Просители писали: «Здравие! Сила! Единение! Мы, нижеподписавшиеся братья, законным образом принятые, посвященные в царственное искусство и без исключения рожденные или в течение многих лет обосновавшиеся в Российской империи, будучи осведомлены о существовании законного общества на Востоке Санкт-Петербурга, желаем вступить в зависимость Великой Директориальной ложи и образовать ложу совершенную и справедливую, испрашиваем конституцию и дозволение открыть на Востоке Москвы ложу иоанновскую в трех степенях под отличительным названием “Паллады”. Обязуясь не признавать никакого иноземного влияния либо неизвестных начальников, желая насладиться терпимостью Правительства, испрашиваем посредничества Великой Директориальной ложи».

Масонское знамя
(Елагинск. собр. в Госуд. архиве)

Все фамилии подписавшихся учредителей — иностранные, чем и объясняется их утверждение о праве русского гражданства в начале прошения. Всего семь учредителей, из них первый — полковник, георгиевский кавалер фон Биппен, затем два пастора: один лютеранской церкви — Карл Кле, другой — Берфорд, англиканской церкви, остальные: преподаватель, литератор, банкир и два купца.

Из-за войны с Францией ложа не была учреждена, и впоследствии ложи под названием Паллады не существовало в России.

16 мая учреждена была ложа в далекой Феодосии под названием «Иордан» на французском и русском языках, по французским актам. Она соединила представителей французской колонии, местных русских деятелей и артистов. Отличительным знаком ложи был принят золотой равносторонний прорезной треугольник, в середине которого — серебряная вершина горы с водруженным на нее золотым крестом.

В феодосийской ложе особенно полезной деятельностью выделился Мастер ее Иван Иванович Грапперон как искусный, неутомимый медик и просвещенный любитель старины. Из французских дворян, сам масон, он был приглашен масоном князем Александром Борисовичем Куракиным, бывшим русским послом в Париже, приехать в Россию. Когда эпидемия восточной чумы 1812 г. свирепствовала в Крыму, он был по собственному желанию переведен туда и принимал непосредственное участие в борьбе со страшной болезнью, особенно жестокой в Феодосии¹¹⁵.

«Вселенная есть отечество каменщика», — гласят масонские установления, «каменщик — гражданин мира». Но, проповедуя любовь ко всему человечеству, русские масоны 1812 г. не отрицали любви к отечеству, и в речах повторяется не раз восклицание: «Звание гражданина мира не избавляет нас от любви к отечеству».

«Вселенной тишина, мир и спокойствие — цель ордена», — излагалось в масонских уставах, но, сознавая, что желанный золотой век всесветного мира может грезиться лишь в туманной отдаленности, масоны не отрицали необходимость войны в таких случаях, когда она являлась единственным средством к восстановлению мира, а Наполеоновские войны, и в особенности 1812 г., были такими исключительными случаями.

«Прощай личным врагам своим, но ненавидь зло и преследуй его всюду», — говорили масоны витии; зло, по мнению ма-

1. Темнота

2. Страсть

3. Ненависть

4. Смерть

5. Завет Христов

6. Откровение Божие

7. Вера и неверие

8. Сердце рождающегося

9. «Апология»

сонов, смотря по обстоятельствам времени, принимает различные образы: «одевалось в докторские скуфьи, в рясы, в красные шапки, в каменщические запоны, в броню завоевателей и всюду изливало один и тот же яд властолюбия и насилия. Насилие же — смертельный враг свободы и братства».

Таким-то злом, одетым в броню завоевателя, русские масоны 1812 г. почитали Наполеона и борьбу против него, как нарушителя мира, как воплотившего насилие, почитали долгом. «Адская Наполеонова политика» обсуждалась на тайных собраниях у И.А. Поздеева. М.И. Невзоров неустанно восклицал, что долг каждого сына отечества — жизнь свою отдать за благо его. В то же время славословился император Александр — «Царь Россов, кроткий ангел мира».

Вот почему среди героев Отечественной войны мы видим целый ряд известных русских Вольных Каменщиков, из которых первым следует назвать князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова.

В оде 1812 г., озаглавленной «Война», воспевается доблесть героев:

«Но вы, спасители и други,
Отеческих, любезных стран,
Чрез доблестны свои заслуги
Купивши благо сограждан!
Вы, Кодры древни, Аристиды,
Пожарски, новы Леониды!..
Вас роды поздние вспомнят!»

Хвала доблести перемешана с сетованиями на вражду народов. «Великий духом человек, рожденный в горном жить эфире, враждует с братьями свой век». «Доколе, небо, внемлешь стоны?» «Любовь, где нежный твой союз?» «Доколе будет во вселенной труба военная звучать?» Но как смирить злую, вооруженную силу, как не с мечом в руке, и поэт восклицает: «Ах! Должно гордость воруженну и силу силой отразить, достойно хитрую гиену мечом кровавым поразить! За честь, отечество и веру, героев древних по примеру, похвально в брани умереть!»¹¹⁶ Любовь к отечеству масоны не только не отрицали, но, наоборот, чтили высоко всех исторических мужей, явивших себя достойными сынами родины. «Если сердце твое не трепещет, если ты не вне

себя от радости при произнесении имени Курций, Тель, Пожарский, Минин, — то недостойн ты рыцарствовать за союз наш»¹¹⁷, — поучал М.И. Невзоров и в издаваемом им журнале «Друг юношества» помещал целый ряд статей, посвященных уяснению, в чем заключаются истинная любовь к отечеству, истинный патриотизм. Этот забытый масон-националист отстаивал право самобытности каждого народа и не в том усматривал благополучие россиян, чтобы быть непременно похожими на какой-либо из народов Западной Европы. Своеобразна небольшая заметка под названием «Первоначальный урок юному россиянину об отечестве»: «Чем обязаны мы своему отечеству?» — «Все. Мы родимся на его земле, дышим его воздухом, возрастаем под защитою его законов, а потому самому должны любить его более всего и защищать от нашествия иноплеменных до последней капли крови». «А для чего это?» — «Для того, что, допустив покорить свое отечество, мы соделаемся рабами победителей, которые, разрушив наши законы, истребив обычаи и поколебав самую веру, лишат нас всех прав доставлять себе какие-либо выгоды; тогда будем мы жить не для себя, а для них; действуя и даже мысля не так, как сами пожелаем, но как они нам прикажут, словом, потеряв свободу и с нею счастье, принуждены будем лобызать рабские цепи в безмолвии. Враги поругаются над унижением попранных ими. Покоренное отечество истребляется из числа держав земных». — «Есть ли случаи, в которых дозволительно отлучаться из своего отечества?» — «На время отлучаться можно, но с тем, чтобы опять возвратиться. Мы видим, как сама природа научает отлетных птиц находить истинное свое отечество».

Любопытно, что лишь два случая указываются, когда дозволено отлучаться в чужие страны: во время войны и для торговли. «Верные сыны отечества, — гласит поучение, — отражая врагов, увлекаются иногда необходимостью далеко от своих пределов; но увенчанные лаврами, немедленно с победою возвращаются в свое отечество к отраде и славе своих сограждан»¹¹⁸.

В особой пространной оде под заглавием «На прошедший, 1812 год» Наполеон называется драконом с крылами гиены. «Не Бог он, — червь пред Всемогушим, — восклицает сочинитель оды, — он прах, ничто пред Всюдусущим». Император

«Истинная любовь горит, не уступая дождям и водам»
(собр. Бурцева)

Александр I воспевается как освободитель народов. «Царей разрушились оковы, народов рабский страх исчез», — тем более хвала и победителю, русскому императору и всему русскому народу, что враг был очень силен, очень опасен. «Кто всех судьбу держал рукою, превыше всех был вознесен, тот сильною славян пятою попрап, растоптан, онемен».

Особым почетом окружали масоны имя светлейшего князя Михаила Илларионовича Кутузова, победителя Наполеона. Песнь¹¹⁹, написанная на смерть славного

полководца, воспевает не только знаменитого героя, увенчанного лаврами побед над «гордою луной кровавой», над «полчищами Наполеона, собранными с полсвета», но и мудрого, осмотрительного полководца, который «славу вечную стяжал», хотя «не реки крови им пролиты». Кутузова именуют колоссом, подпорою России. Обращаясь к унылому Россу, стихотворец восклицает: «Лишился твердой ты подпоры, пал знаменитый твой колосс». «Но кто, о Россы, кто забудет велики подвиги его? Нет, Росс вовеки помнить будет вождя, героя своего». Не забыл сочинитель хвалебной Песни отметить смирение князя Кутузова-Смоленского, который, «победой не гордясь счастливой, Творцу моленье воссылал».

Первое посвящение кн. М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского и таинства вольнокаменщического Ордена свершилось в Регенсбурге, в ложе «К Трем Ключам». Кн. Кутузов, по словам масонов, пришел искать в ложе Ордена силы для борьбы со страстями и ключи от тайн бытия.

С течением времени он был принят в ложах Франкфурта, Берлина, Петербурга, Москвы и проник в тайны высоких степеней. При посвящении в 7-ю степень шведского масонства он получил орденское имя «Зеленеющий лавр» и девиз «Победами себя

прославить». И орденское прозвище, и девиз оказались пророческими.

Посмертная оценка жизнедеятельности князя Кутузова была произнесена великими витиями-масонами в великолепной траурной ложе, свершенной в июле 1813 г. Торжество печального обряда поминовения масоны совершили в залах петербургского музыкального общества под председательством Гроссмейстера И.В. Бебера и в присутствии

М.И. Кутузов

многих сотен братьев. По принятому в масонском братстве обычаю выступавшие витии разбирали жизнь отошедшего в вечность как христианина, гражданина и Вольного Каменщика. Витии утверждали, что князь Михаил Илларионович, великий полководец, поседевший под лаврами, в войне видел лишь крайнее средство для достижения мира. Когда же боевая перчатка бывала брошена, он не страшился поднять ее, чтобы войною добиться желанного мира. Однако всегда он пытался предотвратить войну. Жизнь соратников своих никогда не подвергал он ненужной дерзостью игре случая, никогда не позволял пятнать славу войск своих грабежом и пролитием неповинной крови мирных граждан. Побудительной причиной всех деяний Ку-

Меч масонский

тузова масоны-витии почитали жажду бессмертия: он жаждал вечной жизни в благодарной памяти потомства.

В масонском Ордене Кутузов занимал высокое место у кормила Ордена и постоянно был опорой вольнокаменщического братства. Не подлежит сомнению, что сила сплоченного масонского братства в свой черед способствовала назначению кн. Кутузова предводителем наших вооруженных сил в борьбе с великим предводителем великой армии.

В упомянутой песне на смерть кн. Кутузова высказано мнение масонов о избрании его предводителем волею Всевышнего. В великом бедствии Отечественной войны многие масоны усматривали заслуженную кару, ниспосланную небесами в возмездие за грехи россиян. «О, Росс, найдешь ли в том сомненье, что здесь сам Бог тебя карал? Он зрел разврат и на паденье спокойным оком здесь взирал». Кутузов был намечен орудием спасения волею Всесильного, от Коего всецело зависело и иным образом изгнать врага России. «Он мог тогда ж врагов заставить бежать назад своим путем, но в гневе удержал поставить в сей раз Кутузова вождем».

III

Il sait partager la souffrance
De l'être faible, abandonné,
Il est l'appui de l'indigence
Et l'ami de l'infortuné.
Humanité, devoir, patrie
Sont gravés sur son bouclier.

*Из масонской песни
ложы «Соединенных Друзей»*

Из книги Арндта
«Об истинном
христианстве»

Масонские заветы не забывались во время сражений: выходя в бой, масоны нередко даже одевали на грудь под мундир масонские знаки, символы этих заветов. Так, Петр Петрович Колечицкий, поручик Лейб-Гвардейского Литовского¹²⁰ полка, полковой адъютант, в

сражении под Бородино случайно был спасен от смерти масонским знаком, который носил на груди¹²¹. В глубокой уже старости Колечицкий все еще помнил и рассказывал, что он «получил пулю прямо в сердце, но она попала в надетый им отдельно от креста и благословенных образков на шее масонский знак (золотой циркуль, наложенный на прямоугольник). Пуля, пробив мундир, засела в четырехугольную пустоту знака и произвела на коже только незначительный синяк выше левого соска, выше сердца». Знак, представлявший соединение циркуля с наугольником, являлся символом третьей степени иоанновского масонства, степени мастера, и посвященный клятвою обязывался без «содрогания и жалости жизнь свою отдать за распространение идей человечности и законности». Знак поэтому служил для носящего его напоминанием о тех мучениках, которые пролили кровь свою в защиту поправленных прав человечества. В то же время, глядя на знак или чувствуя близ сердца холод его золота, масон невольно вспоминал слова «старейших каменщиков», повторяемые неизменно при вручении знака: «Размеряй действия твои циркулем разума, располагай поступки свои по углу совести». Циркуль, кроме того, напоминал о всеведении Великого Зиждителя Вселенной, единого сердцеведа; наугольник — об обязанности каждого Вольного Каменщика обуздывать свою злую волю во всех ее проявлениях.

В списках офицеров Лейб-Гвардейского Литовского полка, удостоенных награждением за Бородинское сражение, значится и Колечицкий I, получивший орден Св. Анны 2-й степени с алмазами — относительно высокую награду для молодого офицера. При представлении именного списка генерал-лейтенанту Лаврову для исходатайствования Высочайшего награждения о Колечицком было сказано, что он, «посылаем неоднократно с поручениями под самые сильные картечные выстрелы, не только оные выполнял, но даже сам собирал рассыпанных стрелков, с оными действовал и был до конца сражения»¹²². Итак, Колечицкий не жалел своей жизни в бою с «утеснителем человечества», как называли Наполеона; он твердо помнил великие слова «долг», «отчизна», слова, начертанные как на щите, по словам масонов-витий, в сердцах истинных Вольных Каменщиков. Но не только «любовь к родине и долг» были начертаны в серд-

цах каменщиков, там было еще великое слово «человечность». М. Муромцев, адъютант генерал-лейтенанта Лаврова, рассказывая о своем вступлении в масонскую ложу во Франкфурте, где стоянка была продолжительною, замечает: «Тогда это было в большой моде, иногда приносившей пользу; бывали случаи, что во время сражений призывный знак помощи спасал от смерти». Эти воспоминания Муромцева находят подтверждение в печатном французском обряднике 1820 г., где при описании знака призыва отмечено, что во время Наполеоновских войн многие воины избежали верной смерти исключительно благодаря масонскому знаку призыва. Ярким примером достоверности таковых утверждений служит рассказ известного впоследствии декабриста, жизнь которому была спасена именно потому, что враги узнали в нем собрата по Ордену.

В 1814 г. в сражении при Монмирале в холодном, сыром январе месяце, вспоминает Г.С. Батенков, я, потерпевший многие раны и оставленный с трупами на поле сражения, был неприятельскими солдатами раздет до рубашки; вслед за ними явились верхом два офицера французской гвардии и обратили на меня внимание; прикинув к лицу, удостоверились, что я жив; тотчас покрыли плащом убитого солдата и на своих руках донесли до шоссе, через расстояние не менее полуверсты, там сдали на фуры, собиравшие раненых, и строго приказали отвезти в госпиталь ближайшего города и передать особенному попечению медика; впоследствии я узнал, что обязан спасением положению своей руки, которою покрывал одну из главных ран, случайно в виде масонского знака. «Горестно, — восклицает Батенков, — что я не знаю имен своих благодетелей».

Особые молитвы имелись на случаи войны, — одна для произведения вообще во время походов, другая после одержания победы над врагом. Молитвы своеобразны и являются переводом сочинений известного мистика-писателя Л. Эккартсгаузена. Среди кровавых ужасов, ожесточенных боев каким-то беспочвенным мечтанием кажутся эти масонские молитвы, и, однако, они сохранились во множестве списков, что доказывает их распространенность. «Возношусь сердцем к Тебе, Господи, Отче всех людей мира, даруй нам, молю Тебя, дух снисхождения и прощения. Просвети сердца смертных чад Твоих сознанием,

что Бог любви, Отец их Небесный, не есть Бог гнева и убийств. Воспламени сердца людей всемирною любовью и уничтожь в душах их силу страстей и безумную жажду побед. Верни покой и мир угнетенным и разоренным; просвети дух народов и правителей, чтобы в будущем решали права их справедливость, милосердие и осмотрительность, а не кровавое насилие и убийства». Такова была молитва во время войны. Молитва после одержанных побед гласила:

«Боже, мы одержали победу над врагами нашими; всюду радость и песни ликования. Я же, Боже Великий, повергаюсь во прах перед Тобою, чтобы исповедать святые заповеди Твои и молить Тебя — да растопишь хлад сердец человеческих чувствами более нежными, чтобы впредь не мечом разрешали они распри свои.

О Боже любви — во веки очам Твоим не угодно убиение людьми себе подобных.

Деяния любви и милосердия угодны Тебе, а не разрушения и насилия. Тебе, повелевшему нам возлюбить врагов наших, может ли угодным быть ликование наше, торжество над несчастьем их. Молим Тебя, Господи, просвети сердца их, чтобы, умудренные неудачами своими, сознали они роковые следствия страстей своих и прониклись чувствами миролюбивыми. Пронзи сердце победителя и побежденного лучом любви Твоей, чтобы познали они себя чадами единого Отца, сотворенными по одному подобию Твоему, коим даровал Ты прекрасное жилище земли для наслаждения радостями жизни, а не для обращения ее в лицедейство убийств, в коем брат удушает брата. Боже мой, умягчи сердца монархов! Когда же обстоятельства или нужда принудят их к защищению прав своих мечом, да пощадят они кровь людскую, елико во власти их! Да памятуют всечасно, Господи, что герой, властный уничтожить миллионы тварей, не в силах жизнь вернуть ничтожнейшему червю. Ниспошли на землю ангела мира, запечатлей счастье смертных духом примирения и любви!»

В масонской песне, которую пели еще при собраниях походных лож в турецкую войну в царствование императрицы Екатерины II, повторялся припев: «Нам кровава честь не лестна, мы по нужде таковы, неповинно обагрены кровию подобных нам»¹²³.

Военно-походные ложи существовали в России в XVIII в., были они и в Отечественную войну. В начале похода 1812 г. ложа «Соединенных Друзей» образовала при Лейб-Гвардейском Конном полку ложу Военной Верности, позднее названную «Александра к Военной Верности»; ложа эта, следуя за полком, совершила с ним весь поход, и в нее за это время было посвящено много новых членов — офицеров.

Запон
(из собр. Д.Г. Бурьлина)

Военные ложи не были явлением случайным, они предусматривались масонскими установлениями не только в России, но и в западноевропейских государствах. При войсках Наполеона также существовали ложи. Военно-походная ложа не могла учредиться самостоятельно, самопроизвольно, но должна была

выделиться из «совершенной и справедливой ложи», уже ранее работавшей. С этой ложей-учредительницей военная ложа продолжала быть настолько соединенной «крепко, неразрывными узами, что она не иначе могла почитать себя как ее частью», и по прекращении военных действий снова сливалась с ней. Ложи, которые были вправе основывать военно-походные ложи, должны были всегда избирать двойной состав должностных лиц, «дабы в случае неожиданного выступления не могло служить препятствием искание подходящих лиц для полевой ложи, а поспешность выборов не послужила бы во вред интересам военной ложи», для которой особенно важно было иметь состав правления, стоящий на высоте положения.

Ответственность должностных лиц военных лож была особенно велика — они должны были не только поддерживать бодрый дух и нравственные силы своих членов, не только обратиться к ложу «в стан отдохновения», но и заботиться о помощи раненым братьям «всеми доступными средствами, духовными и материальными»; если в раненом враге будет признан член вольнокаменщического братства, то и ему должно было оказывать пособие. «Помощь оказывать» хотя и предписывалось «всем в пособии нуждающимся, однако брату, вольному каменщику, преимущественнее перед непосвященными». Кроме того, должно было стараться о распространении идей ордена «во времена тягчайшие, военные». Хотя военные ложи «по предназначению своему не должны были», по разъяснению масонов, «принимать никого, кроме военных, однако если какой-либо из полевых лож пришлось бы работать в таком месте, где не имеется вовсе масонских лож, ей разрешалось принимать невоенных в двух случаях: «Для облегчения возможности учреждения обыкновенной ложи или в вознаграждение за гражданские добродетели». В отношении устройства ложи, в так называемой «конституции», существовали двойные правила, при соблюдении которых она почиталась законною, «справедливою и совершенною».

Первое правило: «Ложа сестра-учредительница снабжала установленным разрешением назначенного ею Управляющего мастера для открытия полевой ложи. Разрешение это почиталось

действующим на все время похода, причем за ложею-учредительницею сохранялось право закрытия полевой ложи в случае несоблюдения ею общих для всего ордена законов или же особых уставов и предначертаний, ей для последования выданных». Второе правило: «Разрешение работ получается от Великой, главноуправляющей ложи союза, причем новоучрежденная военная ложа заносится в список союзных лож и ни от кого, кроме главной ложи, в зависимости не состоит и закрытою быть может единым Великой ложи постановлением или собственно своею волею».

Миновал тяжкий, разоренный год Отечественной войны, и вновь масоны занялись учреждением лож.

21 октября 1813 г. возобновлена была ложа XVIII в. «Нептуна» под названием «Нептуна к Надежде», она открыла свои работы в трех символических степенях по староанглийскому ритуалу на Востоке Кронштадта. Дозволение открыть ложу было испрошено отдельным прошением и получено.

В ложе «Нептуна» объединились разнородные элементы из жительствовавших в Кронштадте иностранцев, вошли в ложу и русские офицеры и гражданские чины; прежний облик морской ложи, столь яркий в екатерининское время, ложа «Нептуна» утратила.

Новых русских лож в 1813 г. не открылось, но подъем в современном обществе национального чувства, желание освободиться от влияния всего французского сказывалось в 1813 г., и отголосок его находим в масонских ложах. В ложе «Палестины», до того времени работавшей исключительно по-французски, открылись работы и на русском языке. Инсталляция ложи произошла 12-го месяца в 23-й день в присутствии Великого мастера графа Михаила Юрьевича Виельгорского и Наместного мастера Сергея Степановича Ланского, которые открыли ложу в 7 часов вечера со всеми обрядами царственного ордена на русском языке. Из произнесенных речей большим подъемом отличается речь С.С. Ланского. «Кто из братьев свободных каменщиков мог бы не возрадоваться, что в престольном граде дражайшего нашего отечества еще в одной из соединенных лож открываются работы на любезном нам отечественном языке? Что

есть два дня в месяце, в которые хороший и всякого почтения достойный брат, не знающий иностранного языка, может придти в храм наш, принести жертву свою на алтарь святого человечества! Какая радость, особенно для братьев, принадлежащих к ложе Палестины, с начала установления своею украшавшейся кротостию и смирением, и члены коей всегда отличались между собою искренним согласием и братолюбием, счастливое знамение, под которым работы сии приемлют свое начало, обещают нам благословенный успех»... «Единомыслие нас соединило, — восклицал Ланской в конце своей речи, согласие да подкрепит наше единение».

Желание выдвинуть русских масонов в союзе «Великой Директориальной ложи Владимира к Порядку» было отмечено даже в донесении полиции за 1813 г.: «Влияние сенатора П.И. Голенищева-Кутузова, который совершенно управляет стариком Бебером, произвело даже смуту и ропот в среде многочисленных масонов, потому что он желал присвоить русским масонам над ними первенство».

Петербургские ложи продолжали свои работы в 1812 г., и многие московские масоны временно вошли в число их членов; так, почетным членом в ложе «Елизаветы к Добродетели» числился П.И. Кутузов и выступал в ней с патриотическими речами во время заседаний.

Ложа «Изиды» в Ревеле составила в это же время, хотя и на немецком языке, сборник масонских песен, из которых многие отличались ярко выраженной беспредельной любовью к отечеству и прославлением военной доблести и героев, павших смертью храбрых в борьбе за свободу родины.

В Москве прекращенные по необходимости работы тайных лож возобновились с возвращением масонов к покинутым своим пепелищам.

7 марта 1814 г. в ложе П.И. Голенищева-Кутузова состоялось первое собрание. Были вознесены молитвы благодарности за спасение отечества и произнесены речи. Однако вернувшихся братьев оказалось еще мало. Второе собрание, «когда уже большее число братьев возвратилось», состоялось 9 апреля, и П.И. Кутузов открыл ложу знаменательными словами, свидетельство-

вавшими о крепости масонских связей, не расторгнутых великим народным бедствием: «После распри, после рассеяния для всех нас, конечно, прискорбных, после горестей и крестов, претерпленных каждым из нас, одним более, другим менее, по неисповедимому промыслу, но бесконечному милосердию Великого Строителя, мы паки собрались в малый братский наш кружок и, что всего утешительнее, с тою же любовью, с тою же дружбою, каковыми прежде согревались, с тем же стремлением к истине, с тем же благоговением к нашей священной связи, с тою же ревностью к работам нашим!..»

Тира Соколовская

Масонская грамота
(собр. Д.Г. Бурьлина)

Михаил Иванович Невзоров

«Habent sua fata libelli»... В число книг, имеющих странную судьбу, нужно включить небольшую, менее чем в пол-листа, анонимную брошюру «Грех не безделица». Она появилась «первым тиснением» в начале XIX в., а в 1912 г. потребовала двадцатого издания. Содержание ее незамысловато: указывая на то, что грех нередко является предметом шутки, автор предлагает читателю «прилежно рассмотреть» следующие положения: 1) тот, кто шутит над грехом, смеется над гневом Божьим; 2) тот, кто шутит над грехом, шутит над страданиями человеческого рода; 3) шутить грехом — значит шутить над смертью, потому что едва грех вошел в мир, то сразу смерть последовала за грехом; 4) шутить над грехом — значит шутить в то время, когда надлежит плакать; 5) шутить над грехом — значит шутить над адскими муками, по-

тому что грех открыл эту ужасную пропасть; б) шутить над грехом — значит шутить над страданиями Иисуса Христа и т.д. И только эта небольшая брошюра сохранилась в *живой* памяти потомства, а остальные многочисленные сочинения того же автора известны только специалистам. Возможно даже, что самое имя автора этой брошюры осталось бы навсегда неведомым, если бы аноним в свое время не был раскрыт А.И. Тургеневым¹²⁴: автором оказался Максим Иванович Невзоров, тот Невзоров, которому Воейков посвятил в своем знаменитом «Доме сумасшедших» насмешливо-злые строки:

Я взглянул: Максим Невзоров
Углем пишет на стене:
«Если б так, как на Вольтера,
Был на мой журнал расход,
Пострадала б горько вера:
Я вредней, чем Дидерот.
Слог мой сладок, как микстура,
Мысли громки — без ума,
Толстая моя фигура
Так приятна, как чума!
Я в творениях священных
И в больших пяти частях
Книжек, мною сочиненных,
Доказал, что я — дурак!»

Очень невысокого мнения о Невзорове был и князь П.А. Вяземский, который во время Отечественной войны, беспокоясь за участь Батюшкова, писал: «Я одним дуракам велел бы ходить на войну: им терять нечего. Например, Невзоров убитый что потерял бы, кроме брюха и гузна»¹²⁵.

Между тем и личность Невзорова, и его жизнь, и деятельность представляют значительный интерес для изучающих историю русского масонства: Невзоров является одним из типичных его представителей, соединяя в себе и некоторый налет мистицизма, и неутолимую жажду общественного служения. Такое соединение, может быть, особенно характерно для русского масонства, быстрое развитие которого у нас, несомненно, объясняется пробудившимся общественным чувством и сознательным или полусознательным стремлением к общественной работе. Лучших людей эпохи масонство манило к себе не только тайнами

мистических переживаний, но и деятельной жизнью в духе христианства. Вот почему, по «Нравоучительному катехизису истинных ф-к м-в» Лопухина, главная цель масонства отождествлялась с целью «истинного христианства», главный долг масона был в любви к Богу и в самоотверженной любви к ближнему, а свою работу масон должен был совершать «посреди сего мира».

И.В. Лопухин
(собр. С.П. Виноградова)

Наиболее ярким выразителем этого

общественного течения в масонстве был, конечно, Новиков, но было и много других, более скромных, менее заметных, не столь даровитых, не так широко захватывавших своей деятельностью общественную жизнь. К числу последних нужно отнести и Невзорова.

Родился Невзоров в 1762 или 1763 г.¹²⁶ Он происходил из духовного звания, первоначальное образование получил в Рязанской семинарии, а затем по рекомендации епархиального начальства за отличие был отправлен для продолжения образования к Новикову, который уже в конце 1779 г. хлопотал перед архиереями о присылке из семинарии студентов для университета за счет зарождавшегося Дружеского ученого общества¹²⁷. Невзоров, в сущности, был первым его стипендиатом.

В университете Невзоров слушал лекции по юридическому и медицинскому факультетам, причем окончил юридический с золотой медалью. По-видимому, Новиков привлек Невзорова, как и многих других представителей студенческой молодежи, к

переводческой деятельности. По крайней мере, уже в 1785 г. в переводе Невзорова появляется французская книга: «Истинные правила христианского воспитания детей».

В университетские годы Невзоров находился, главным образом, под влиянием Лопухина и той масонской атмосферы, которая к этому времени в значительной степени охватила Москву. В тоне восторженной благодарности писал впоследствии Невзоров об этих влияниях: «От незабвенного и одного Ивана Владимировича (то есть Лопухина) получил я все наружное свое состояние, так как от свободного каменщичество внутреннее, где также всегда главным и для меня, можно сказать, единственным орудием был тот же Иван Владимирович»¹²⁸. «Мое исповедание об ордене свободного каменщичество, в котором мне по воле Бога милосердного посчастливилось учиться, есть таковое, что я его для себя собственно почитаю истинною женою, облеченною в солнце, о коей упоминается в 22 главе Апокалипсиса, и породившею во мне чадо истины... Более же всего к таковому рождению во мне истины служил поводом бывший мой Великий мастер в ложе Блистающей Звезды, неподражаемый мой благодетель во всем И. В. Лопухин, который истинно один из не последних, и, можно сказать, из первых драгоценных камней, украшающих корону вышеозначенной жены... Орден свободных каменщиков, в котором я был членом, для меня был лучшим училищем христианским, и я по милости Бога не хотел иначе понимать его»¹²⁹.

В 1788 г. Невзоров вместе со своим товарищем Колокольниковым отправились за счет Лопухина за границу заканчивать медицинское образование «для получения градуса», так как Московский университет не имел еще привилегии «делать докторами». Обязательств с них Лопухин никаких не взял, и молодые люди только обещали, что деньги его попусту тратить не будут, а будут жить честно и добропорядочно¹³⁰. «Наняли мы, — рассказывает Колокольников, — едущих в Лейпциг на ярмарку за товарами русских извозчиков до самого Лейпцига за 45 дукаатов и отправились в Лейден через Лейпциг учиться единственно медицине и взять градус докторский, из Лейпцига до Лейдена ехали по почте... По проживании двух лет в Лейдене и по окончании курсов медицинских экзаменованы были в собрании докторов и профессоров в медицине и удостоены были докторских

чинов. После сего хотелось было нам для обучения повивальному искусству отправиться в Париж... но, по неустройствам и беспорядкам нынешним в Париже, мы не осмелились туда пуститься»¹³¹. Лопухин тоже не советовал им туда ездить, считая полезным «избежать тамошнего житья в рассуждении царствующей там ныне мятежности»¹³². Впрочем, молодые люди и сами не склонны были увлекаться революционными идеями, и Лопухин с заметным чувством нравственного удовлетворения писал А.М. Кутузову, что они, независимо от его советов, «сами собою мерзя оным мятежничеством, удаляются подверженных тому мест». В этом Лопухин видел «dementi пакостным язычникам»¹³³, которые, очевидно, пользовались всяким удобным случаем, чтобы распространять злые слухи о деятельности масонов.

Вместо Парижа молодые люди собрались ехать в Швейцарию, но одно обстоятельство заставило их направиться в Геттинген: от случайно встретившихся им студентов они узнали, что в Швейцарии «повивальной коллегии особенной совсем нет и притом содержание чрезвычайно дорого». Из Геттингена Колокольников скоро снова уехал в Лейден, а Невзоров остался слушать лекции по натуральной истории у профессора Блюменбаха.

Вскоре после этого Невзоров, видимо, тяжело заболел: до Колокольникова дошли слухи, что он «ипохондричает в высочайшей степени». Вот как описывает Колокольников болезнь своего друга: «Живущие в квартире сказывали, что он влюблен был в девушку, в доме том живущую, потратил на нее много денег, а склонить не мог, и так, потратив деньги и не довольно успев в натуральной истории, впал в сию болезнь... По приезде моем в Геттинген я нашел его выздоравливающим, однакоже ни со мною, ни с приходящими не говорил он почти ни слова, выходил только прогуливаться за город в сад хозяйки, у которой жили; через месяц, как жары летние усилились, то он опять впал в прежнюю болезнь, ночь и день бегал по комнате скорейшим образом и, потерявши уже все силы, падал на короткое время на постелю. Дней через шесть, в которые он ничего не ел и не пил¹³⁴, насилу мог я его склонить, чтобы кусок хлеба съел, в противном случае едва ли бы мог жив остаться, мало-помалу потом собрался с силами»¹³⁵.

Сохранился и собственный любопытный рассказ Невзорова об этой болезни¹³⁶, из которого видно, что он связывал с нею свое

духовное перерождение после временных заблуждений «на беспутном бегу светской его жизни». По его словам, исцелению способствовала знаменитая в свое время книга «Таинство креста», которая была у него на французском языке и из которой он перевел тогда же несколько глав. С этой книгой он даже спал¹³⁷.

В феврале 1792 г. Невзоров с Колокольниковым отправились в Россию и на пути остановились в Риге. Между тем, уже с июля 1790 г. письма масонов тщательно перлюстрировались, и потому за перепиской Колокольникова и Невзорова было установлено наблюдение¹³⁸. К тому же кто-то пустил слух, что они были «из русских в числе депутатов во французском национальном собрании с поздравлением французов с революционными их предприятиями»¹³⁹. 22 апреля 1792 г. Новиков был арестован, следствие о масонах было в полном разгаре, и так как Невзоров и Колокольников подозревались в посредничестве между русскими масонами и иностранными революционерами, то их задержали, привезли в Петербург и посадили в Петропавловскую крепость. Здесь им учинили строгий допрос. Невзорову было предложено 14 вопросных пунктов, показывающих, какие стороны общественной деятельности масонов вызывали особенные подозрения правительственной власти:

1) Изъяснить вам обстоятельно, какая это компания, которая набирала студентов, так как и вас, и на чьем именно вы и другие были содержания, и сколько таких студентов при вас было?

2) Где тот дом, в котором компания дозволяла вам и другим студентам жить и давала вам и другим стол, и как вы полагаете, чего бы стоило сие содержание и из какого кошта?

3) Чему вы в том доме учились, и какими и другие вам подобные обязаны должностями, и какие с вас и других браны обязательства, письменные или словесные, и кем, как и когда?

4) Новиков и Лопухин в компании и доме в каких должностях и кем они поставлены в оные?

5) Кто вас и других приводил к присяге, в чем она состояла, где и как сие происходило и в чем вы именно обещались?

6) До сведения дошло, что мартинисты носят голубые кафтаны, золотой камзол и черное исподнее платье, то объяснить, какие из сего платья выводят они свои положения?

7) Объяснить вам, сами ль вы просились, или кто вас уговаривал ехать в чужие края, так как и о том, какие вы дали обязательства и кому, что вам там делать, так же и по возвращении, какие вам делали лестные обещания и в чем оные состояли?

8) Какие книги велел Лопухин покупать в чужих краях и вывозить сюда?

9) Видели ль вы у товарища Колокольниково бумагу, начерченную гиероглифами, и что она значит?

10) Известно здесь, что масонства считают 16 степеней, так, как и то, что вы масон, то и открыть вам чистосердечно, какой вы степени, как оную называют, и куда вы хаживали в ложу в Москве, и кто и сколько ваших товарищей?

11) В присутствии Ивана Ивановича Шувалова, между прочим, говорили вы, что Лопухин писал к вам, будто вы были во Франции и в Народном собрании, то и показать вам, по самой истине, были ль вы в оном или не имели ль какого сообщения или сношения с членами народного собрания?

12) Также сказали вы, что откроете великую важность, то и скажите теперь чистосердечно и без всякой утайки, в чем она состоит и до кого касается!

13) Изьясните причину, почему вы называете в Невском монастыре митрополита, монахов и прочих иезуитами?

14) Сверх того, говорили вы, между прочим, что ваше ученое общество отвратило бунт в России, то и показать вам обстоятельно, каким образом сие происходило, кто имел намерение к бунту, где и когда, и каким образом оное общество тот бунт отвратило?

Почти те же вопросы были предложены Колокольникову, который на все их дал обстоятельный ответ. Но с Невзоровым дело обошлось сложнее: отвечать он не пожелал. Молчание Невзорова показалось Шешковскому подозрительным, и он, предполагая, что Невзоров утаивает что-то очень важное, прибег к угрозам. В «Записках» И.В. Лопухина передается следующий красочный разговор между арестантом-масоном и суровым следователем, подтверждаемый и официальными документами:

Шешковский. Знаешь ли, где ты? *Невзоров.* Не знаю. *Ш.* Как не знаешь? Ты в Тайной. *Н.* Я не знаю, что такое Тайная. Пожалуй, схвата, и в лес заведут, в какой-нибудь стан, да скажут, что

это Тайная, и допрашивать станут. *III.* Государыня приказала тебя бить четверным поленом, коли не будешь отвечать. *H.* Не верю, чтоб это приказала государыня, которая написала Наказ Комиссии о сочинении уложения. Когда Шешковский принес записку государыни с повелением отвечать, то и это не убедило Невзорова: «Я не знаю руки Ее Величества, — сказал он. — Может быть, вы заставили написать жену свою, да кажете мне ее руку вместо государыниной». Выведенный из себя Шешковский грозно закричал: «Да знаешь ли, кто я». Но и на это Невзоров спокойно заметил: «И того не знаю». Когда Шешковский назвал себя, Невзоров сказал: «Слышал я про Шешковского, а вы ли он, не знаю; да, впрочем, мне с Шешковским никакого и дела быть не может. Я принадлежу Университету и по его уставу должен отвечать не иначе, как при депутате университетском». Шешковскому ничего не оставалось делать, как отвезти Невзорова к Шувалову, но и это не помогло. Шувалов долго убеждал Невзорова подчиниться и дать ответ на поставленные вопросы; на это, по словам докладной записки государыне, «оной Невзоров сказал, я теперь ответствен буду, но тот же момент, без всякого вопроса говорил, я за товарищей своих ученого общества отвечаю головой, так как и за книгу, которую я в чужих краях переводил, что в ней противного греческой церкви ничего нет, отвечаю же головою; а она против папы и иезуитов, а в Невском монастыре все иезуиты, и меня душили магнезией, так как и в крепости все иезуиты и тут так же его мучат составами Калиостро, горячими материями. А как сказано ему было, что были в Невском иезуиты — это неправда, ибо архиерей в оном человек честный, набожный и ученый. На сие Невзоров сказал, там-де все точно иезуиты и меня в супах кормили ядом, и я уже хотел выскочить в окошко; караульные в Невском, наместник — одним словом, все иезуиты, а солдаты и сержант из корпуса — шпионы, и могу сказать, что есть и разбойники, которые имена себе переменили, а в крепости есть и из запорожцев. И хотя Невзоров Иваном Ивановичем и Шешковским довольно был уверяем, что солдаты люди добрые и верные и что против живота его, конечно, никого нет, да и быть невозможно, а он на то сказал: во Франции-де, где прежде бунт начался, как не в Бастилии, ведь и здесь был Пугачев, да есть-де еще какой-то подобный ему Ме-

тиолкин. После сего спрошен был Невзоров, для чего он в Невском не пошел на исповедь и не сообщился святых тайн, ибо товарищ его, Колокольников, сие все по долгу христианскому исполнил. Невзоров на сие, усмехнувшись, сказал: я не хотел, да и у кого там исповедываться, в Невском все мужики да белые попы, они всякий день играют комедии, а от товарища своего Колокольникова отрицаюсь, потому что он иезуит, я много покажу важности... После сего Иван Иванович, отдав оному Невзорову за подписанием руки его повеление, чтобы он отвечивал на все вопросы чистосердечно и письменно, Невзоров просил, не можно ли-де ему отвести другие покои, а в этом покое писать он не может, потому что под покоем, где он сидит, множество горячих материй, да, думаю, что тут много и мертвых. Оному же Невзорову сказано было, чтобы он употреблял порядочную пищу и взял бы присланное к нему белье, так и порядочную по милосердию всемилостивейшей Государыни одежду; на что он сказал, мне ничего не надобно, ибо всякое белье и платье намагнетизировано»¹⁴⁰.

Невзорова отвезли обратно в крепость, но так как характер его ответов свидетельствовал о несомненном надломе психики, то, по представлению И.И. Шувалова, его заключили в психиатрическое отделение Обуховской больницы, где он пробыл около шести лет.

После вступления на престол императора Павла I, как известно, отношение к масонам изменилось: Новиков и другие заключенные Шлиссельбургской крепости были освобождены; Лопухину, кн. Н. Трубецкому и И.П. Тургеневу разрешено было выехать из мест, которых они не могли в силу запрещения покидать, причем «отставной бригадир» Тургенев был даже всемилостивейше пожалован в действительные статские советники с повелением быть директором Московского университета, и т.д. Вспомнили и о Невзорове, вероятно, по ходатайству Лопухина. Если верить рассказам Невзорова, то нужно отметить, что император Павел посетил его в больнице пять раз и однажды с государыней и наследником. Однако выпустили его из больницы только спустя полгода после освобождения Новикова. 16 апреля 1798 г. был дан указ на имя генерал-прокурора кн. Куракина: «Содержащегося в здешнем доме сумасшедших студента Невзо-

Портрет работы Монье
(изд. в. кн. Ник. Мих.)

рова, в рассуждении выздоравливания его повелеваем отпустить в Москву к сенатору Лопухину с тем, чтобы он за него и за поведение его отвечал».

В доме Лопухина Невзоров прожил довольно долго: здесь он был в постоянном общении с Новиковым, кн. Н.В. Репниным, митрополитом Платоном, И.П. Тургеневым, М.Н. Муравьевым, Походяшиным и многими другими. Общение с этими выдающимися людьми не могло не оказать на Невзорова влияние и наложить несомненный отпе-

чаток на общий характер его литературной деятельности, которую он начал стихотворениями¹⁴¹ по обычаю того времени. Тщетно было бы искать в этих стихотворениях следов поэтического дарования: кроме шаблонной одописной риторики, не успевшей еще умереть после «Чужого толка», в них ничего нет.

В 1800 г. Невзоров сопровождал Лопухина в поездке по Казанской, Вятской и Оренбургской губерниям. Плодом этого путешествия явилась книга «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» (М., 1803). Любопытно, что А.И. Тургенев, учившийся в то время в Геттингене, писал своим родителям по поводу этого «Путешествия» следующее: «Прочитав сам с большим удовольствием путешествие, сообщил я его Шлецеру и с радостью услышал беспристрастное его о нем мнение; он даже несколько раз в статистической своей лекции упоминал о нем; и со временем сам Максим Иванович увидит не один раз имя свое

в моих тетрадях¹⁴². Например, когда Шлецер говорил о множестве лесов в России, сказал он, что часто служили они убежищем разбойникам, но что с тех пор как учреждены губернии, зло это прекратилось: *Eine treffliche Anmerkung eines einsichtsvollen Russischen Reisenden* — вот слова его¹⁴³. Конечно, Шлецер мог найти в книге Невзорова кое-какие материалы для своих лекций, но широкому кругу читателей она не была интересна: слишком много она заключала в себе сухого фактического материала по географии, истории и статистике и слишком мало в ней было художественного таланта. Во всяком случае, издание прекратилось, и вместо предполагавшихся пяти частей вышла только одна.

В январе 1801 г. Невзоров был пожалован в чин коллежского асессора и, по ходатайству Лопухина, назначен в канцелярию Московского университета с употреблением по ученой части. После этого он занимал различные должности: был членом училищного комитета при Московском университете, членом цензурного комитета, визитатором училищ, а с начала 1806 г. — директором университетской типографии до 19 февраля 1815 г., когда был уволен, по его словам, «самовластно и беззащитно». Вряд ли это увольнение было так беспричинно, как утверждает Невзоров: честность, бескорыстие, трогательная забота о низших служащих, самоотверженное исполнение долга¹⁴⁴ соединялись у него, к сожалению, с большой неуживчивостью характера и несдержанностью в обращении. Резкие и высокомерные столкновения с начальством становились все чаще и чаще, и разрыв сделался неизбежным. Правда, П. Бессонов в своей панегирической биографии Невзорова¹⁴⁵ старается доказать, что Невзоров был уволен из университета по проискам ректора Гейма, но это утверждение, несомненно, ошибочно¹⁴⁶.

В 1807 г. Невзоров под влиянием М.Н. Муравьева начал издавать журнал под названием «Друг юношества» с красноречивым эпиграфом: «*Sine Jove pes pedem move*»¹⁴⁷. Целью издания было «способствовать образованию сердец и умов и споспешествовать сколько можно к соблюдению телесных способностей». Все это Невзоров собирался осуществлять «в образе занимательных нравственных и физических рассуждений, жизнеописаний славных мужей, повестей, сказок, басен, разговоров и кратких

Ковальков
(собр. С.П. Виноградова)

С.С. Бобров
(Слов. Плюшара)

драматических представлений, с приложением, где можно, относительно замечаний». Статьи, относящиеся к физике и естествознанию, он предполагал распределять по временам года и обещал, что «зимою предметом рассуждений будут снег, воздушные зимние явления; весною цветы, реки» и т.д., чтобы «молодые читатели могли удобнее сличать рассуждения с Природою, глазам их представляющейся».

Заголовки некоторых статей журнала могут дать общее представление о его содержании. Вот, например, материал, помещенный в январском номере за 1807 г.: *Созерцание Бога в природе. Марк Аврелий. Пастух и философ. Разговор матери с дочерью о знаниях, нужных молодой особе. Физическое исследование снега, и польза его в рассуждении плодородия. Дружеское наставление не забывать, особливо во время зимы, бедных. От чего происходят названия месяцев. О преимуществе и стройности человеческого тела. Для девиц нечто о*

нарядах. Обязанности к Богу. Обязанности к государю и Отечеству. Обязанности к ближнему. В дальнейших номерах встречаются: Нравственные размышления при воззрении на поле, усеянное рожью. О вредной страсти к игре картежной. О том, что надобно особенно помогать бедным добродетельным людям. Рассуждение отца с дочерью о обязанностях религии. Письмо о воображении и вкусе. О незавидовании счастьем ближнего. О муравьях. О приятных дарованиях женщин. Об обязанностях матерей кормить детей своих. Нечто об отношении словесности к добродетели и т.п.

Издание журнала, видимо, шло плохо. Издателю, по его словам, приходилось даже слушать и насмешливые отзывы о журнале: 16-летний юноша, например, заметил, что «Друг юношества» «годится только для стариков», а такого же возраста девушка высказала предположение, что, вероятно, издатель «не молодых лет и несчастлив в любви».

В сущности, молодые критики были правы: в журнале помещались статьи для молодежи, неинтересные для взрослых и слишком отвлеченные для юношества, или статьи для взрослых, мало талантливые и совсем чуждые по своему содержанию молодым читателям. От каждой страницы журнала веяло скукой. К тому же в нем совершенно не было талантливых сотрудников: сначала в нем, правда, работали доктор Багрянский и Д.И. Дмитриевский, но они скоро ушли, и Невзоров оказался окруженным такими сотрудниками, как С. Бобров, Щеголев, кн. Шаликов, Попов, Наумов, Гольпяков, Ковальков и т.д. Конечно, подобные литературные силы не могли способствовать успеху журнала.

Кроме того, направление «Друга юношества» приходилось не по сердцу большинству образованных людей. Если могли встречать сочувствие нападки Невзорова на французские моды, на увлечение французским воспитанием, на дуэли, на корыстолюбие врачей, на матерей, отдающих детей кормилицам, и т.п., то были нападки и на такие предметы, которые являлись дорогими для лучших представителей общества. Таковы, например, были выпады Невзорова против науки и просвещения: «Посмотрите, — писал он, — в летопись мужей прославленных Искусствами и Науками. Увы! Мы увидим, что большую часть реестра их составляют безбожники, вольнодумцы и кощуны... Беспорядок, нарушение всех правил, обществами людей собравшихся вое-

дино принятых, неповиновение к Начальникам, упрямство, презрение ко всем ближним, нестерпимость для жен и всех членов семейств, гордость, надменность, и никакими правилами и никакою благопристойностию неограничиваемая прихотливость, и подобные свойства суть отличительные черты людей, славящихся изящными познаниями... Осьмнадцатое столетие начато Лудовиком Четырнадцатым, возведшим на верх славы во Франции изящные Науки и положившим основание всем неустройствам, беспорядкам и несчастьям нынешним Франции и Европы, а окончено Наполеоном Бонапарте; средину же его составляли: Вольтер, Даламберт, Гельвеций, Дидерот и подобные им изящные умы, которым мы память ныне все единогласно проклинаяем»¹⁴⁸.

Невзоров предполагал заменить в университете преподавание классической литературы чтением Библии, обвинял Гете и Шиллера в безнравственности¹⁴⁹, а в современном общественно-литературном и политическом движении Германии видел признаки разложения: «Германия!.. Реку тебе и всему бедотворною мудростию мира упоенному Вавилону, что ежели не престанут в вас толикие безумства и ослепления породять горестные плоды свои, то вся мнимо-великая громада Вавилона, как брошенный в море тяжелый жернов, погрязнет в нем и во всем пространстве владений его, лживые хитрости и изящества исчезнут, цветы поблекнут, свет погаснет и не будет слышно ни веселого пения, ни гласа жениха и невесты; взыщется кровь всех истинных учителей, учащих словом и делом, избивенных и избиваемых мнимо-мудрыми вашими философами-мудрецами»¹⁵⁰. Так как наше просвещение находилось в тесной связи с культурой Франции и Германии, то Невзоров предостерегал юношество от слепого перенимания того, «что водится, делается и славится в чужих краях», а советовал следовать «простодушным своим предкам», подражая им «особливо в том, что надлежит до Богопочитания», и быть по примеру их примерженными «к вере, закону и религии»¹⁵¹.

Театр и изящная литература тоже вызывали протест со стороны Невзорова: «Осьмнадцатый век, — писал он, — истинно век Трагедий и Комедий, век Романов и век Басен: не все ли молодые и старые всякого состояния и пола от утра до вечера в сем веке занимались Романами, Трагедиями, Комедиями, Баснями

...Союзная чета.
Ночная странница, покой и темнота

...Луна!
Для чувствительных ты образ
божества

(гравюры из «Плач или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» Эдуарда Юнга. Изд. 1799 г.)

и подобными выдумками, которыми все страны Европы наводнены были без всякой меры? И не сей ли век от начала почти до конца был позорищем бедствий, слез и рыданий?»¹⁵²

Но, вместе с тем, Невзоров не хотел, чтобы его считали врагом науки; он, по его собственному признанию, стремился исключительно к тому, чтобы наука была просветлена христианством: «Я люблю и почитаю Науки, — заявлял он, — потому что они способствуют нам много в здешней жизни; но я желаю, чтоб все имели за правило то положение, что Науки должны руководимы быть Христианским учением, без которого они более вреда, нежели пользы приносят»¹⁵³.

Все эти мысли Невзоров постоянно повторял на страницах «Друга юношества», и это сделало его журнал одиноким: при ма-

лом внимания со стороны общества он зародился и без всякого общественного сочувствия погиб. Но сам Невзоров был убежден, что приносит большую пользу своим изданием. В уведомлении на 1812 г. он заявлял, что по-прежнему будет стремиться «с чистым сердцем противостоять нечистотам вкуса, помрачающим наши умы и сердца», и «открывать вредные те изобретения, которые испорченная и истинно языческая наша Природа укоренила между нами».

Конечно, единомышленники у Невзорова были, иначе его журнал так долго не просуществовал бы: не раз, видимо, он получал со стороны сочувствующих его проповедям материальную поддержку, а после войны в его журнал направлялись пожертвования в пользу «разоренных от неприятеля». Однако круг таких доброжелателей был невелик, и в апреле 1815 г. Невзоров поневоле прекратил журнальную деятельность. Надо еще удивляться, как у него хватало энергии поддерживать издание, несмотря на явный неуспех. Очевидно, нравственной опорой являлось сознание необходимости бороться с «философией мира сего» во что бы то ни стало: «Отчего не так много на него подписываются? — наивно спрашивал он в январе 1809 г., рассуждая о судьбе «Друга юношества». — Оттого ли, что он не заслужил благоволения публики? Благодарение Богу, сколько мне удалось слышать об нем суждений, я почти ни от кого не слыхал, чтоб его хулили, но еще большею частью называют хорошим. Что ж тому причиною? К несчастью, должно сказать, что у нас ныне особливо не очень любят, что в самом деле хорошо, а любят то, что льстит нашим чувствам, приятно и нравится слабостям. Но это уже не моя вина: я хочу быть другом юношества, а недругом или притворным другом никому быть не хочу»¹⁵⁴.

Таким образом, журнальная деятельность Невзорова, несмотря на все его упорство, закончилась полной неудачей¹⁵⁵. Но если как журналист Невзоров не может привлечь сочувственной памяти потомства, то его «презельная горячность» к некоторым явлениям общественной жизни вызывает невольное изумление: тут ярко сказались и его страстная натура, и горячая вера в истинность масонского учения, и способность в сознании своего гражданского долга, самоотверженно бороться с неправдой жизни. Это особенно обнаружилось в то время, когда со стороны некоторых представи-

телей официальной церкви начался решительный поход против масонского учения. Понимая, как настоящий масон, всю разницу между «внутренней церковью» и «церковью наружной», Невзоров решительно встал на защиту масонских идей.

Так, в 1816 г. настоятель московского Симонова монастыря архимандрит Герасим (Князев), заявил, что он начал получать приносимые в монастырь «новонапечатанные книжки». При этом, по словам архимандрита, «добренькие сыны греко-российской церкви» со слезами выражали изумление, как можно было допускать такие книги. Архимандрит сначала полагал, что вряд ли правительство допустило бы печатать что-нибудь вредное, но когда ему принесли «Мучеников» Шатобриана, «О таинстве креста» (изд. 1814 г.), «О нетлении и сожжении всех вещей» (М., 1816), «Победную повесть» и книги, «особливо до каменщиков относящиеся», то он написал в Петербург соответствующее донесение, указывая на необходимость «попещись» и утверждая, что «иначе это зло, чем далее, тем более будет усиливаться». Когда Невзоров узнал об этом и получил копию донесения Герасима, он составил обширное возражение, «ругательное всему духовенству». Это возражение широко распространилось по всей Москве и вызвало большие толки.

Наряду с догматическими вопросами, которые Невзоров пытается осветить как можно более широко, хотя не всегда с одинаковой убедительностью, он делает такое замечание: «К несчастью, выходит на поверку, что наши духовные начинают ожесточаться против Штиллинга и других истинных проповедников слова Божия. Нельзя, к сожалению, здесь пройти молчанием, что древле и ныне, по всей Европе и всем христианским государствам в свете и даже, наконец, у нас в России против истинно-христианских книг первые восстают духовные... Полвека у нас продолжается издание разных философских, к падению религии служащих книг, вольтеровских и подобных, но я не слыхал, чтобы духовенство, движимо будучи ревностью к истинному христианству, решилось делать правительству против заразных сих книг формальные представления. Но лишь только дастся свобода выходить истинно-христианским сочинениям, оно первое начинает против них вопиять... Скажите по совести: отчего это? Не трудно решить сие: без сомнения, оттого, что мы любим больше с Иисусом

Румяная заря восходит из-за понта.
И розовой рукой тьму гонит с горизонта
(«Плач» Юнга)

быть на свадьбе в Кане, где всего вдоволь, и попить в Вифании, но от Голгофы прочь. Мы избрали место для Иисуса на бесконечной высоте от нас, посадили его на драгоценном престоле, дали ему порфиру, корону, свиту, и в таком виде мы кланяемся ему во храме, хвалим и величаем, когда летят от него мешки золота и серебра, бархаты и меха соболя, бриллиантовые кресты и панагии, бочки стерлядей и т.п. Но если он начнет подходить к нам в смиренном одеянии и вопиять: “Горе вам”... — тогда мы распыхаемся, раздираем ризы и вопием: “Да он же не Левиина колена, а Иудина! Как он смеет нам так говорить! Скорее дреколья, гвоздей!”»

Подверг Невзоров сомнению и «добреньких сынов греко-российской церкви», друзей Герасима: «Это, говорит, богатые здешние торгаши. Спросить бы их, по совести, какая, по их мнению, Церковь Христова? Во время войны 12-го года от крови и слез они нажили мошны, а из всего этого какую-нибудь пятисотую часть употребить на создание какой-нибудь монастырской стены или сделание где-либо из честолюбия придела, во имя ангела своего или жены, и то потому, что прямо во имя свое не позволяется сделать придела. Нет, “вниде Иисус и разгна вся”...»¹⁵⁶

Это страстное возражение возмутило и значительную часть духовенства, и «добреньких сынов». Некий коллежский асессор Алексей Соколов, «движимый духом ревности», обратился в

Синод с просьбою «учинить законное определение о возражениях Невзорова и о самых выпущенных по публикам им одним несправедливо защищаемых, нелепых книгах, и упоминаемые им в том возражении книги и подобные им... сжечь или остановить». Правда, Синод поручил объявить Соколову, что «изъявляемая им ревность неуместна при той со стороны Правительства бдительности, которою охраняется неприкосновенность истинной веры, мир и тишина православной нашей Церкви», но от такого ответа ожесточение против Невзорова еще более усилилось. К тому же правительство скоро стало относиться к масонским книгам с постепенно возрастающей подозрительностью, и московские противники масонов почувствовали под собою твердую почву. Началась осада «Сионского вестника», который обвиняли даже в «посягательстве на священность земной власти»¹⁵⁷. По словам Невзорова, за месяц до прекращения «Сионского вестника» представители московского духовенства и светские люди, «по санам своим известные», предсказывали с торжеством, что закрытие журнала неминуемо.

Невзорову предстояло оказаться в лагере побежденных, но он не собирался сдаваться. В послании к О.А. Поздееву 23 июня 1817 г.¹⁵⁸ он говорит, что выступление его против архимандрита Симонова монастыря продиктовано было «истинно одною ревностью защитить книги, христианство проповедующие, против которых опять начинают уже злиться по причинам истинно не христианским, а по видам только барышничества и самолюбия». С глубокой грустью он замечает, что теперь «поносить стараются А.Ф. Лабзина», которого нужно бы благодарить за издание книг. По его мнению, буквальные и не терпящие мистики, составляющей сущность христианства, книжники и фарисеи и ныне суть те же, «которые судили верховного начальника нашего Спасителя Иисуса во дворе Каиафы». Для Невзорова враги масонства были врагами христианства.

Когда начались гонения на Библейское общество с обвинениями в распространении вольнодумства, в умножении расколов и т.п., Невзоров встал на защиту его. Он написал митрополиту Серафиму письмо, в котором не без язвительности выражал удивление, почему не преследовали мистических книг в свое время, когда они выходили из печати: «Ваше Высокопреосвя-

Ужели это все?.. так Цезарь возвещал,
 Когда вселенной он всей возобладал
 («Плач» Юнга)

щенство, — писал Невзоров, — могли сие делать при начале, имея по духовным делам всегда сильный голос, который, соединяя с ревностью, *ныне вами обнаруженною*, всегда мог иметь свою цену и вес». Напоминал он Серафиму о членах Дружеского общества, причем замечал: «Вы, конечно, не почтете за стыд признаться, что вы много им одолжены и нравственным, и физическим воспитанием, и многими с помощью их приобретенными познаниями», а ведь они были издателями мистических масонских книг. «Когда вы у них учились, — открыто спрашивал Невзоров Серафима, — то учили ль они вас исказить святость книг Божественного от-

кровения и преподавали ль вам явные и возмутительные лжеучения, противные церковным и гражданским постановлениям? Напротив того, не всегда ли они учили воспитанников своих быть честными гражданами Общества, добрыми сынами Отечества, верными подданными Высочайшей власти, истинными Христианами и приверженными к Церкви?.. Не они ли поставили крепкую преграду разливающемуся лжевредному Вольтеровскому просвещению, распространивши, с пожертвованием собственности, истинный свет Евангельского учения изданием Богодухновенных книг?..»¹⁵⁹

Пользуясь случаем, Невзоров в этом же письме выступил с обличением монахов в лицемерии, которое приводит к неизбежно-

му соблазну мирян: «Что делают ныне, — спрашивает он, — когда придут посетители в монастырь? Им показывают богатые и огромные здания, множество серебра и золота, парчей, жемчугов и драгоценных камней! А монахи все выглажены, выряжены, с кудрявыми длинными волосами, с искусством по плечам расположенными, сыты, статны, молоды, доходны, одним словом — прелесть на вкус многих... Монахини вместо клобуков распускают длинный флер до самых пят. Многие из них шнуруются... Монастыри щеголяют модами...»

Верный заветам масонства Новикова и Лопухина, Невзоров стал подозрительно относиться к масонским течениям России после Наполеоновых войн: с одной стороны, ему чужды были политические тенденции некоторых масонских лож, с другой — он не мог сочувствовать и каббалистике, отвлекавшей от здоровой общественной работы в духе христианства. Он находил, что новые масонские ложи уже «не походят на те, в которых он учился, и они весьма далеки от того духа, который должен царствовать особенно в таких собраниях... О сущности христианства тут мало было слышно, а по всему видимому члены таких собраний занимаются одною пустою суетностью и какими-то загадочными познаниями каббалистическими, алхимическими и тому подобными, которых, как, наверное, можно сказать, они ни сами не разумели, и других только в грех неведе-

Лоренцо! Здесь среди теней Смертных
не сыщешь удовольствий тщетных
(«Плач» Юнга)

ния вводили». Враг «бесплодного увлечения» алхимией, каббалистикой, магнетизмом и златоделанием, Невзоров считал необходимым бороться с этим «мнимым» свободным каменщичеством, но после закрытия «Друга юношества» и «Сионского вестника» он уже не имел возможности выступать в печати и поневоле должен был ограничиваться формой писем и посланий, которые, видимо, распространялись в рукописях заинтересованными кругами.

Не сочувствуя, как истинный масон, каким бы то ни было проявлениям революционного духа в области политики, Невзоров, однако, понимал социальные и экономические причины революционных движений и находил им некоторое психологическое оправдание. В этом отношении любопытно его письмо к князю А.Н. Голицыну от 13 сент. 1890 г.: в нем высказано много крайностей, тон его истерический, чувствуется вражда к просвещению, не основанному на религиозном начале, но вместе с тем есть и вполне здравые мысли. Основная идея этого письма заключается в том, что «дела нестерпимые правящих производят мятежи». Среди этих «нестерпимых дел» Невзоров отмечает увеличение налогов, падающее своею тяжестью главным образом на неимущие классы, затем «великолепие и щегольство во всех родах установлений», театры, которые «для посетителей и семейств их служат поводом к разврату: для крестьян разорением, для лошадей, кучеров, лакеев и полицейских команд каторгою», и т.п. Вместе с тем он называет университеты, духовные академии, лицеи, благородные пансионы при университетах «алтарями ложного просвещения», от которых ближним «кроме великого вреда пользы почти нет никакой». Он приветствует учреждение Священного Союза, главная цель которого, по его словам, «править государством по-христиански», но с грустью замечает, что эта высокая цель «всюду пренебрегается» и «от кровопийственных притеснений и налогов», естественно, рождаются революции¹⁶⁰. Так причудливо переплетались в Невзорове и радикальные мысли, и реакционные настроения.

27 сентября 1827 г. Невзоров умер в большой бедности. На памятнике его в Симоновом монастыре высечены, помимо прочего, следующие слова: «Здесь лежит тело любителя истины, Максима Невзорова»¹⁶¹. С.П. Жихарев в своих «Записках» тоже

подчеркивает эту сторону характера Невзорова: «Что за умный и добрый человек этот Максим Иванович, — говорит Жихарев. — Каких гонений он ни натерпелся за свою резкую правду и верность в дружбе, как искренно прощает он врагам своим и как легко переносит свое положение! При всей своей бедности он не ищет ничьей помощи, хотя многие старинные сотоварищи его, как, напр., Иван Петрович Тургенев, Иван Владимирович Лопухин и Походяшин, принимают в нем живое участие и желали бы пособить ему. Ходит себе в холодной шинелишке по знакомым своим, большею частью из почетного духовенства, и не думает о будущем; говорит: *“Довлеет дневи злоба его”*»¹⁶².

...Душевные очи
Зрят тайны редкие среди глубокой ночи
(«Плач» Юнга)

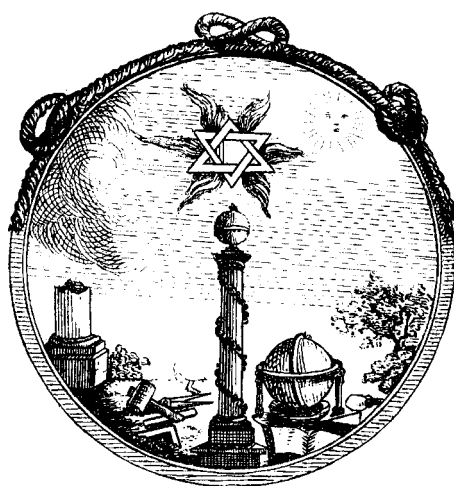
Действительно, Невзоров был масоном старого закала, каких становилось в эпоху Александра все меньше и меньше. Искание истины было вообще характерной чертой старшего поколения масонов; эту истину они искали в небе, с которым сливались в минуты мистических восприятий, искали и на земле, к которой стремились привить «небесное» в виде чистого христианского учения, не тронутого «внешнею церковью». Мистика и жажда общественной работы были их постоянными спутниками: они не жертвовали ради мистики служением ближнему, но и не пренебрегали мистическими переживаниями. Бескорыстие, независимость от сильных мира сего, глубокая обра-

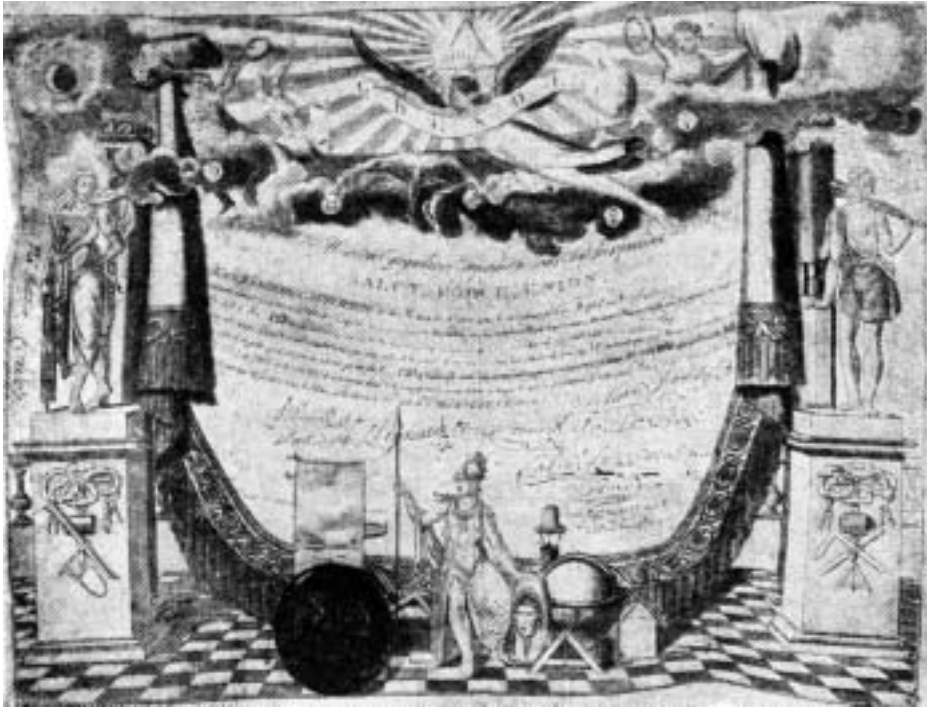
зованность, непоколебимая честность, сознание долга — все это было предметом их нравственного культа, и всем этим отличался Невзоров как представитель масонства.

Как журналист, как писатель Невзоров не мог оставить по себе памяти: он не имел ни дарования сатирика, которым хотел порою быть, ни дарования публициста. Но и здесь, как мы видели, он обнаружил горячую веру в свои убеждения и ни разу им не изменил во имя посторонних соображений. Понимая масонство как идейную борьбу, Невзоров до конца жизни остался бойцом за идеи старого масонства против воинствующего духовенства, против новой формации масонов и даже против правительства.

Борьба была непосильна, но до отчаяния Невзорова не довела, и от нее он все-таки не отказался до самой смерти. Во всех этих отношениях Невзоров был типичным учеником новиковской школы и с этой стороны вполне заслуживает быть вписанным в историю русского масонства.

И. Кульман

Масонский диплом
(собрание Д.Г. Бурьлина)

Польское масонство¹⁶³

«Кто ни борется в Польше за свободу совести, за свободу науки, за политическую, общественную и экономическую свободу, — говорит современный писатель Андрей Немоевский, — того раньше или позже назовут масоном». Хотя самостоятельные польские масонские организации давно уже прекратили свое существование, но слово «масон» употребляется в современной Польше весьма часто, объединяя в одну какую-то громадную семью свободомыслящего ученого, народолюбца, нигилиста, социалиста и атеиста. На самом же деле под этим словом надо разуметь лишь члена одного из тех тайных обществ, которые преследовали цели «духовного строительства», взаимного нравственного совершенствования и поддержки, распространения начал религиозной терпимости, равенства и братства.

Масонский ковер
(собран. пр. пов. Врублевского)

Первые масонские союзы возникли в Польше в начале царствования Августа III (1735–1763), проникнув сюда непосредственно из Саксонии, и представляли первоначально лишь отделения дрезденской ложи «Трех белых орлов», основанной около 1738 г. побочным братом короля гр. Рутовским. Сначала союзы эти развивались очень слабо. С одной стороны, они подвергались преследованию духовенства, главным образом иезуитов, добившихся уже в 1738 г. временного закрытия всех масонских лож в силу буллы папы Климента XII «*In eminenti*»; с другой — сами они обнаруживали малую жизнеспособность, являясь простой аристократической забавой и средством к удовлетворению личного честолюбия. Их распространителями были преимущественно жившие в Польше иностранцы и магнатская польская молодежь, Мнишеки, Потоцкие, Огинские, Виельгорские, основавшие несколько лож в Вишневец на Волыни, в Дукле и других местностях. Первые польские масонские организации следовали в эпоху королей из саксонской династии английским,

немецким и французским образцам и находились в фиктивной зависимости от Великой Лондонской ложи, фиктивной потому, что в действительности они управлялись автономно, согласно правилам, предписываемым в книге брата де ла Тьерс «Histoire, obligations et statuts de la très vénérable confraternité de francs-maçons», «предназначенной для общего пользования всех существующих на земном шаре лож».

Гораздо большее значение приобретает польское масонство при Станиславе-Августе Понятовском. Человек просвещенный и высокообразованный, Понятовский не только оказывал покровительство масонам, но и сам записался в 1777 г. в варшавскую немецкую ложу «Под тремя шлемами» и, произведенный в кавалеры немецкой ложи Rose-Croix, принял в строжайшей тайне под именем Eques Salsinatus, как F(rater) R(oseae) — A(ureae) S(cucis), установленную присягу, оговорив свои «гражданские и королевские обязанности». Членами масонских лож состоят при Станиславе-Августе почти все придворные сановники и виднейшие государственные деятели. В эпоху великого или четырехлетнего сейма (1788—1792) масоны насчитывают в своей среде и многих сеймовых послов: Матушевича, Немцевича, Солтыка, Линовского, кн. Казимира Сапегу, кн. Адама Чарторыского и др., причем секретарь сейма Ян Луцевский исполняет одновременно обязанности секретаря Великого польского Востока и самих творцов конституции 3 мая 1791 г., Игнатия Потоцкого, Станислава Малаховскаго, ксендза Пиатоли и многих польских послов при иностранных дворах, Щенсного Потоцкого, Войну, Букаты, Морского и др. Большинство этих лиц, находясь у кормила правления, «делая историю», проводят общественные и политические реформы, несут идеи возрождения Польши; идеи эти идут, таким образом, не снизу, а сверху, не от молодых, а от старших; в этом смысле масонство становится при Станиславе-Августе весьма важным политическим фактором и, несомненно, оказывает большое влияние на мирный исход того государственного переворота, который привел к конституции 3 мая. К великому огорчению иезуитов, масонству начинает сочувствовать даже духовенство. Крупный духовный сановник, знаменитый поэт Игнатий Красицкий, епископ Варминский, впоследствии архиепископ Гнезненский, личный друг коронованного масона

Принятие женщин в ложу «Мопсов»¹⁶⁴

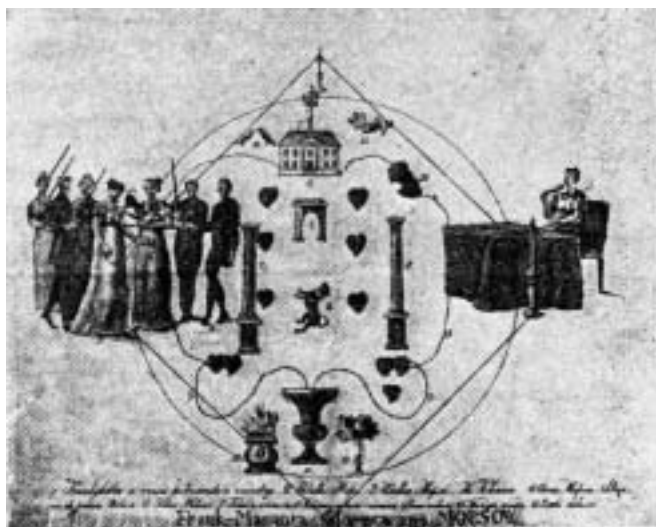
Фридриха Великого, издает в 1778 г. шуточную поэму «Монахомахия», представляющую верное отражение тогдашних умственных и общественных веяний и направленную против нищенствующих орденов, против недостатков и слабостей монахов, их невежества, суеверности, обжорства и пьянства. Это антицерковное течение проникает и в область законодательства; так, 27 мая 1789 г. Великий Сейм принимает постановление о секуляризации епископских имений и назначении епископам определенного жалованья; на этом же сейме обнаруживается тенденция к национализации польского костела, созданию национального польского трибунала, прекращению подачи апелляций в Рим, к затруднению доступа в монашествующие ордена и освобождению их от власти генералов. Борьба света с темой, с предрассудками и с религиозной нетерпимостью является главной задачей масонов в эпоху Станислава-Августа; об этом свидетельствуют даже названия тогдашних лож: «Побежденная тьма», «Побежденный предрассудок» и т.п.; наряду с этим масоны преследуют общие гуманитарные цели, открывают целую сеть благотворительных учреждений, приюты для старцев и нищих, занимаются раздачей румфордского супа, вводят бесплатное оспопрививание и т.п.

На каждом заседании ложи «собиратель милостыни» обходил членов с особым мешком в пользу бедных; решение вопросов о благотворительных работах занимало значительную часть заседания; остальная его часть обыкновенно посвящалась работам «рецепционным», связанным с приемом в ложу новых членов, «инструкционным», касавшимся внутренней и внешней жизни ложи, «торжественным» — в день св. Иоанна, 24 июня, праздновавшийся всеми ложами, в день годовщины открытия каждой ложи, в память скончавшегося члена и т.п. На торжествах обыкновенно исполнялись так называемые «столовые работы»; они состояли в участии всех членов ложи в торжественном банкете, происходившем согласно определенному ритуалу, переименовывавшему еду в «работу», кушанья в «проекты работы», тарелки в «ямы», блюда в «горы», а приглашение налить из бутылки в стакан вина в призыв «зарядить ружья» (стаканы) «порохом» (вином), доставши его из «пороховниц» (бутылок).

В члены некоторых масонских лож принимались иногда и женщины. Такие ложи назывались «адопционными»; в адопционной ложе «Благотворительность» встречаются среди членов фамилии кн. Чарторыский, Радзивилл, гр. Потоцкий и др. Особый характер носят смешанные ложи «мопсов и мопсих»; возникнув в Австрии в 1738 г. и распространившись затем во Франции при Людовике XV в эпоху господствовавшей при этом короле распушенности нравов, они перешли в конце XVIII в. в Польшу в виде «amusements mysterieux» и усвоили себе обряды, не вполне поддающиеся изложению в печати; такова была, например, виленская ложа «Совершенная верность» с великой мастершей баронессой Ферзен, великой надзирательницей гр. Пржездзецкой и *sœur terrible* гр. Солтан¹⁶⁵.

В царствование Станислава-Августа польское масонство постепенно освобождается от иностранных влияний. В 1707 г. возникает первая польская Великая ложа при непосредственном участии известного масона Жана-Луки де Ту де Сальвер (de Thoux de Salverte), военного инженера в Берне, вынужденного искать убежища в Варшаве и основавшего здесь ложу «Доброго пастыря» (Der Gute Hirt), которую он назвал *grande souveraine loge*, а себя — Великим ее мастером от английской ложи в Париже. Брат де Ту

убедил вел. коронного стольника Августа Мошинского, связанного узами родства с саксонским королевским домом, провозгласить польскую ложу шотландской системы «Добродетельного сармата» (Du vertueux sarmate) Великой, то есть уп-

Ложа «Мопсов»
(с польской гравюры в собрании Д.Г. Бурьлина)

равляющей польской ложей; спустя два года ложа эта получила собственный учредительный акт, включавший ее кардинальные права, права подчиненных ей лож, банкета и т.п. Избранный Великим мастером и получивший от Великого мастера лондонского Великого Востока князя де Бофор (de Beaufort) диплом на звание «Великого мастера провинциального масонства царства Польского и великого княжества Литовского» под покровительством Великого английского Востока, Мошинский отказался, однако, подчинить последнему польские ложи; 24 июня 1770 г. он устроил по поводу установления первой Великой польской ложи торжественное празднество, приведшее в возмущение папского нунция в Варшаве Дурини, который доносил в Рим, что на этом празднестве присутствовал сам король, истративший 2000 злотых на подписной ужин, что примас и архиепископ Гнезненский Подоский доставил на это торжество свое столовое серебро и, кажется, инкогнито сам участвовал в нем в качестве «добротого брата», что другой духовный сановник, епископ Познанский Млодзеиовский, занимавший пост епископа Варшавы и Великого канцлера, не оказал никакого противодействия этому «неслыханному и необычайному скандалу», заявив, что у него есть другие обязанности.

Польское масонство состояло из семи степеней. Братья трех первых степеней, то есть ученики, товарищи и мастера, составляли «ложи св. Иоанна», или «символические»; братья четвертой степени — «избранные рыцари» (*kawaler wybrany*) и пятой — «шотландские кавалеры» (*kawaler szkocki*) — ложу «капитул шотландский» (*kapitula szkocka*); наконец, братья шестой степени — «рыцари востока» (*kawaler wschodu*) и седьмой — златорозового креста (*Kawaler rycanego krzyza*) составляли «капитулярную высшую шотландскую ложу». Основанной Мошинским Великой польской ложе уже в 1770 г. было подчинено семь других лож. На ее оживленную деятельность вскоре обратила внимание императрица Екатерина II, и русское посольство в Варшаве стало принимать меры к обеспечению за собой руководства польским масонством. В 1779 г. сын познанского воеводы гр. Ян Понинский, *eques a Stella Polari*, представив подложный диплом старошляхетской директории в Страсбурге, якобы уполномочивавший его к учреждению новых и реформированию ста-

рых лож, основал в Варшаве шотландскую ложу «Екатерины под Северной Звездой», названную так из раболепства к «просвещенной государыне — покровительнице свободного каменщичества в своем государстве» и получившую в феврале 1780 г. от Великого лондонского Востока *magnum chartam* — диплом на звание ложи-матери. В ложу эту были приняты сыновья всемогущего русского посла в Польше гр. Штакельберга, Оттон и Густав; в возникшую же от нее ложу «Северного щита» (*Tarcza ruynosna, Bouclier du nord*) поступило несколько платных агентов русского посольства в Варшаве. В следующем 1781 г. гр. Игнатий Потоцкий, председатель Постоянного Совета (*Conseil Permanent*), высшего центрального учреждения, обязанного своим происхождением Штакельбергу, посвященный Великой Лондонской ложей в высшие масонские степени, стал во главе директории из представителей главных лож края и завершил дело объединения и национализации польского масонства. По его предложению все польские ложи заключили между собой конвенцию и добились от иностранных Великих Востоков признания их независимости и самостоятельности. Избранный первым Великим мастером объединенных лож Короны и Литвы, Потоцкий произвел окончательную реорганизацию польского масонства, после чего состоялось официальное открытие польского Великого Востока (март 1784 г.). В состав его входило 13 объединенных лож, а именно четыре под варшавским Востоком: «Екатерины под Северной Звездой», «Святыни Изиды», «Северного щита» (*Tarczy ruynosnej*) и «Богини Элевзис»; четыре под виленским Востоком: «Совершенного соединения» (*Doskonałej jedności, die Vollkommene Einigkeit*), «Ревностного литвина» (*Gorliwego litwina, der Eifrage Litauer*), «Доброго пастыря» (*Der Gute Hirt*) и «Храма мудрости» (*Kościola mądrości, der Tempel der Weisheit*); три под познанским Востоком: «Увенчанного постоянства» (*Stateczności uwienzonej*), «Орла белого» и «Школы мудрости»; одна под дубенским Востоком — «Совершенной тайны» (*Doskonałej tajemnicy*), и одна под гродненским Востоком — «Счастливого освобождения».

Устав или «конституция» Великого польского Востока состояла из 54 параграфов. Она устанавливала совершенную независимость польского масонства от иностранных масонских властей, оп-

ределяла границы власти польского Востока, права и обязанности 22 «великих чиновников» польского Востока (Великого мастера, наместников его для великопольской, литовской и малопольской провинций, двух надзирателей (dozorca), двух ораторов (mówca), двух секретарей, казнохранителя (podskarbi), обрядоначальника (mistrz obrzadków), великого судьи, собирателя милостыни (jałmużnik), архивариуса, мечника, двух стюартов и др., вводила «знаки» чиновников, регламент заседаний ложи, порядок отдания

Ст. Малаховский
(портрет Де Фабра)

чести Великому мастеру, образцы циркуляров и писем, состав и правадиректории и т.п. Не признавая первого раздела Польши, конституция Великого Востока подчиняла ложе-матери «Екатерины под Северной Звездой» «все земли и края, находившиеся под польским владычеством, а также края и провинции, лежащие за границей» (§ 52). В организационном отношении конституция 1784 г., представлявшая, впрочем, компиляцию разных иностранных систем, отличалась резко выраженным демократическим характером; отдельным символическим ложам она предоставляла полную независимость и свободу во внутренней своей деятельности; все внутреннее административно-политическое, так называемое «физическое», правление масонством она возлагала на Великий Восток; всю догматическую власть она сосредоточивала в руках «мистического» Великого капитула, состоявшего из 27 членов седьмой степени.

После Игнатия Потоцкого обязанности Великого мастера исполнял в течение короткого времени генерал Андрей Мокроновский; затем, с 1785 г., Щенский Потоцкий, отказавшейся от свое-

го молотка в январе 1784 г. ввиду предстоящего разрыва Польши с Россией, на его место был избран «доблестный патриот» Казимир-Нестор Сапега, сеймовый маршалок и генерал от артиллерии. Охватившее всю Польшу антирусское движение коснулось и масонских лож; в том же 1789 г. по случаю королевских именин ложа-матерь «Екатерины под Северной Звездой» была переименована в ложу «Станислава-Августа под Северной Звездой».

События, имевшие место в Польше после провозглашения конституции 3 мая, вспыхнувшая из-за этой конституции война, последовавший за ней второй раздел, восстание Косцюшки и окончательное падение Польского государства — все это привело польское масонство в состояние полного распада и способствовало закрытию в 1794 г. польского Великого Востока. При этом погибли все капиталы масонов и все их архивы. Значительная часть масонов эмигрировала во Францию, в которой генерал Генрих Домбровский формировал первый польский легион. В польских областях, перешедших к Австрии и России, всякие масонские организации были запрещены, в Австрии с 1795, в России с 1797 г. И только в областях, доставшихся Пруссии, масонские ложи продолжали развиваться, но не польские, а немецкие, подчиненные трем независимым Великим берлинским ложам, а именно: Grosse Landes-Loge, ложе «Королевский Йорк приязни» и «Трех глобусов». Почти все эти ложи работали на немецком языке и состояли в значительной степени из прусских административных и судебных чиновников и офицеров; они обязаны были доставлять ежегодно правительству списки своих членов и гораздо более служили видам прусского правительства, стремившегося к германизации польских земель, чем основной цели польского масонства — «познанию мудрости и совершенствованию в добродетели».

Так продолжалось до 1807 г., когда из отвоеванных у Пруссии польских областей Наполеон образовал новое Польское государство, названное им Великим герцогством варшавским. В этом маленьком государстве, призванном к жизни великим Наполеоном и возлагавшем на него все свои надежды на лучшее будущее, возродилось и польское масонство на новых, соответствовавших изменившемуся политическому положению началах; оно

стало теперь следовать преимущественно французским образцам и вступило в тесную связь с французским Великим Востоком. Уже в 1807 г. возникает французская ложа «Соединенных братьев поляков и французов» на Востоке Варшавы в зависимости от парижского Великого Востока; окружая особу Наполеона почти религиозным культом, простиравшимся до установления орденской ленты пепельного цвета в воспоминание «цвета верхнего платья, в котором впервые вступил на польскую землю в 1806 г. великий Наполеон, освободитель польского народа», «Соединенные братья» вдохновлялись надеждой на более или менее близкое объединение Наполеоном всей поделенной Польши и укреплялись, вероятно, в этой надежде постепенным ростом польских масонских организаций, возрождением старых польских лож — «Святыни Изиды», 1809 г., «Богини Элевзис», «Северного щита» — в Варшаве, «Побежденного предрассудка» в Кракове и переходом прусских лож в зависимость от Парижа.

Александр Потоцкий

Крупный политический успех, одержанный поляками в 1809 г., не замедлил отразиться и в масонской лирике. В австрийскую кампанию Наполеона поляки, предоставленные самим себе, отвоевали у Австрии значительную часть Галиции, которая по Венскому трактату 14 окт. 1809 г. была присоединена к Варшавскому герцогству. Это территориальное приращение, являвшееся исключительно результатом успеха польского оружия, укрепляло политическое положение герцогства и вместе с тем давало возможность польским масонам усилить и расширить свою деятельность. 22 марта 1810 г. восстанавливается Великий польский Восток с наместником Великим мастером Людвиком

Гутаковским, председателем государственного совета герцогства; к возрожденному польскому Востоку приступило на первых порах шесть лож: «Восточная Звезда», в качестве ложи-матери, «Богиня Элевзис», «Святыня Изида», «Северный щит», «Соединенные братья» и «Побежденный предрассудок», насчитывавших в среде своих членов, как и в эпоху четырехлетнего сейма, наиболее видных государственных и общественных деятелей, министров: кн. Иосифа Понятовского, Александра Потоцкого, Игнатия Соболевского, Венгленского и др., известных писателей Огинского, Бродзинского, Козмяна и т.д.

С возрождением Великого польского Востока деятельность польских масонов направляется к подчинению ему возможно большего количества масонских организаций, к освобождению их от иностранной зависимости и укреплению в них национального чувства; под власть польского Великого Востока постепенно переходят и французская ложа «Соединенных братьев», и расположенные в пределах бывшей Речи Посполитой немецкие ложи: торнская, гнезненская и др.; одновременно с этим польские ложи пополняются большим количеством известных своим патриотизмом поляков евангелического и иудейского вероисповедания, которые даже выбираются в члены капитула; работы в ложах и Великом капитуле ведутся теперь не на французском, как раньше, а на польском языке, и в ритуал вводятся национальные эмблемы. Сердца масонов бьются в унисон с сердцами всех поляков, ждущих войны Наполеона с Александром и готовящихся к «великому делу восстановления родины». Политические события 1812–1813 гг. вновь вызывают перерыв в деятельности масонов, но, несмотря на официальное постановление Великого польского Востока от 30 января 1813 г. о закрытии масонских лож, некоторые из них и сам Великий капитул продолжают тайно свои работы в течение всего 1813 г.; благотворительные масонские общества в Варшаве, Вильне, Кракове и других городах, управляемые избранными из среды местных лож комиссиями, оказывают деятельную помощь находящимся в госпиталях больным, военнопленным и семействам погибших в боях.

В 1815 г. польское масонство вступает в новую фазу, после присоединения, согласно постановлению Венского конгресса, значительной части Варшавского герцогства к Российской им-

перии в виде отдельного, наделенного собственной конституцией государства, так называемого Царства Польского. Польские масоны, назвавшие, как уже сказано, в конце XVIII в. в честь русской «великодушной монархини» одну из своих лож ложей «Екатерины под Северной Звездой», затем окружавшие ореолом Наполеона, «ниспосланного Провидением для освобождения польского народа», теперь, после его падения, обратили свои взоры к восходящей звезде русского императора, который оказывал знаки внимания Косцюшке, дружил с кн. Адамом Чарторыским и не желал при въезде в Краков принять ключи от президента города, называя себя «не победителем, а другом поляков». Начинается полоса веры в нового «воскресителя» Польши, императора Александра, «призванного защитника польской свободы», давшего уже многое, уже восстановившего на Венском конгрессе «загубленное польское имя» и манящего новыми обещаниями, располагающего средствами возродить всю Польшу «от моря и до моря». Вера эта, на первых порах глубокая и искренняя, находит свое отражение и в масонских организациях, в речах масте-

Два (см. рис. на стр. 299) стекла с польскими масонскими знаками. Фон золотой, знаки черные) (Собрание пр. пов. Патека)

ров и ораторов, в «досках» братьев, в их песнях, гимнах и одах, выражающих преклонение перед королем, который, восседая на троне Пяста, дает возможность Вольным Каменщикам, презрев грозную волну фанатизма, воздвигать алтари в честь истины и мудрости. Приехавшего в ноябре 1815 г. в Варшаву Александра масоны чествуют торжественным банкетом, устроенным в здании местного Верховного капитула, ярко по этому случаю иллюминированном и украшенном транспарантом с инициалом императора и надписью: «Осчастливленные прибытием монарха» (recepto Ceasare feloces). Александр I благосклонно принимал выражения патриотических чувств, воодушевлявших польских масонов, оказывал им знаки своего монаршего благоволения, сам тайне принадлежал к Великому польскому Востоку и вносил на его нужды в качестве брата и протектора щедрые пожертвования. Двоякою целью, по мнению проф. Аскеназы, руководствовался он в данном случае: созидательною и охранительною. «С одной стороны, он хотел использовать польское масонство для проведения своего проекта касательно слияния Литвы с Польшей и, насаждая масонские ложи одновременно в Царстве Польском и Литве, влиять при их посредстве на общественное мнение, подготовить путем восстановления прежней польско-литовской масонской унии унию политическую; ему не было безызвестно враждебное отношение к занимавшему его проекту некоторых кругов литовского общества, опасавшихся главным образом усиления податного бремени и крестьянской реформы в Литве. С другой стороны, Александр стремился к секуляризации польского масонства, к приданию ему характера государственного учреждения, к подчинению его собственному контролю и руководству им» (Голос минувшего, 1913, кн. V, стр. 32).

Исполнителем этих предначертаний Александра I был генерал Александр Рожнецкий, избранный в 1816 г. заместителем Великого мастера польского Великого Востока, близкий друг всевластного императорского комиссара в Царстве Польском Н.И. Новосильцева, начинавший тогда свою карьеру шефа жандармов и начальника тайной полиции в Царстве. Первую возложенную на него задачу, сводившуюся к количественному усилению масонства, он исполнил вполне успешно. В 1815 г., в момент возрождения Великого польского Востока, в Царстве Поль-

ском насчитывалось только 13 лож; в 1817 г. их было уже 20, в 1821 — 32. Окрепло также польское масонство в Литве. Со времени последнего раздела Речи Посполитой оно находилось здесь в состоянии упадка; восстановленное около 1810 г., оно опять зачало вследствие политических событий 1812 г.; теперь, с 1816 г., и старые литовские ложи быстро возрождаются, и открывается ряд новых; каталог Великого польского Востока насчитывает за 1818—1819 гг. в литовской провинции 12 лож. Осуществилась также польско-литовская масонская уния; ввиду принадлежности к литовским ломам

Польские масонские символы и знаки
из собр. пр. пов. Патека

значительного количества видных общественных и государственных деятелей, профессоров Виленского университета и других лиц уния эта могла бы действительно служить почвой для будущего политического объединения Царства Польского с Литвой; но заключенная лишь в марте 1819 г., она не отвечала в тот момент видам русского императора, который успел усомниться в правильности своей польской политики и в целесообразности территориального расширения Царства Польского. Не лишены интереса события, предшествовавшие заключению этой унии; здесь, в этих событиях, на масонской арене, нашел себе мини-

атюрное отражение большой давнишний спор России с Польшей из-за Литвы. Пройдя различные фазы, спор этот в разбираемое время свелся к вопросу о возвращении полякам пяти литовских губерний: Виленской, Гродненской, Минской, Волынской и Подольской, которые еще при Екатерине II перешли к России и на которые именно распространялась деятельность возрожденных провинциальных лож, литовской и волынской. Инкорпорация этих губерний занимала умы польских государственных деятелей за весь период существования Царства Польского; соединение с братьями-литовцами, с которыми поляки целые столетия шли рука об руку, составляло предмет горячих стремлений граждан Царства; а включение в свой состав литовской и волынской ложи представлялось Великому польскому Востоку в виде своего рода вопроса чести. Иначе смотрели на это дело в России. Император Александр, дававший, правда, в первые годы после Венского конгресса торжественные обещания исправить «историческую несправедливость», совершенную его бабкой присоединением к Царству упомянутых губерний, впоследствии, с общим поворотом правительственной политики в сторону реакции, отказался от этих своих планов; русские общественные круги недружелюбно относились к расширению Царства Польского за счет западных губерний империи; а русские масоны, перенеся этот исторический спор в свою плоскость, уполномочили Великую петербургскую ложу Астрею обратиться к восстановленной Виленской провинциальной ложе с настойчивым предложением присоединиться к российскому Великому Востоку на весьма, впрочем, выгодных для нее условиях, предусматривавших полную ее автономию. Но Астрея, успешно действовавшая в одной части западных губерний, подчинившая себе масонские ложи в Киевской, Могилевской и Витебской губерниях, которые предназначены были правительством к тесному сплочению с империей и с утратой которых уже примирились поляки, потерпела полное поражение в попытке распространить свой протекторат на территорию, возвращения которой добивалось польское общественное мнение. Литовские ложи выказали тяготение к Польше и 21 марта 1819 г. торжественно объединились с польским Великим Востоком. «Литовцы, — сказал по этому поводу старейший член депутации литовской провинции ксендз Михаил Длу-

ский, — уже связанные с коронными братьями цепью братского единения, сохранили навсегда неизменную им верность», доказательством чего служит «отвержение выгодного в некоторых отношениях предложения, сделанного нам братьями из столицы империи».

Любопытную страницу в истории виленских лож занимает принадлежавший члену ложи «Усердный литвин», профессору Виленского университета, доктору философии и медицины Якову Шимкевичу проект реформы масонства,

сводившийся, главным образом, к исключению всяких тайн из обрядов и деятельности масонских лож. 16 марта 1818 г. на заседании своей ложи Шимкевич высказал мнение, что для непосредственных целей, преследуемых масонами, для просвещения и благотворительности какие бы то ни было тайны излишни, что они «являются лишь притворством, очень дорого обходятся и способствуют дурной славе, тогда как орден может существовать и без них»; он стремился поэтому «сорвать, — как говорит автор статьи «Масонские ложи в Литве» С.Ф. Добрянский, — завесу тайны с загадочного союза и, насколько возможно, примирить широкие слои общества непосвященных с ложами вольных каменщиков». Проекту этому нельзя отказать в некоторой основательности. К возвышенной тайне, которую еще до начала французской революции скрывали масоны, к тайне распространения начал всеобщего равенства и братства с течением времени примешались тайны иного рода, тайны отыскания жизненного эликсира, философского камня, составления заговоров

Я. Лушевский

против религии, королей и т.п.; в дружную масонскую семью, объединенную идеей возрождения человечества и общества, вторглись шарлатаны и обманщики вроде гр. Калиостро, Сен-Жермена и др., ловко эксплуатировавшие человеческое суеверие и последние проблески веры в сверхъестественные явления; выступая нередко с дипломами на высокие масонские степени, они действительно «способствовали дурной славе» масонов и вызвали нарекания на последних. Объединив вокруг себя 17 сторонников реформы, преимущественно профессоров Виленского университета, Шимкевич образовал «франкмасонское реформированное товарищество под названием ложа “Усердный литвин” на Востоке Вильна»; преследуя, согласно § 3 своего устава, общемасонские цели «мудрости и добродетели, то есть содействия общественному благу путем просвещения и благотворительности», новое товарищество открывало свои двери для всех членов всех других, даже не реформированных лож, допускало лишь публичные заседания и отдавало отчет в своих действиях. Но это реформированное товарищество не проявило особенной жизнеспособности; испытывая недостаток в материальных средствах, доходивший до невозможности нанять собственное помещение, и встречая враждебное отношение со стороны Великого польского Востока, оно после смерти Шимкевича, наступившей в конце 1818 г., стало обнаруживать стремление к примирению с общим масонством. Но в это время вопрос о реформе масонства на выработанных Шимкевичем началах отступил на второй план перед другими, более важными событиями, разыгравшимися в среде масонов.

Как сказано выше, Рожнецкому поручено было наряду с количественным усилением масонских лож качественное ослабление их, подчинение всего польского масонства видам и интересам правительства. Этой цели должен был служить внесенный Рожнецким в 1810 г. проект реформы демократической «конституции» 1784 г., сводившийся к подавлению автономных провинциальных и символических лож, к ограничению законодательных прав их депутатов и к подчинению этих лиц верховной власти Великого мастера; под председательством последнего предполагалось установить особое центральное учреждение — «Верховный совет» из семи членов, легче поддающийся правитель-

ственному контролю, чем Высочайший капитул, который, как известно, состоял из 27 членов и располагал только «догматической» властью. Проект септемвирата, выработанный Рожнецким и поддержанный Новосильцевым, Главкомандующим польской армией вел. кн. Константином Павловичем и наместником Царства Польского Заиончком и не встретивший возражений со стороны Великого мастера польского Востока Станислава Потоцкого, вызвал продол-

В. Лукасинский

жительные раздоры и столкновения в среде польского масонства и очень содействовал возникновению так называемого «национального масонства», в котором нашли себе исход патристические стремления значительной части польских масонов, с вполне понятным негодованием и с сильной тревогой отнесшихся к спроектированной Рожнецким олигархической реформе, которая подрывала самую суть их дела и превращала польское масонство в простое орудие русского правительства.

Характерная черта национального масонства, основанного в 1819 г. майором IV линейного пехотного полка армии Царства Польского Валерианом Лукасинским, состояла в ограничении идеи человеческого братства, составляющего конечную цель обыкновенного масонства. Национальное масонство Лукасинского объединяло в духе мира и братства не весь род человеческий, а одних только поляков, допускало на первых порах только польское, национальное братство. Первоначальной целью масонского строительства была, согласно учению Лукасинского, одна только Польша, реставрация Польского государства в самых широких границах. И лишь после освобождения родины польские национальные масоны предполагали расширить круг

своей деятельности на все славянство, а затем на все человечество. Массонские обряды символизировали одно только отечество; границами ложи была «великая горная цепь, два моря и две реки», то есть границы прежней Польши; «товарищи» собирались у «алтаря отечества, поврежденного сверху, но стоящего на прочном фундаменте», то есть в Польше, урезанной на Венском конгрессе, «поврежденной» сравнительно с исторической, неподделенной Польшей, но неизменно прочной в своем основании; они присягали возратить алтарю его прежний блеск, то есть бороться за возрождение родины и т.п. Весь катехизис был составлен в высокопатриотическом духе; на вопрос об имени принимаемого в ложи приводились великие исторические имена Болеслава Храброго, Батория, Чарнецкого, Жолкевского и др.; в то же время именами исторических деятелей, оставивших по себе дурную память, например Иеронима Радзеиовского, коронного подканцлера, навлекшего на Польшу в 1655 г. нашествие шведского короля Карла-Густава, клеймились масоны, изменявшие масонской тайне или принятым на себя обязательствам. Символика Польши найдена была и в старой масонской легенде о Хираме, или Адонираме, главном строителе Соломонова храма, трижды раненном тремя предателями-товарищами и завещавшем своим детям дело мести и восстановления из развалин храма. Идея восстановления Соломонова храма, то есть нравственного исправления рода человеческого, применена была Лукасинским к Польше, нуждавшейся, как и все человечество, в восстановлении и возрождении. Смерть праведного и невинного Хирама изображала, согласно толкованию Лукасинского, политическую смерть Польши, раздел ее между соседями; трое убийц аллегорически выражали три державы, участвовавшие в разделах; обязанность детей Хирама бороться с врагами до тех пор, пока не будет восстановлен Соломонов храм, напоминала национальным масонам об их обязанности бороться с врагами своей родины до полного восстановления Польши; наконец, чудесное воскресение Хирама являлось символом воскресения «невинно убиенной» Польши. Национальное масонство просуществовало недолго. Уже в 1820 г., вследствие проникновения в некоторые ложи крайних течений и преследования масонов русским правительством, Лукасинский объявил наци-

онально-масонские ложи закрыты. Вслед за тем был нанесен окончательный удар и Великому польскому Востоку.

Император Александр, оказывая свое высокое покровительство польскому масонству, стремился, как уже было сказано, использовать его для проведения своего плана присоединения к Царству Польскому пяти литовских губерний, приобретенных Екатериной II. Но впоследствии, когда Александр окончательно отказался от своего проекта территориального расширения Царства Польского, он нашел всю польско-литовскую масонскую организацию, которая должна была расчистить почву для этого проекта, не только ненужной, но компрометирующей его, напоминающей об его либерально-конституционной сентиментальности. Ввиду такого настроения Александра Новосильцеву нетрудно было добиться в ноябре 1822 г. указа о закрытии всех тайных обществ в Царстве Польском как могущих «возбудить подозрение даже тогда, если бы они собирались и в самых лучших намерениях»; он же занялся ликвидацией польского масонства. Собранные стараниями целых поколений крупные масонские капиталы получили теперь совершенно неожиданное назначение. Часть их была употреблена на нужды учрежденного по мысли Новосильцева «центрального бюро полиции для Варшавы и Царства Польского», а другая перешла к самому Новосильцеву и его сотрудникам в деле гибели польского масонства. В Царстве Польском масонские архивы, декорации и знаки были конфискованы. В Литве не ограничились конфискацией. Виленский генерал-губернатор Римский-Корсаков распорядился «истребить» масонское имущество так, «чтобы и памяти о нем не осталось». Во исполнение этого приказа 25 апреля 1823 г. были сожжены в

Проф. Людовик Осинский, мастер ложи варш. Изис, член Великого польского Востока (Румянц. музей)

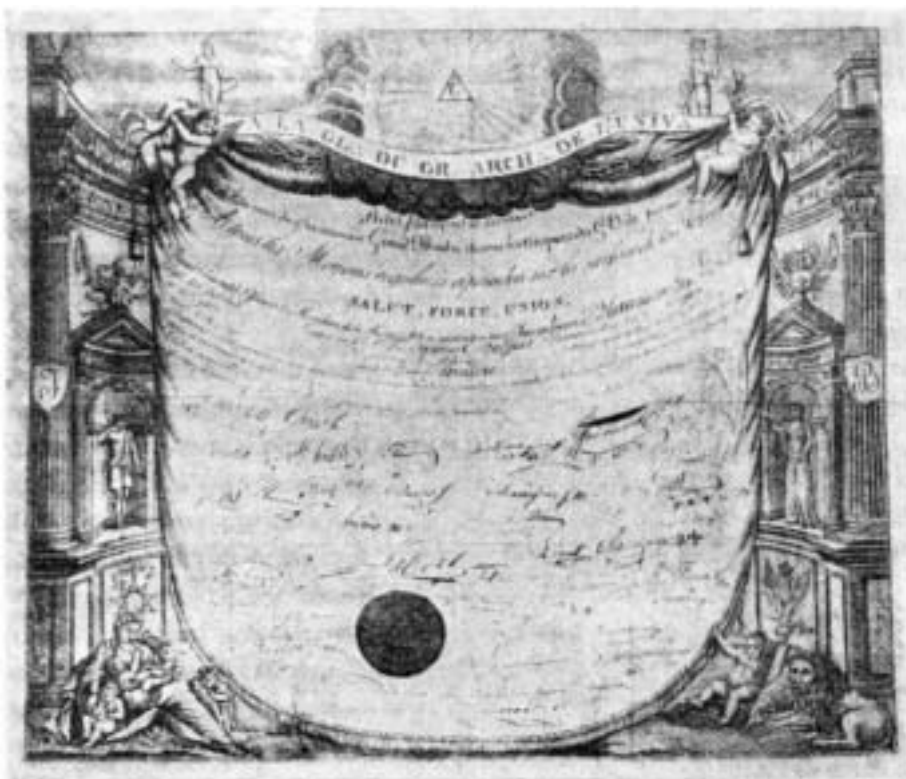
Вильне в присутствии полиции подсвечники, звезды, мертвые головы и другие ритуальные предметы и декорации.

Указ о закрытии польского Великого Востока не поколебал ни нравственного, ни общественного значения масонов, но он придал их деятельности то направление, опасением перед которым был вызван. Туманные национальные цели Лукасинского с роковой неизбежностью вскоре смелись жаждой активной деятельности, активного освобождения родины. Польский масон, первым приучившийся в XVIII в. свободно мыслить, в XIX первым пожелал свободно жить. Мирные масонские организации, вызванные к жизни потребностью защититься от посторонних влияний новые завоевания пытливого человеческого мысли и преследовавшие лишь культурные, просветительские и филантропические цели, постепенно уступили место обществам, задававшимся целями политического освобождения родины.

И. Рябинин

«Мопс». Собака – эмблема верности,
из книги «Мопс без ошейника и без ушей, или Свободное и точное
изображение таинств общества, именуемого мопсом»

Масонский диплом
(собрание Д.Г. Бурлыгина)

Масонство в Северо-Американских Соединенных Штатах

I. Колониальный период

В северо-американских колониях Англии масонство появилось, по-видимому, вскоре после первых успехов его среди великосветского общества метрополии — в 20-х гг. XVIII столетия. Документальных сведений об американском масонстве той эпохи, правда, не сохранилось, но в 1730 г., печатая в своей «Пенсильванской газете» отчеты о собраниях лондонских масо-

нов, *Вен. Франклин* мог уже сослаться на существование «в здешней колонии (то есть в Пенсильвании) многих масонских лож» и на «большой интерес, проявляемый к ним со стороны публики». Именно в этом году появился в Америке и первый «Провинциальный Гроссмейстер» (для провинций Нью-Йорка, Нью-Джерси и Пенсильвании) в лице жившего в Англии сына Нью-Джерсийского губернатора Даниеля Кокса (Coxe). Грамота Великой Лондонской ложи, утверждавшая его в этом звании, практического значения, однако, не имела — следов фактической деятельности Кокса в качестве шефа американского масонства нигде не сохранилось, и все, что мы знаем о нем как о масоне, сводится к тому, что в 1731 г. он присутствовал на собрании Великой Лондонской ложи, где в честь его был выпит тост за «Провинциального Гроссмейстера Северной Америки».

Более серьезное значение имели грамоты, выданные в 1733 и 1734 гг. бостонцу Генри Прайсу (Price), первая — на звание «Провинциального Гроссмейстера Новой Англии и всех относящихся к ней владений и территорий», а вторая — на звание «Гроссмейстера всей Америки» (of all America). Сохранились два письма, написанные Прайсу Франклином после того, как он узнал об этом назначении. В одном из них, имеющем официальный характер, он просит выслать в Филадельфию копии полученных Прайсом грамот и утвердить привилегии пенсильванских масонов; в другом, частном, письме он просил его лично приехать в Филадельфию, где несколько «ложных и мятежных братьев» собираются в противовес «истинным братьям» учредить свою отдельную ложу, «чтобы за кружку пунша раздавать там масонство». «Цех, — писал Франклин, — потеряет среди нас весь свой престиж, если истинные братья не получают никакой поддержки и не будут отличены от остальных достаточно авторитетной для этого властью».

«Привилегии пенсильванских масонов», об утверждении которых хлопотал перед Прайсом Франклин, заключались в существовании в Филадельфии независимой от Лондона Великой ложи, учрежденной здесь при деятельном сотрудничестве Франклина, в 1731 г. Франклин познакомился с масонством, по-видимому, еще в 1725—1726 гг. во время путешествия в Лондон, когда ему было всего девятнадцать лет. Вступить в масонство он в

это время еще не мог, так как для этого требовался по уставу 25-летний возраст, и потому по возвращении в Америку он основал, по образцу масонства, свое собственное тайное общество: «Клуб кожаного передника» (Leather Apron Club) — зародыш будущего «Книгоиздательского» и «Философского американского общества». В масонство он был принят в Филадельфии в 1731 г. и сразу стал играть в учрежденной в этом году Великой ложе выдающуюся роль: немедленно по вступлении в масонство он сделался ее «депутатом-Гроссмейстером» (заместителем Гроссмейстера), в следующем году он составил для нее первый в Америке масонский устав (by-laws), а в 1734 г. был выбран Гроссмейстером.

В чем заключалась деятельность «ложных и мятежных братьев», о которых Франклин писал в 1734 г., и кто они были, неизвестно, но три года спустя в Филадельфии, действительно, произошло событие, едва не повлиявшее очень печально на судьбу пенсильванского масонства. Некий Эвон Джонс, аптекарь по профессии, решил в компании с несколькими приятелями, как и он, не имевшими никакого отношения к масонству, разыграть шутку над своим учеником Даниилом *Ризом* — поклонником оккультизма, мечтавшим непременно вступить в масонство, чтобы узнать его «страшные тайны». Шутники представились Ризу масонами и предложили «вступить в ложу». Тот, не подозревая обмана, немедленно согласился. Его привели с завязанными глазами в погреб аптекаря и, заставив проделать разные циничные и фантастические обряды, объявили «посвященным в ученики». Через несколько дней началось «посвящение в мастера». На этот раз шутка закончилась трагедией: «дьявол», украшенный коровьими рогами и хвостом и державший в руках блюдо с зажженным спиртом (очевидно, «адский огонь»), нечаянно опрокинул его на Риза и причинил ему смертельные ожоги. Джонса и соучастников его арестовали и предали суду как убийц. Великая ложа Пенсильвании при самом начале процесса заявила через местные газеты о непричастности масонства к этому делу, но в обществе быстро распространились противоположные слухи. Особенно постарался конкурент «Пенсильванской газеты», издатель «Американского Меркурия» Бредфорд: он уверял читателей, что «убийцы Риза» были подлинными масонами, что

«посвящение» его совершалось по настоящему масонскому ритуалу и что сам Франклин, при свидетелях, обменивался с ним масонскими знаками после того, как тот был «принят в ученики». Франклин ответил на инсинуации спокойной и обстоятельной статьей в «Пенсильванской газете», но она вызвала только новые нападки со стороны Бредфорда: масонские ложи он попросту обзывал теперь на страницах «Меркурия» «шайками воров и убийц».

Темные слухи о масонских преступлениях дошли и до родителей Франклина, живших в Массачусетсе. Мать в ужасе оплакивала гибель сына, попавшего в сети «ариан и арминиан». В письме, адресованном отцу по этому поводу, Франклин уверял его, что «масоны — самые безобидные люди, ни в принципах, ни в поступках которых нет ничего противного религии и добрым нравам», и просил свою мать «приостановить ее приговор над масонами, пока она не узнает их лучше»: «А пока, — писал он, — пусть она относится к ним доброжелательно, как я отношусь к ее недругам арианам и арминианам, о которых мне так же мало известно что-либо, как и ей о масонах».

Присутствие в американских ложах людей вроде Франклина не могло, конечно, в отдельных случаях не влиять на характер их деятельности; в просветительном движении 40-х гг. (XVIII в.) в Пенсильвании масоны играли, например, очень видную роль: противники бесплатных народных школ (free schools) сам их проект называли масонским, а в комитете по устройству Коллежа, организованном в 1749 г. в Филадельфии под председательством Франклина, приняли участие почти все члены Великой Пенсильванской ложи. Однако в общем, если судить по дошедшим до нас книгам масонских протоколов (minute-books), — древнейшие из которых относятся к 1749 г. — деятельность американских масонов едва ли многим отличалась в это время от деятельности современных им английских «братьев»: «работа» и тех и других заключалась главным образом в организации банкетов и праздников, в приеме новых членов и в распределении пособий для бедных братьев.

В 1755 г. в Филадельфии состоялось торжество освящения масонского дома — первый случай освящения здания по масонским обрядам. В публичной процессии, двигавшейся из ложи в

церковь Христа (Christ-church) «для выслушания божественной службы», приняли участие сам губернатор провинции и 127 членов трех пенсильванских лож, в числе которых находился в должности «товарища Гросмейстера» (Deputy-Grand Master) Великой ложи и Вениамин Франклин.

На родине масонства, в Великобритании рост его совершался, как известно, вокруг нескольких центров: вслед за первой Великой ложей 1717 г. возникли новые Великие ложи: Великая ложа Ирландии (1725), Великая ложа Шотландии (1736) и, наконец (в 1751 г.), Великая ложа так называемых «старых масонов» в Лондоне (см. в том 1 статью «Происхождение масонства и английское масонство XVIII века»). Это расслоение масонства нашло отголосок и в американских колониях: наряду со старыми английскими ложами здесь появились шотландские и ирландские ложи, а также английские ложи «старого устава», не признававшие авторитета первой Великой Лондонской ложи. Наконец, вместе с английскими войсками (во время французских и индейских войн) приезжали в Америку и странствующие военные ложи, тоже большей частью «старого устава». Все эти новые ложи выгодно отличались от прежних своей большей демократичностью и доступностью, тогда как ложи «новых» ограничивали свой состав почти исключительно пред-

Франклин

ставителями высшего света, ложи «старых» масонов охотно открывали двери простым офицерам, морякам, купцам средней руки и даже ремесленникам; новая Великая ложа в Лондоне с гораздо меньшей щепетильностью раздавала свои патенты (warrants), чем это делала ее старшая современница. Немудрено, что при первом появлении в Америке «старое» масонство стало получать над «новым» решительный перевес. Оно обгоняло его своим ростом: многие ложи «новых» меняли свой ритуал или закрывались по мере того, как весь их состав переключивался к «старым».

По примеру «новых» и «старые» масоны заботились об организации в Америке своих центров. В 1757 г. Великая ложа Шотландии назначила офицера одного из квартировавших в Новой Англии полков «Провинциальным Гроссмейстером всех находящихся в Америке лож». В 1750 г. мастера и надзиратели Квебекских (в Канаде) военных лож выбрали из своей среды «Провинциального Гроссмейстера Квебека». В 1769 г. ложа св. Андрея (Шотландского) и три военные ложи организовали в Бостоне, с согласия Великой Шотландской ложи, «Провинциальную Великую ложу», получившую в 1782 г. название «Великой ложи Массачусетса». Гроссмейстером ее был выбран знаменитый американский патриот и политический деятель Массачусетса *Джозеф Уоррен* (Warren), причем в 1772 г. власть его, в силу выданного ему Великой Шотландской ложей патента, была распространена на весь Американский материк.

В Пенсильвании «Великая Провинциальная ложа» «старых» была организована в 1760 г. Первым Гроссмейстером ее был богатейший землевладелец Пенсильвании *Уильям Болл* (Boll), незадолго до того переключившийся к «старым» масонам от «новых». Посвящение Болла в должность Гроссмейстера состоялось, впрочем, лишь в 1764 г., после получения соответствующего патента от Великой ложи Англии («старого устава»). Современное описание этой церемонии принадлежит к числу древнейших и интереснейших масонских документов этого рода. Она происходила вечером в таверне Иеремии Смита: посередине комнаты с прокопченными табаком стенами и с полом, усыпанным свежим песком, стоял пьедестал с «великим светом»; вокруг него в должном порядке расположились облеченные в знаки своего до-

стоинства все «офицеры» ложи и простые братья; процессия с атрибутами ложи — государственным мечом, Книгой конституций, «великим светом» и прочими — трижды обошла комнату в начале посвящения и трижды при окончании его, после чего Великий секретарь «по приказу Великого мастера Рутерфорда» провозгласил брата Уильяма Болла «Великим мастером Древних Йоркских масонов провинции Пенсильвании».

60-е гг. XVIII в. были началом национального пробуждения американских колоний и их конфликта с европейской метрополией. Темп общественной жизни поднимался; общество распалось на партии — на роялистов и патриотов, на верноподанных английского короля и сторонников местной свободы. Это партийное расслоение проникало и в среду масонов, углубляя черту различия между ложами «старых» и «новых»: последние основались большей частью в руках роялистов, первые, более демократические, наполнялись американскими патриотами.

Перед началом революции в Америке числилось восемь Великих лож: три уже известные нам (две в Массачусетсе и одна в Пенсильвании) и другие пять в Нью-Йорке, в Вирджинии, в Джорджии и в обеих Каролинах. Во всех почти колониях конкурировали различные ритуалы, перекрещивались влияния различных центров. В Вирджинии, например, до возникновения там местной Великой ложи (1777) масонские ложи основывались и по хартиям Массачусетской Великой ложи «новых», и по хартиям Пенсильванской ложи «старых», и по хартиям Великой Шотландской ложи. В одной из этих последних (шотландских)

Герцог Филипп Уартон,
Великий мастер, 1723.

лож, основанной в 1752 г. в маленькой деревушке Фредериксбурге, был принят в масонство (4 ноября 1752 г.) молодой майор королевской армии, будущий герой освободительной войны Джордж Вашингтон.

II. Эпоха революции и организации союзного правительства

Члены масонских лож принимали в американской революции самое деятельное участие. Достаточно сказать, что почти весь командующий состав американской армии, начиная с главнокомандующего и кончая низшими офицерскими чинами, принадлежал к числу масонов. Масонами были также все почти выдающиеся политики этого времени — Джеймс *Отис*, Самуил *Адамс*, Джозеф *Уоррен*, Джон *Маршал* и другие, — равно как и большинство народных представителей, подписавшихся под Декларацией независимости в 1776 г. и под Союзной конституцией 1787 г. Современные американские масоны с гордостью вспоминают, что во время знаменитых событий с Бостонской партией чая (ноябрь 1773 г.) помещение ложи св. Андрея в таверне «Зеленого Дракона» играло роль «гнезда, в котором высиживались патриотические заговоры», и что именно оттуда получили свои индейские костюмы большинство расправлявшихся с чаем «сынов свободы»: в книге протоколов ложи за этот день стоит лаконичная запись: «Братья отдали свое время получателям чая» (*consignees of Tea took the brethren's time*), а на полях — несколько раз написана заглавная буква Т (Tea — чай).

Медаль в честь Вашингтона

Наряду с патриотическими выступлениями «старых» масонов многие «новые» масоны столь же активно выступали в качестве лояльных английских подданных. Бывший соратник Франклина по Великой Пенсильванской ложе 1731 г. *Уильям Аллен* на собственные деньги оборудовал, например, для английской армии полк солдат. Столь же «непатриотично» вели себя и массачусетские «новые» масоны с Гроссмейстером Джоном Роу (Rowe) во главе. Британские власти хорошо понимали различие между патриотическими и верными Англии ложами: во время британской оккупации Филадельфии (сентябрь 1777 г. — июль 1778) помещение ложи № 2, члены которой отличались своим патриотизмом, было разгромлено солдатами, и вся принадлежащая ей утварь (jewels), одежды и книги — похищены, тогда как ложи № 3 и № 4 продолжали спокойно собираться, и многие офицеры британской армии были приняты в их состав.

Факты эти, свидетельствующие о деятельном участии в политических событиях той эпохи многих американских масонов, не доказывают еще участия в них масонства как организации. Мы не только не имеем сведений о политической деятельности масонских лож того времени, но немногие относящиеся сюда документы говорят косвенно за то, что ее и не было. Приведенная выше отметка бостонской книги протоколов о том, что братья ложи св. Андрея были заняты уничтожением чая, говорит столько же о патриотическом рвении ее членов, сколько о бездеятельности или ослабленной деятельности самой ложи: братьям было в это время не до масонских собраний. В книгах протоколов многих американских лож имеются пробелы, падающие как раз на революционный период: самая деятельная из бостонских лож, основанная в 1770 г. по хартии Гроссмейстера Джозефа Уоррена, ложа «Массачусетса», не собиралась, например, с февраля 1775 до декабря 1778 г., очевидно, потому, что члены ее были слишком поглощены политикой; в Филадельфии ложа № 2 не собиралась с июня 1777 до ноября 1778 г.

Первым случаем официального манифестирования «старым» масонством своих патриотических чувств была процессия, организованная в 1778 г. Великой Пенсильванской ложей по случаю приезда в Филадельфию Вашингтона. Она была приурочена к ежегодному масонскому празднику 27 декабря (день апостола

Иоанна), но по случаю воскресенья, ввиду отсутствия в этот день свободных церквей, перенесена на следующий день. Со времени освящения в 1755 г. масонского дома это было первое в Филадельфии публичное шествие масонов. К Вашингтону заблаговременно явилась депутация от пенсильванских лож, вручившая ему приветственное письмо и приглашение принять участие в процессии: «Его Превосходительство, — докладывали затем депутаты в Великой ложе, — изволил выразить свою признательность и ответил полным согласием». «К девяти часам утра, — писала местная газета, — в здании Коллежа собралось около 300 братьев. В 11 часов они правильной процессией двинулись к церкви Христа для присутствия на божественной службе. Порядок процессии был следующий: 1) меченосец, 2) два диакона (diacons) с голубыми жезлами, увитыми золотом, 3) дорическая, ионическая и коринфская колонны, несомые тремя братьями, 4) Святая Библия и Книга конституций, несомые на бархатных малиновых подушках Великим казначеем и Великим секретарем, 5) брат из духовенства (Reverend Brother), 6) четыре диакона с жезлами, 7) Его Превосходительство славный брат (illustrious brother) Джордж Вашингтон, эсквайр, поддерживаемый Гроссмейстером Уильямом Воллом и его депутатом, 8) великие надзиратели с колоннами, 9) бывшие мастера различных лож, 10) действительные мастера лож, 11) старшие надзиратели лож, 12) младшие надзиратели, 13) секретари, 14) казначей, 15) оркестр музыки брата Проктора, 16) приезжие братья, 17) члены различных лож попарно и по старшинству. Процессия вступила в церковь, и братья расселись на приготовленных для них посередине церкви скамьях. Священник Г. Уайт прочитал молитвы, и братья под аккомпанемент органа и других музыкальных инструментов пропели антифоны, начинавшиеся словами «красно есть жити, братие, вкупе». Затем достойнейший брат священник Уильям Смит произнес приносившую к случаю превосходную проповедь на текст из 1-го послания апостола Петра («Како свободнии, и не употребляющие свободу для прикрытия зла; како рабы господни»). По окончании службы, под звуки оркестра, игравшего масонские гимны, и под музыкальный перезвон церковных колоколов процессия в прежнем порядке вернулась в Коллеж. Новые костюмы братьев, дра-

гоценная утварь лож и знаки достоинства на всех офицерах составляли в высшей степени живописное зрелище». Из Коллежа братья разошлись по отдельным ложам, и там состоялся, по-видимому уже без участия Вашингтона, их годичный банкет.

Летом следующего года — в день Иоанна Крестителя 24 июня — состоялось второе масонское торжество с участием Вашингтона, на этот раз уже при армии, стоявшей лагерем в штате Нью-Джерси. Организатором праздника была военная ложа Коннектикутской «линии»¹⁶⁶ «Американский Союз» (American Union Lodge), но участие приняли в нем и другие военные ложи. «По окончании

торжества, — рассказывает современный отчет, — Его Превосходительство брат Вашингтон в сопровождении секретаря и надзирателей ложи прошел через толпу братьев к реке и спустился в свой катер при звуках музыки, игравшей «Боже, храни Америку». Когда катер отчалил, с берега раздалось троекратное ура, на которое ответило троекратное ура с катера. Музыка играла Гренадерский марш»...

По мере того как с успехами американского оружия Вашингтон все более становился в глазах американских патриотов центральной фигурой, он привлекал к себе внимание и американских масонов. С 1779 г. на всех масонских банкетах вошло в обычай провозглашать тост за «генерала Вашингтона», многие ложи посылали ему приветственные письма и выбирали его своим почетным членом; вновь возникавшие ложи принимали его имя. Первый после вступления Вашингтона в президентскую должность годичный праздник масонства (27 декабря) был отпразд-

Георг Вашингтон в 1752 г.

нован им с особой торжественностью: в масонском письме, отправленном Вашингтону, он прославлялся как «Великий мастер-строитель, воздвигший на Западе Храм Свободы». Соответствующим масонским письмом был отмечен в 1796 г. и уход Вашингтона от политической жизни.

Целый ряд масонских церемоний был организован в 1800 г. по случаю смерти Вашингтона. Не довольствуясь официальным участием масонских лож в общегородской траурной церемонии, организованной в Филадельфии 26 декабря 1799 г. в силу постановления союзного конгресса, пенсильванские масоны организовали в память Вашингтона и собственные собрания, и процессии. 1 января 1800 г., в зале, увешанной черными материями, около катафалка с масонскими и военными гербами Вашингтона состоялось траурное заседание (*lodge of sorrow*) французской ложи *Amenite*. «Зала была полна, — рассказывается в современном отчете. — Несколько минут царило торжественное молчание, а потом Почтенный мастер (*Worshipful Master*) воскликнул с Востока: “умер брат Вашингтон”. “Умер славный брат Вашингтон”, — отвечали ему Юг и Запад. Затем начались речи, прерывавшиеся рыданиями ораторов и слушателей... Весь день помещение ложи было открыто для посторонних посетителей, а по просьбе многих уважаемых граждан открывалось еще и в субботу 4 января от 10 до 4 часов дня»... 24 февраля в Филадельфии состоялась общественная траурная процессия с участием 11 пенсильванских лож. В процессии несли гроб, покрытый черным сукном, потушенные светильники и все принадлежности масонских лож, обвернутые крепом; 11 февраля подобная же церемония состоялась в Бостоне.

Реликвии Вашингтона до сих пор хранятся в различных ложах Америки: в Массачусетской Великой ложе в особой золотой шкатулке хранится клочок его волос; Фредериксбургская ложа как святыню хранит у себя Библию, на которой присягал в 1752 г. Вашингтон при своем вступлении в масонство...

С превращением американских колоний в независимые Штаты для американских масонов встал вопрос о продолжении или прекращении формальной зависимости их лож от Великой Лондонской ложи. Большинство решало его в последнем смысле, то есть требовало признания американского масонства неза-

висимым и великих американских лож — равноправными с Великой английской. Первой стала на этот путь Великая Массачусетская ложа. После того как Гроссмейстер ее Джозеф Уоррен погиб в 1775 г. в сражении при Бэнкер Хилле, его преемник Джозеф Вебб принял звание «Гроссмейстера старого масонства в Массачусетсе», не согласовав этого с Великой ложей Англии. Официальное отделение других Великих лож последовало несколько позднее, но фактические связи их с лондонскими центрами порвались с самого начала освободительной войны.

Уоррен

Одновременно поднимался вопрос и об объединении американского масонства под властью общеамериканского Генерал-Гроссмейстера, на должность которого предназначался, разумеется, Вашингтон. Вопрос об этом был поднят в декабре 1779 г. одновременно Великой Пенсильванской ложей и военной ложей «Американский Союз» на ее годовом банкете 27 декабря. В начале следующего года Великая ложа Пенсильвании постановила на своем чрезвычайном собрании обратиться ко всем Великим ложам Америки с предложением приступить, ввиду прекращения зависимости их от Лондонской ложи, к выбору американского Генерал-Гроссмейстера. Такое же предложение вышло от комитета военных лож, собравшегося 7 февраля в Морристауне. В письме, обращенном от имени комитета ко всем Гроссмейстерам американских лож, предлагалась организация *Великой ложи Америки* под председательством «почтеннейшего (Most Worshipful) Гроссмейстера», утвердить которого должна

была впредь до окончательной организации общеамериканской Великой ложи «Великая Материнская ложа в Европе». Под письмом подписались представители «Штаба американской армии», ложи «Коннектикут», ложи «Американский Союз», «Нью-Джерси», «Пенсильвания», «Массачусетская бухта», «Вашингтон № 10», «Артиллерия», «Полк Св. Иоанна» и «Нью-Йорк».

Проект подобного же письма составлялся в марте 1780 г. и в бостонской ложе «Массачусетс».

Особенно оживленная переписка завязалась по этому поводу между Великими ложами Пенсильвании и Массачусетса. Она окончилась, однако, ничем: Массачусетская ложа, с самого начала настроенная недоброжелательно к предложению пенсильванцев, отвечала сперва уклончиво, а потом, в начале 1781 г., прекратила даже переговоры. Неудача этой и других таких же попыток не остановила, однако, слухов о признании Вашингтона общеамериканским Гроссмейстером: масонская ложа в Сан-Доминго (о. Гаити) прислала ему в 1786 г. прошение об утверждении ее прав, а в Пенсильвании в 1797 г. была отчеканена в его честь медаль с инициалами G. W. G. G. M., George Washington General Grand Master (Джордж Вашингтон, Генерал-Гроссмейстер).

Объединение Великих американских лож не состоялось, но быстро совершался другой процесс — образование во всех штатах собственных Великих лож и прекращение зависимости американского масонства от Англии. В 1782 г. в штате Нью-Йорк, находившемся до войны в ведении Великой ложи «новых», организовалась независимая Великая ложа в составе девяти частных лож: одной ирландской, одной шотландской и семи английских «старых». В 1786 г. Провинциальная Великая ложа Пенсильвании приняла звание «Почтеннейшей (Right Worshipful) Великой ложи франкмасонов Пенсильвании и всей относящейся к ее юрисдикции масонской территории».

В 1790 г. в Соединенных Штатах было уже 13 независимых Великих лож — по две («старых» и «новых») в Массачусетсе и Южной Каролине и по одной в Пенсильвании, Нью-Йорке, Вирджинии, Нью-Джерси, Мэриленде, Северной Каролине, Джорджии, Нью-Хэмпшире и Коннектикуте. Борьба двух американских масонств после войны постепенно улеглась. В большинстве штатов «новое» масонство исчезало, в некоторых

(как, например, в Массачусетсе в 1792 г.) оба масонства мирно сливались в одну организацию, и только в Южной Каролине их соперничество пережило XVIII в. и продолжалось даже после официального объединения масонства в Англии (в 1813 г.).

О характере организационного разрыва американских лож с английскими можно судить по переписке Пенсильванской Великой ложи с Великими ложами Англии. Немедленно по принятии ею нового титула она отправила в Лондонскую Великую ложу «старых» официальное извещение о совершившейся перемене: «Великому Мастеру всех человеческих судеб угодно было, — писали пенсильванцы, — прекратить политическую связь, соединявшую наши страны, в момент получения нами от вас учредительной грамоты и превратить нашу страну из зависимой провинции в самостоятельное государство. Люди, чуждые нашему ордену и незнакомые с его учреждением, готовы приписывать ему самые недостойные намерения. Вследствие этого здешние братья, не желая давать повода оскорблять себя под тем предлогом, что они продолжают признавать над собой авторитет иностранного учреждения, и выполняя долг перед охраняющим их правительством, решили не считать себя впредь

Храм Соломона
(гравюра)

провинциальной ложей»... Разрыв американского масонства с английским не был, таким образом, проявлением враждебных чувств и диктовался соображениями простого политического такта. Правда, Великая Лондонская ложа «новых», куда после двухлетнего блуждания было доставлено по ошибке это письмо, не одобрила соображений пенсильванских масонов и в ответном послании указала им, что масонство — эта «прекрасная всемирная система филантропии» — должно стоять в стороне от всяких политических и религиозных событий и «отнюдь не делать из них повода для разногласий в своей среде», но зато Великая ложа Англии («старых»), к которой, собственно говоря, и было адресовано письмо пенсильванцев, вполне одобрила их шаги и высказала радость по поводу восстановления отношений с Великой Пенсильванской ложей. Ответ ее пришел в Филадельфию лишь в декабре 1792 г.

Еще в колониальный период в Америку проникли, наряду со старым, также «шотландское» (рыцарское) и еще какое-то «тайное» масонство. О тайных ложах в Филадельфии упоминается в одной масонской книге (minute book) еще в начале 50-х гг., а в уставе (By-laws), полученном в 1756 г. из Англии одной пенсильванской ложей, имелся особый параграф, устанавливавший специальные взносы для поступающих в ложу «тайных» масонов. Из одного документа 1783 г. (рекомендательное письмо в одну пенсильванскую ложу, предлагающее принять в нее трех лиц, «как очень полезных для борьбы с успехами тайного масонства») видно, что это «тайное» масонство находилось в довольно враждебных отношениях с регулярным. В 90-х гг. XVIII в. оно состояло, по-видимому, в связи с радикально демократическими и рационалистическими кружками, возникавшими в Америке под влиянием идей, приходивших из революционной Франции. В 1798 г. некий отец (Reverend) Г. В. *Снайдер* (Snyder) прислал Вашингтону книгу *Джона Робинзона* относительно «Заговора против правительства и религии», и в письме, приложенном к книге, просил его «предупредить ужасный план развращения, идущий из английских лож». В ответном письме Снайдеру Вашингтон, оговаривая, что он не состоит председателем масонских лож, как это думал Снайдер, высказывает вместе с тем убеждение, что ни одна из них не заражена ядом тех принципов, которые распрост-

ранены в обществах иллюминатов. «Я отнюдь не сомневаюсь, — писал он, — в самом факте распространения в Соединенных Штатах доктрины *иллюминатов* и принципов *якобинства* — никому этот факт не известен так хорошо, как мне, — но я не думаю, чтобы наши франкмасонские ложи, как организации, обнаруживали расположение к дьявольским идеям первых и к гибельным принципам вторых, если только их можно отделить друг от друга»... Что касается рыцарского, или «шотландского», масонства, занесенного в Америку из Франции и Германии, то первое упоминание о нем относится в Америке к 1709 г.: в Бостоне существовала в это время «*Ложя Королевской Арки*», допускавшая в своей среде посвящение в «*Рыцари Храма*». В июне 1781 г. в Филадельфии состоялось заседание «*Великого Капитула*» «великих, избранных, совершенных и высоких масонов, рыцарей, князей и инспекторов масонства». На нем присутствовали, наряду с различными «рыцарями Солнца» и «князьями Иерусалимскими», «*Депутаты — Великие инспекторы*» Пенсильвании, Северной Каролины, Джорджии и Нью-Джерси. Главным актом этого собрания было издание патента, утверждавшего филадельфийского купца Авраама Фроста «Товарищем Великого инспектора (Deputi Grand Inspector) Виржинии». Документ этот, древнейший из дошедших до нас документов этого рода, начинался следующими словами:

*Телесная крепость, Стойкость и Сила.
Во Славу Великого Архитектора Мира.*

Lux ex Tenebris (Из мрака свет).

«От Востока Великого и Могущественнейшего Совета доблестных князей и Высоких Масонов Королевской Тайны... под Небесным покровом Зенита на 39° северной широты.

Нашим славнейшим и доблестнейшим рыцарям и князьям Свободных, Принятых и Совершенных масонов всех степеней и по всему пространству обоих полушарий. Мы, Моисей Хайс (Hays), Великий, Избранный, Совершенный и Высокий масон, рыцарь Востока и князь Иерусалимский... Депутат-Генерал, Инспектор всех лож, Капитулов, Советов и Великих Советов

Шотландское масонство. Лондонская ложа.
(Библ. Дмитриева в Моск. ун.). 1788 г.

высших степеней Древних и Новых Франкмасонов по пространству обоих полушарий, по патенту Великого Совета князей масонов... удостоверяю» и т.д.

В 1785 г. «Высокая ложа Совершенства» торжественно освящала в Филадельфии свое собственное здание. В устроенной по этому

поводу публичной процессии приняли участие все масонские ложи города. В числе тостов, предложенных на банкете, был выпит тост и «за нареченного (intended) Гроссмейстера Америки возлюбленного брата Джорджа Вашингтона»).

Ритуал «Древнего и Принятого Шотландского Чина» (The Ancient and Accepted Scottish Rite) был окончательно организован в Америке на съезде 1801 г., в Чарльстоне (Ю. Каролина)...

III. Антимасонское движение 20-х гг.

Рост и развитие американского масонства были резко остановлены в конце 20-х гг. вспышкой антимасонского движения, нашедшего благоприятную почву в политических условиях момента. 20-е гг. были в истории Соединенных Штатов эпохой широкого демократического движения, пробуждения народных масс к политической жизни. Перед союзной Республикой стоял целый ряд сложных вопросов, на каждом из которых сталкивались непримиримые интересы различных штатов и различных классов общества. Намечалось образование двух первых демократически организованных общеамериканских партий: буржуазной «национально-республиканской» партии, ставившей главной своей целью расширение финансовых и строительных предприятий союзного правительства, и демократической,

Джексоновской партии, настроенной враждебно против растущей силы денежного мешка и видевшей опору народных интересов во власти демократического президента. Напряженная общественная борьба разгоралась особенно в западных, то есть Зааллеганских штатах (расположенных по течению Миссисипи и ее притоков),

Компас мудрецов, 1782 г.

становившихся главной опорой национального экономического могущества, а штат Нью-Йорк, служивший мостом между Востоком и Западом, превращался в главную арену всех политических и экономических столкновений. Здесь, в западных графствах штата, вспыхнуло в конце 20-х гг. и антимасонское движение, своими косвенными результатами отразившееся на политической жизни всей страны.

Две партии боролись в это время в штате Нью-Йорк. Во главе их стояли кандидаты на губернаторский пост Де-Витт Клинтон, ярый сторонник будущего президента республики Джексона, и Уильям Рочестер, сторонник его главного конкурента Квинси Адамса.

Как раз перед губернаторскими выборами 1826 г. в одном из западных графств Нью-Йорка случилось событие, всполошившее все местное население: бесследно пропал некий Уильям Морган, только что выкупленный своими друзьями из долговой тюрьмы в местечке Канандайгви. Так как всем местным жителям было известно, что незадолго перед тем Морган поссорился с местными масонами и готовился опубликовать в печати их пароли и «тайны», то немедленно возникло предположение, что он убит именно ими. Образовались добровольные «комитеты наблюдения» (*vigilance committees*), поднялась агитация в печати, возник формальный процесс против группы местных масонов. Следствие установило, что лица, освободившие Моргана из тюрьмы, были действительно членами масонской ложи и что они отвезли его к

Ниагарскому форту, где он и жил некоторое время, спрятанный в пустом амбаре. Дальше показания расходились: обвиняемые утверждали, что они спрятали Моргана и затем тайно переправили его в Канаду с его собственного согласия, так как он хотел отделаться от эксплуатирующих его соиздателей «Иллюстраций масонства» (так называлась готовившаяся к печати книга Моргана); свидетели же обвинения уверяли, что Моргана схватили насильно и что он погиб в Ниагаре, куда его бросили скованным цепью. «Труп Моргана» искали все лето по дну Ниагары и озера Онтарио, но поиски оказались безрезультатны: факт убийства Моргана так и не удалось установить. В январе 1827 г. обвиняемые были приговорены к тюрьме «за насильственное держание человека взаперти и тайный увоз за границу».

Общественное возбуждение на этом, однако, не остановилось. Агитация против масонов продолжала расти и принимала политический характер, так как противники Клинтона (только что победившего своего соперника на губернаторских выборах) старались использовать «дело Моргана» в партийных целях. В газетных статьях, памфлетах и публичных речах они утверждали, что «убийство» (ибо продолжали говорить об убийстве) является делом не местных масонов, а всей масонской организации, и что главным вдохновителем его был не кто иной, как сам губернатор Клинтон — Гроссмейстер Нью-Йоркской Великой ложи и член Главного Капитула (General Grand Chapter) высших масонских степеней. Появились нелепые и чудовищные слухи о масонских обрядах, клятвах и преступлениях, тем более легко принимавшиеся на веру, что до сих пор большинство провинциального населения ничего о масонах не слыхало и вовсе ими не интересовалось. По выражению историка этого времени¹⁶⁷, общественное возбуждение было таково, что «во всякой менее свободной стране оно непременно бы приняло форму правовых насилий».

Здесь дело ограничилось злобной газетной полемикой, шумными митингами и борьбой у избирательных ящиков.

В октябре следующего года, к вящему изобличению масонов, в озере Онтарио, в 40 милях от места предполагаемого убийства было найдено наконец и «тело Моргана»; так как оно оказалось, однако, телом утонувшего во время бури канадца Тимофея Мун-

Аллегорическая гравюра из книги: Vazot. Le Manuel du F. Maçon

«На кубическом пьедестале в costume Минервы стоит богиня масонства, взирая на блестящий треугольник, символ ее божественности; на ней надета лента мастера; в левой руке она держит меч, опираясь им на скрижали Закона — ветхого и нового; в правой руке богини — компас, символ ее прямоты и зеркало — символ благоразумия и истины; на челе — диадема, знак могущества; на голове корона из семи звезд — символ бессмертия. На пьедестале начертано имя Великого Архитектора Мира на священном языке и таинственные письмена J. V. M. — V. На переднем плане, как бы раздавленные пьедесталом, эмблемой масонства, различные чудовища, и среди них — Невежество, Суеврие, Плутонство, Раздор и пр. Направо поднимается Акация — символ нового масонства, и Пальма — символ масонства древнего. На заднем плане видны — справа дуб и у подножия его пещера (символ друидического масонства), слева ива и Вавилонская башня (символ халдейского масонства). Еще далее виднеются пирамиды и лотос (эмблема египетского масонства) и греческий храм (масонство греческое)».

Компас мудрецов
(Библ. Дмитриева)

ро, то его предали погребению, не давая «делу» дальнейшего хода. Тогда поднялась агитация против судей и экспертов, якобы подкупленных масонами. Тело утопленника пришлось выкапывать из могилы, и только категорическое заявление вдовы Мунро, опознавшей труп мужа, положило конец дальнейшим в этом направлении толкам.

Антимасонское движение, первоначально возникшее в двух западных графствах Нью-Йорка, быстро распространилось по всей западной части штата. Когда на парламентских выборах 1827 г. антимасоны выступили в качестве отдельной партии с требованием устранения масонов ото всех общественных и административных постов, они имели неожиданно огромный успех и собрали большинство в пяти графствах. Движение распространилось и дальше, переходя постепенно границы штата. В марте 1828 г. в Леруа собрался первый конвент «антимасонской партии» в составе делегатов от 12 западных графств, а в августе того же года новый конвент в Утике избрал партийных кандидатов на губернаторский и вице-губернаторский пост. На парламентских выборах этого года антимасоны собрали 33 тысячи голосов (около 12% всех голосов), в следующем году почти 70 тысяч и большинство в пятнадцати графствах, в 1830 г. — 130 тысяч. Успехи движения вызвали панику в масонских рядах. Дорожившие политической карьерой спешили покинуть масонские ложи; некоторые и сами принимались изобличать масонские «тайны» и увеличивать обвинительный багаж антимасонства; отступничество отдельных лиц перешло затем в повальное бегство, и ложи закрывались одна за другой. В западных графствах Нью-Йорка масонство на некоторое время исчезло совершенно и почти исчезло в остальных частях штата. Принципы масонской организации были объявлены губительными для политического равенства, опасными для свободного государства и враждебными правосудию. Губернатор *Ван-Бурен* в по-

слании к законодательному собранию 1829 г. «с сожалением констатировал», что «возмущение, вызванное моргановским делом, извратилось в сторону экономических и злых побуждений».

Начиналась агитация и в общенациональном масштабе. Главной мишенью ее становился будущий президент Эндрю Джексон, подобно Клинтону занимавший в масонской иерархии очень высокий пост. Союз Клинтона и Джексона толковался как очевидное проявление «масонского засилья».

Бегство из масонских лож началось и в соседних с Нью-Йорком штатах: Вермонте, Массачусетсе, Коннектикуте, Пенсильвании и Огайо. Массачусетская Легислатива издала специально направленный против масонов закон, грозивший уголовным преследованием «за принятие не установленной законом присяги». Следствием этого закона было полное прекращение приема новых членов в массачусетские ложи: самая влиятельная из них, уже известная нам ложа «Массачусетс» за 12 лет, начиная с 1829 г., «посвятила» одного только нового члена, да и он фактически в нее не вступил.

Становясь по преимуществу антиджексоновской партией, антимасоны сближались постепенно с «национал-республиканцами» и фактически действовали с ними заодно. В 1830 г. на губернаторских выборах в Нью-Йорке они выставили общего с ними кандидата и выдвинули в первый раз чисто политическую платформу. Все пункты ее были противоположны платформе Джексона, а один из них — лишение масонов гражданских и политических прав — специально направлялся против него.

В этом же году со стороны антимасонов была сделана попытка выступить в качестве национальной (общеамериканской) партии: в Филадельфии был созван «Национальный Конвент»

Джексон

антимасонской партии, примечательный как первый в Америке случай национального партийного конвента¹⁶⁸. Более многочисленный и уже вполне оформленный конвент партия организовала в следующем (1831) году в Балтиморе (Мэриленд) для выбора кандидата на пост Президента Республики. На выборах 1832 г. кандидат этот собрал, однако, такое ничтожное число голосов (некоторый успех он имел только в штате Вермонт), что антимасоны отказались с этих пор от мысли о собственных кандидатурах: их партия прекратила самостоятельное существование и растворилась в национально-республиканской. Из этого союза родилась вскоре новая национальная партия — «виги». В конце 30-х гг. виги одержали победу над Джексонской, или «демократической», партией и на парламентских и губернаторских выборах в штате Нью-Йорк, и при выборах Президента Республики.

При всем своем бурном и решительном характере антимасонское движение 20-х гг. оставило на внутреннем развитии и внешних успехах американского масонства лишь очень неглубокий и временный след. Паника скоро прошла, и уже в 1832 г. массачусетские масоны освящали в Бостоне свой первый масонский «храм» (место собраний). Даже в Нью-Йорке, где потери масонства были особенно чувствительны, «братья» скоро оправились от ударов: Великая ложа Нью-Йорка сделалась самой значительной из американских Великих лож как по числу подчиненных ей частных лож, так и по числу членов их и размеру территории.

Ив. Херасков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рисунки, приобретенные редакцией у госпожи Соколовой, отмечены в тексте инициалами *Т.С.*

² Очевидно, в виде награды за пожертвование и в надежде на продолжение Татищеву предоставлено было в Ордене Розенкрейцеров почетное место *приора* VIII провинции, то есть главы всех русских масонов. Такое же почетное положение в составе московской директории Ордена занимали и братья Трубецкие: князь Юрий Никитич был *деканом*, а Николай Никитич — *генерал-визитатором*, а оба эти титула стояли сразу же после *приора*.

³ Новиков и московские мартинисты, М., 1867. См. также сочинения Ешевского, т. III.

⁴ *Ibid*, стр. 364.

⁵ Лонгинов (373) приводит цифру в 462 149 руб.

⁶ Лонгинов. Новиков, стр. 353.

⁷ Записки современника, СПб., 1859, стр. 273.

⁸ Соображения об этом см. в нашей статье, напечатанной в сборнике, посвященном С.Ф. Платонову, СПб., 1910, стр. 7.

⁹ О пребывании в Лейпцигском университете см.: Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I; Мякотин. На заре просвещения; Миаковский. Годы учения Радищева, Голос минувшего, 1914, № 3 и 5 (*Ред.*).

¹⁰ Русская старина, 1896, т. XI, стр. 324.

¹¹ Записки Лопухина, Лондон, 1860, стр. 38.

¹² Они хранятся в архиве Тургеневых в Императорской академии наук.

¹³ Курсив наш.

¹⁴ См.: Модзалевский. К биографии Новикова. Письма его к Лабзину, Чеботареву и др., 1797—1895. СПб., 1913. Нельзя не быть признательным Б.Л. Модзалевскому за обнаружение таких интересных писем.

¹⁵ О Пордедже — см.: *Сакулин П.Н.* Из истории русского идеализма. Кн. В.Ф. Одоевский, т. I, стр. 422—435. Более подробное изложение «Божественной и истинной метафизики», см.: *В.Н. Губерти* Материалы для библиографии. Вып. II, 1881 г., стр. 230—263 (*Ред.*).

¹⁶ Сборник статей, посвященных С.Ф. Платонову. Статья о Кутузове.

¹⁷ Слова Лопухина из его «Записок».

¹⁸ Курсив наш.

¹⁹ Дата определяется упоминанием о покойном Шварце.

²⁰ Родовое поместье Ивана Петровича.

²¹ Более подробно о нем см. нашу статью в «Сборнике, посвященном С.Ф. Платонову» (СПб., 1910).

²² 1874 и 1896 гг. Теперь же переписка печатается, очевидно, сполна Я.Л. Барсковым и скоро появится в свете. Благодаря любезности Я.Л. Барскова нам удалось просмотреть (в корректурных листах) значительную часть этой переписки.

²³ Архив бр. Тургеневых в библиотеке Академии наук.

²⁴ *Барсков*. Переписка московских масонов с А.М. Кутузовым.

²⁵ В «Сборнике, посвященном С.Ф. Платонову».

²⁶ Более подробные сведения о И.П. Тургеневе — см. статью «Масон И.П. Тургенев» Е. Тарасова, Ж.М.Н. Пр. 1914, № 6, стр. 129–175 (*Ред.*).

²⁷ В издании его писем сказано: «Сей благочестивый муж, С.И.Г. переселился в вечность 1822 г., мая 10 дня на 79 году своей жизни» (Письма С.И.Г., кн. II, стр. 252 (*Ред.*)).

²⁸ Первое издание в 1832 г. в двух частях; второе — 3 ч., М., 1836–1839 (*Ред.*).

²⁹ Труды Общества любителей российской словесности, 1812, ч. I.

³⁰ Московитянин, 1850, № 3, стр. 74.

³¹ Соколовская. Русское масонство, стр. 96.

³² Например, в торжественной ложе «Умиряющего Сфинкса» 11 декабря 1821 г. См.: Рук. Императорской публичной библиотеки, Ф. III, № 64.

³³ Ср. «Стихи анакреонтические» С.И.Г. (Гамалея?), «Магазин Свободно-каменщический», т. I, ч. 2.

³⁴ О.С. Бобров, см. статью его друга масона М. Невзорова в «Друге юношества», 1810, № 6 и 7.

³⁵ Об этом конкордате подробнее будет изложено в статье о развитии и организации масонских лож при императоре Александре I.

³⁶ По черному полю вышиты серебряные слезы, гроб убиенного мастера с возложенною на него акацией и надписью М.В.Н.; череп и скрещенные берцовые кости, наугольник, циркуль и молоток, а также палица и масштаб. Смысл всего ковра — печаль по исчезновении истины среди людей. Возникновение предания об убийстве Великого Мастера, строителя Соломонова храма Хирама, Хирам-Абифа или Адонирама, датируется XVII или к началу XVIII в.; предание имеет несколько разносказаний, но сущность одна: возмутились ленивые, нетерпеливые и алчные подмастерья, желая не по заслугам, а силою добиться высшей заработной платы, которую выдавали только мастерам, то есть совершенным работникам. С этой целью подмастерья напали на Адонирама, дабы под угрозой смерти принудить его открыть тайну мастерского слова и прикосновения, зная которые они могли получить желанную плату. «Ибо Хирам, великий строитель Соломонова храма, имел такое множество работников, с коими должно было рассчитываться, что он не мог упомянуть всех, а потому всякой степени работников (по искусству их в ремесле) дал он особое слово и знак, дабы при плате признавать их было легче». Ударами масштаба, наугольника и молотка, а по другим вариантам — кирки, циркуля, палицы, Адонирам был убит, но не предал тайны. Акация, символ вечности, духа и добрых дел, возложена на убиенном; буквы М.В.Н. означают тленность тела, оболочки духа; мертвая голова и кости объяснялись так: «Дабы образ смерти нас не устрашал, предлагается сие печальное знамение, но чтобы мы должность свою к Ордену не полагали выше, нежели жизнь свою, которую обязаны мы жертвовать для Ордена и для благополучия и безопасности братьев». По позднейшим толкованиям, под убиенным мастером разумелись все мученики идеи.

³⁷ Кроме, конечно, издания на русском языке под титулом: «Уложение Великой масонской ложи Астреи на В. Санкт-Петербурга», 1815 г. — Братья-масоны могли получить эту книгу за 10 рублей, назначаемые на благотворительность (*Ред.*).

³⁸ См. статьи по западноевропейскому масонству, т. 1 (*Ред.*).

³⁹ См. статьи И.М. Хераскова (*Ред.*).

⁴⁰ См. статьи И.М. Хераскова — гл. «Английское масонство XVIII века (1717—1813)».

⁴¹ Я ограничиваю описание обрядов одним столетием, начиная с 20-х гг. XVIII в. и кончая 30-ми гг. XIX столетия.

⁴² В обрядах различных систем несколько изменялся порядок должностей, и даже некоторые не были общими для всех; так, отвержение гордыни в ритуалах лож Союза Великой Провинциальной ложи 1815—1822 гг. заменялось непоколебимым мужеством.

⁴³ План масонского дома: 1) вход; 2) и 3) помещения для служащих братьев; 4) вестибюль ложи; 5) приемная; 6) помещение для служителей, не посвященных в масонский орден; 7) главный двор; 8) большой зал; 9) кухня; 10) конюшни и сараи; 11) место для хранения символических предметов; 12) восточный вестибюль; 13) западный вестибюль; 14) вестибюль ложи; 15) полночь; 16) зал для ритуальных работ; 17) трапезный стол; 18) восток; 19) место для учеников; 20) место для мастеров; 21) запад; 22) полдень; 23) двор для братьев низших степеней и их работ; 24) двор для братьев высших степеней и их работ.

⁴⁴ Так называлась книга, в которую заносились биографические сведения о посвящаемых.

⁴⁵ Это разъяснение встречается в обрядниках в виде исключения, но в тайных наставлениях обрядоначальника о разъяснениях обрядов оно включено.

⁴⁶ Иногда солнцу, как и звезде, придавалось значение всеоживляющего духа; оно означало еще масонский орден и изображалось кругом с точкой в центре; луна означала еще Христа и истину.

⁴⁷ В ученической степени Библия была открыта на 1-й главе от Иоанна, в других же степенях открывались различные главы. На Библии приносилась клятва верности.

⁴⁸ См. т. 1, стр. 55 и 80.

⁴⁹ «Возмездие, Господи» (объяснение этих слов я привожу в описании священных слов степени Рыцаря Солнца, стр. 134).

⁵⁰ В некоторых обрядниках нумерация ступеней встречается другая; так, первой ступенью считается правосудие, а последней астрономия; однако приведенная мной постепенность была более принята.

⁵¹ Ж. М. н. пр. 1902, февраль, стр. 345—400 (*Ред.*).

⁵² См.: Масонство, т. 1, стр. 241—242.

⁵³ Это были — «Сокращенный катехизис» и «Руководство к чистописанию». Документы по этому делу приведены у Лонгинова. Новиков и Шварц, стр. 18—20 (*Ред.*).

⁵⁴ Документы — см.: Лонгинов. Новиков и Шварц, стр. 21 (*Ред.*).

⁵⁵ Нелепые слухи и всяческие обвинения масонства нашли себе яркое выражение в длинном стихотворении: «Изъяснение несколько известного проклятого сборища франкмасонских дел». Отрывки — см.: *Ешевский. Сочинения по русской истории*, изд. Сабашниковых, стр. 173–175. Полностью стихотворение напечатано в «Чт. Общ. ист. и др.» 71 г. (*Пед.*).

⁵⁶ Указ Сенату о воспрещении печатать в светских типографиях книги, касающиеся веры, был издан еще 23 января 1786 г., а 27 июля 1787 г. был издан указ Синоду, воспрещавший продажу таких книг: «Не продавать молитвенники и книги церковные, изданные не от Синода, и книги, касающиеся веры, Священного Писания, толкования закона или же не изданные от комиссии народных училищ» (*Пед.*).

⁵⁷ Книга, о которой идет речь, — «История об отцах и страдальцах Соловецких». Указ о допросе и обыске у Новикова см.: Рус. архив, 1866, стр. 74 (*Пед.*).

⁵⁸ Князь Николай Трубецкой и бригадир И.П. Тургенев высланы были в свои имения: первый — в село Никитовку Воронежского наместничества, второй — в село Тургенево Симбирской губернии (*Пед.*).

⁵⁹ См. статью Е.И. Тарасова «Московское общество розенкрейцеров. Второстепенные деятели масонства». (*Пед.*).

⁶⁰ Ложа мастеров представляет храм Соломона с его тремя стенами... Но храм в состоянии разрушения, со взломленными работами, с проломленными стенами, с разрушенной лестницей и колоннадой и разобранная флагом; солнце, луна и звезды в фазе затмения; окна разбиты; жертвенник и алтарь опрокинуты. Посередине гроб, окруженный слезами и девятью зажженными свечами.

⁶¹ См., например, в «Магазине Свободно-Каменщическом», стр. 132; *Ешевский. Статьи по русской истории*, изд. Сабашникова, стр. 198 (*Пед.*).

⁶² Приводим из указа обвинительные пункты: «*Первое.* Они делали тайные сборища, имели в оных храмы, престолы, жертвенники, ужасные свершались там клятвы с целованием креста и Евангелия, которыми обязывались и обманщики, и обманутые вечной верности и повиновением ордену Златорозового креста с тем, чтобы никому не открывать тайны ордена, и если бы правительство стало сего требовать, то, храня оную, претерпевать мучение и казни. Указания о сем, писанные рукой Новикова, служат к обличению их. *Второе.* Мимо законной, Богом учрежденной власти дерзнули они подчинить себя чертогу Брауншвейгскому, отдав себя в его покровительство и зависимость, потом к нему же относились с жалобами в принятом от правительства подозрении на сборища их и чинимых будто притеснениях. *Третье.* Имели они тайную переписку с принцем Гессен-Кассельским и прусским министром Зёльнером изобретенными ими шифрами и в такое еще время, когда Берлинский двор оказал нам в полной мере свое недоброхотство. Из посланных от них туда трех членов двое и поныне там пребывают, подвергая общество свое заграничному управлению и нарушая через то долг законной присяги и верность подданства. *Четвертое.* Они употребляли разные способы, хотя вообще, к уловлению в свою секту известной по бумагам особы; в сем уловлении, так как и в упомянутой переписке, Новиков сам признал себя преступником. *Пятое.* Издавали печатные у себя,

непозволенные, развращенные и противные закону православному книги, и после двух сделанных запрещений осмелились еще продавать оные, для чего и завели тайную типографию. Новиков сам признал тут свое и сообщников своих преступление. *Шестое*. В уставе сборищ их, писанном рукой Новикова, значатся их храмы, епархии, епископы, миропомазание и прочие установления и обряды вне святой нашей церкви непозволительные. Новиков утверждает, что в сборищах их оные в самом деле не существовали, а упоминаются только одною аллегорией для приобретения ордену их вящего уважения и повиновения, но сим самым доказываются коварство и обман, употребленные им с сообщниками для удобнейшего слабых умов колебания и развращения. Впрочем, хотя Новиков и не открыл еще сокровенных своих замыслов, но вышеупомянутые обнаруженные и собственно им признанные преступления столь важны, что по силе законов тягчайшей и непощадной подвергают его казни. Мы, однакож, и в сем случае следуя сродному нам человеколюбию и оставляя ему время на принесение в своих злодействах покаяния, освободили его от оной и повелели запереть его на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость...» (*Ред.*)

⁶³ «Из афоризмов масона» — напечатано по рукописи Виельгорского Т.О. Соколовской в «Русской старине».

⁶⁴ Архив князя О.А. Куракина, кн. VIII, стр. 302.

⁶⁵ Там же, кн. VIII.

⁶⁶ В одной записке, без даты, в деле Новикова (Государственный архив, т. VIII, стр. 218) говорится следующее: «Письмо герцога Гессен-Кассельского, в оригинале писанное Шварцу в 1782 г., доказывает их братскую переписку. Из него видно, что князь Куракин употреблен был инструментом по приведению великого князя в братство».

⁶⁷ Минувшие годы, 1807, т. II, стр. 71.

⁶⁸ Имеются данные о том, что Павел был принят в масоны в Вене в 1872 г. *Leopold Engel. Geschichte des Illuminaten*, стр. 192 (*Ред.*).

⁶⁹ Два портрета императора Павла. Русская старина, 1908, т. X, стр. 87.

⁷⁰ Pierre Morane: «Paul I de Russie avout l'avenement», стр. 342.

⁷¹ Русская старина, 1874, т. IX, стр. 157–158.

⁷² Вы, Ваше Величество, вероятно заранее сказали себе то же самое, что приходило мне в голову, когда я читал документ, который Вам угодно было милостиво мне доверить. С одной стороны этот документ представляет собой нагромождение бессмысленных слов, с другой — он составлен явно с злым умыслом. И составитель его, мне думается, воспользовался своей ролью «покорнейшего слуги» (*своим покорнейшим слугой?*). А этому «покорнейшему слуге» в пору только справляться, почем провизия на рынке да, в лучшем случае, собирать сплетни насчет свежих обличительных церковных посланий, направленных против преследуемой секты, членом которой сам он, конечно, никогда не состоял. Только сумасшедший да дурак, я так полагаю, способен впутаться во всю эту историю *без явно клеветнически-лакейских намерений*.

⁷³ Сборник Императорского Русского Исторического Общества, XXVIII, 398–399.

⁷⁴ Шумигорский: «Императрица Мария Федоровна», I, 328.

⁷⁵ Записка о мартинистах, представленная в 1811 г. графом Растопчиным великой княгине Екатерине Павловне, Рус. архив, 1875, т. III, стр. 75.

⁷⁶ Подробности о различных системах изложены в статье о «системах».

⁷⁷ А.Ф. Лабзин, род. в 1776 г., ум. в 1825 г., воспитанник Московского университета, ученик новиковского кружка, впоследствии вице-президент Императорской академии художеств.

⁷⁸ П.И. Голенищев-Кутузов, впоследствии сенатор, куратор Московского университета, во время Гохландского сражения состоял генерал-адъютантом Грейга; за это сражение Кутузов имел патент от 10 июня 1788 г. в удостоверение храбрости. Подробности см.: Масонство в прежнем Русском флоте, журнал «Море», 1907, № 8.

⁷⁹ Acta Latomogum, т. I, стр. 223.

⁸⁰ Биографических данных о А.А. Жеребцове сохранилось весьма мало, года рождения и смерти не удалось пока установить; в 1783 г. он был записан капралом в Лейб-Гвардейский Измайловский полк; в 1796 г. он уже числится по гражданскому ведомству со званием камер-юнкера и в числе шести придворных определен состоять при великой княгине Анне Федоровне, супруге великого князя Константина Павловича. По запискам фон Гельбига, Жеребцов был послан в Берлин с известием о кончине императора Павла, но не выказал дипломатических способностей. Мать Жеребцова, урожденная Ольга Александровна Зубова, как известно, имела отношение к заговору, следствием которого была кончина императора Павла Петровича.

В 1812 г. имя камергера А.А. Жеребцова встречается в списках петербургского ополчения, в котором он выказал выдающуюся храбрость.

⁸¹ Белорусский генерал-губернатор.

⁸² Позже министр исповеданий и народного просвещения в Царстве Польском.

⁸³ Церемониймейстер Двора Е. Имп. Велич.

⁸⁴ Впоследствии шеф жандармов при императоре Николае I.

⁸⁵ Министр полиции при императоре Александре I.

⁸⁶ Родился в 1756 г., умер в 1839 г. В Россию Фесслер был приглашен Сперанским в 1809 г. для преподавания еврейского языка в СПб. Духовную академию.

⁸⁷ К сожалению, многие семейные архивы, хранящие документы, имеющие отношение к истории масонства, недоступны для исследователя.

⁸⁸ «Hymnes et Cantiques pour la R. (т.е. Respectable) Loge des Amis Rèunis a l'О.: de St.-Petersbourg. A. Jerusalem L'an 5810 de L. v. L. (то есть La vraie Lumiere)». В большинстве случаев масоны ведут свое летоисчисление от сотворения мира, и тогда неизменно поясняют: истинного света, в отличие от обычного христианского исчисления, которое отмечают литерами А. D., то есть Anno Domini. Новый год у масонов считался не с первого января, а с первого марта.

⁸⁹ Воспроизведен в каталоге «Масонской коллекции Д.Г. Бурлыгина», русский отдел; сост. Т.О. Соколовской. 1912, стр. 17, № 1.

⁹⁰ Рус. арх. 1877, т. I, 542–545. «Поминки». Стих. «Поминки» см. также: Полное собрание сочинений кн. П.А. Вяземского, т. XII, стр. 536. Кн. Вя-

земский имел в виду гр. М.Ю. Виельгорского, масона и музыканта, который равно был вхож «в масонскую и оперную ложу» (*Ред.*).

⁹¹ Родился в Веймарне в 1776 г., умер в Петербурге в 1820 г. Член-корреспондент Имп. акад. наук, член многих ученых обществ; инспектор второго кадетского корпуса.

⁹² Деденев был, помимо всего прочего, витией ложи Елизаветы и чрезвычайно старался речи свои произносить «масонским слогом». В упомянутой оде он извиняется перед братьями за неумение излагать мысли масонским слогом: «Как сердцу бы приятно было достойный дать сей песне цвет, но дню, как я узрел светило, немного более трех лет. Хоть чувства нежные имею, изобразить я не умею масонским слогом мысль мою; но удостоясь научиться, к чему душа моя стремится, я громче славу воспою». Самого Деденева биографы изображают человеком чрезвычайно добрым, благожелательным и большим филантропом, но строгим к себе и справедливо-требовательным к подчиненным.

⁹³ Циркуляр ложи Елизаветы к Добродетели 1818 г. описывает это важное событие.

⁹⁴ *Acta Latomorum*, Paris, 1815, т. I, стр. 218.

⁹⁵ Воспоминания А.И. Михайловского-Данилевского. Русск. старина, 1900, стр. 638–643.

⁹⁶ Сборник мат., извлеч. из Арх. соб. Е.В. Канц., т. XI, стр. 305.

⁹⁷ В стихотворении «Поминки».

⁹⁸ В воспоминаниях Ф.Ф. Вигеля «Записки», т. II, IV, стр. 148–149, т. III, V, стр. 56 — 57. О ложе Елизаветы и Виельгорском: Воспоминания А.П. Степанова, Рус. старина, 1870, т. I, стр. 55.

⁹⁹ *Cantique de la loge St. Jean de la Palestine, O.; de St.-Petersbourg, dedie a T. R. e T. I. G. M. Duc de Wurtemberg par les T. I. de Messance auteur des paroles et A. Boieldieu auteur de la musique A. Jerusalem.* 12 стр., нот.

¹⁰⁰ Имп. Общ. люб. древн. письм. Q. DLXI 6497.

¹⁰¹ Подробности издательской деятельности русских Вольных Каменщиков составляют тему особых статей, поэтому я ее и не касаюсь вовсе.

¹⁰² Известно уже, что многие масоны в царствование императора Александра I не желали включать свои имена даже в тайные списки лож, а иногда записывались под псевдонимами.

¹⁰³ Воспоминания Ф.П. Лубяновского, М., 1872.

¹⁰⁴ И.В. Лопухин не поместил бы Лубяновского в семью, глава которой, убежденный масон, был бы другого масонского «толка», нежели он сам.

¹⁰⁵ И.А. Фесслер родился в Венгрии в 1756 г., умер в 1839 г. О Фесслере его личные воспоминания: «*Rückblicke auf seine siebenzigjährige Pilgerschaft*» Leipzig, 1851. *Handbuch*, т. I, стр. 329–339. «*Nephata*», Leipzig, 1836. Там же символический чертеж идей Фесслера.

¹⁰⁶ Мастер ложи «Александра к коронованному Пеликану» Павел Помиан-Пезаровиус в 1813 г. основал газету «Русский инвалид» с целью собрать необходимые денежные средства в пользу пострадавших в Отечественную войну. В короткое время П. удалось собрать капитал в 400 000 руб. и тем положить основание ныне существующему Александровскому комитету о раненых.

¹⁰⁷ Handbuch, т. III, стр. 59.

¹⁰⁸ Импер. Царскосельский лицей, наставники и питомцы 1811—1843 гг. Дм. Кобеко, СПб., 1911, стр. 34—35. Об этом же у Шницлера. Rostoptchine et Koutouzoff, Paris, 2-de ed., 1863, стр. 88—90.

¹⁰⁹ Ко времени просмотра актов и приостановки приемов новых членов относится, по-видимому, и записка, представленная императору Александру, с проектом наилучшего устройства масонства. Автор записки объяснял, что хорошее устройство масонства остановит увеличение испорченности нравов и послужит помехой образованию других сообществ, основанных на вредных началах. Масонскому союзу, по его мнению, надлежит поручить тайный надзор за обществом в отношении нравов, но роль его в этом отношении должна быть известна лишь Министерству полиции и высшим орденским начальникам. Для облегчения воздействия и наблюдения предлагалось устроить «ложу-мать», «центр соединения», под властью которой должны соединиться все ложи империи, если желают быть терпимыми правительственной властью.

Кто был автор этой записки, не выяснено, но интересно, что записка, предлагавшая обратить масонов в «охранителей, стражей блага» для России и в оплот трона, была сочинена и для представления императору Павлу I, но в ней верховное водительство Орденом предлагалось принять самому государю.

¹¹⁰ В.И. Семевский. Декабристы-масоны, стр. 19. Jahrbuch des Freimaureres, т. III, стр. 168. Сборн. истор. материалов соб. Е.В. Канц., т. XI, стр. 320—324.

¹¹¹ Чрезвычайно редко встречающемся в наших хранилищах.

¹¹² За ограниченностью места мною приводятся описания убранства лишь тайных лож, сведения о которых трудно найти.

¹¹³ Имп. публ. библ. Q. III, № 102.

¹¹⁴ Дубровин. Письма главнейших деятелей, стр. 108.

¹¹⁵ Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 38, Ив. Ив. Граперон, А. Колли.

¹¹⁶ Друг юношества, 1812, декабрь, стр. 52—58. Герасим Сокольский.

¹¹⁷ Имп. публ. библ. Рукоп. отд. Q. III, № 72.

¹¹⁸ Друг юношества, 1809, сентябрь, стр. 74—82. Первоначальный урок юному россиянину об отечестве.

¹¹⁹ Друг юношества, апрель, 1813, стр. 127—135.

¹²⁰ Теперешний Лейб-Гвардейский Московский полк. П.П. Колечицкий I был зачислен в тот полк в 1811 г. из Лейб-Гвардейского Преображенского полка. История Лейб-Гвардейского Московского полка. Сост. капитан Н.С. Пестриков, т. I, прилож. II, стр. 2.

¹²¹ Из истории масонства. Очерк Михаила Левицкого, стр. 32. Левицкий приходится внучатым племянником П.П. Колечицкому и много раз слышал эту семейную быль.

¹²² История Лейб-Гвардейского Московского полка. Капитан Н.С. Пестриков, т. I, приложение XVIII, стр. 24. Ib, прилож. XIII, стр. 11.

¹²³ Хоры и песни. Масонский песенник XVIII в., песнь № XI.

¹²⁴ Современник, 1836, т. IV, стр. 238.

- ¹²⁵ «Остафьевский архив», т. I, стр. 19.
- ¹²⁶ В послужном списке Невзорова, просмотренном им самим, указан 1762 г., а в «Друге юношества» (декабрь 1812 г.) — 1763.
- ¹²⁷ Лонгинов. Новиков и московские мартинисты, стр. 129.
- ¹²⁸ Библиографические записки, т. I, стр. 645.
- ¹²⁹ Друг юношества, 1812, август.
- ¹³⁰ Ответы Колокольникова на вопросные пункты. Сборник Рус. ист. общ., т. II, стр. 134–135.
- ¹³¹ «История жизни и дел моих» Колокольникова (Сборник Рус. ист. общ., т. II, стр. 137–138).
- ¹³² Рус. старина, 1874, т. IX, стр. 267.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Очевидно, он боялся, что его отравят. См.: Рус. старина, 1896, ноябрь, стр. 361.
- ¹³⁵ «История жизни и дел моих» Колокольникова (Сборник Рус. ист. общ., т. II).
- ¹³⁶ Друг юношества, 1809, январь.
- ¹³⁷ Эта книга была уже издана в русском переводе в 1784 г., но, вероятно, Невзоров об этом не знал.
- ¹³⁸ Рус. старина, 1874, «Русские вольнодумцы в царствование Екатерины II».
- ¹³⁹ Библиографические записки, 1858, стр. 643–659: «Отрывок из послания М.И. Невзорова к И.А. Поздееву».
- ¹⁴⁰ Сборник Рус. ист. общ., т. II.
- ¹⁴¹ Эти стихотворения вышли отдельной книжкой в 1804 г.
- ¹⁴² То есть в тетрадах, куда А.И. Тургенев записывал свои лекции.
- ¹⁴³ «Архив братьев Тургеневых», вып. 2, стр. 111.
- ¹⁴⁴ См., напр., статью Невзорова: «Исход мой из Москвы во время нашего французов» (Друг юношества, 1813, окт.).
- ¹⁴⁵ Рус. беседа, 1856, т. III, стр. 85–128.
- ¹⁴⁶ См. статью М. Третьякова по этому поводу в «Моск. ведом.», 1857, № 59.
- ¹⁴⁷ Под названием «Друг юношества» как бы разумелся сам М.Н. Муравьев, которого Невзоров в посвящении журнала называл «благодетелем и другом юношества». С 1813 г., после смерти Муравьева, журнал назывался «Друг юношества и всяких лет».
- ¹⁴⁸ Друг юношества, 1814, май.
- ¹⁴⁹ Вот что, например, говорил он относительно «Разбойников» и «Вертера»: «В Германии, в сих вкусных сочинениях истинные мудрецы и философы перекрещиваются в модных ветрогонов и сластолюбцев, а разбойничьи самым делом атаманы на изворот в героев. Выписал я для себя четверо ученых Немецких Ведомостей... Перебирая первые листы Ведомостей сих, я желал узнать, умолкает ли языческая, французская и жидовская-раввинская философия ныне в Германии, по изгнании Наполеона. Но увы! Славный Гете Вертером своим, сочиненным по правилам французской словесности, причинивший не одно в Европе самоубийство и недавно в российских наших журналах обесславленный, как подлый раб и льстец Наполео-

нов становится опять оракулом изящности» (Друг юношества, 1809, май, и 1815, январь).

¹⁵⁰ Там же, 1813, апрель.

¹⁵¹ Там же, 1808, ноябрь.

¹⁵² Там же, 1814, май.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же, 1809, январь.

¹⁵⁵ Кроме «Друга юношества» Невзоров с сентября по декабрь 1812 г. и весь 1813 г. издавал «Исторический, статистический и географический журнал, или Современную историю света» из-за отъезда в Нижний Новгород М.М. Гаврилова во время нашествия французов (книжки сент. — дек. 1812 г. вышли в начале 1813 г.). Некоторые из статей, помещенных в этом журнале, Невзоров издал в 1813 г. под заглавием: «Наполеонова политика, или Царство гибели народной, и состояние европейских государств до начатия французской войны 1812 г.». К статьям приложены письма И.В. Лопухина.

¹⁵⁶ *Котович Ал.* Духовная цензура в России (1799—1855). СПб., 1909, стр. 99—100.

¹⁵⁷ Рус. старина, 1895, т. I, стр. 68. «Наши мистики-сектанты».

¹⁵⁸ Библиографические записки, 1858, стр. 643—659. Это послание направлено против книги Плуменека, появившейся в Москве в 1816 г. в переводе со 2-го немецкого издания под заглавием: «Влияние истинного свободного каменщичества в всеобщее благо государств, обнаруженное и доказанное из истинной цели первоначального его установления, Карла Губерга Лобрейха фон Плуменека».

¹⁵⁹ Вестник Европы, 1868, т. VI, стр. 758—768.

¹⁶⁰ Голос минувшего, 1913, декабрь.

¹⁶¹ Великий князь Николай Михайлович. Московский Некрополь, т. II.

¹⁶² Записки Степана Петровича Жихарева. М., 1890, стр. 21.

¹⁶³ Наиболее важным пособием для истории польского масонства является книга кс. *Станислава Заленского* «O masonii w Polsce», Krak., 1908, основанная на ценном архивном материале, но освещающая масонство с иезуитской точки зрения, изобилующая полемическими выпадами и не лишенная фактических ошибок. Сжатую, но содержательную историю польского масонства дает проф. *Аскеназы* в своем труде «Lukasinski», Warsz., 1908, останавливаясь главным образом на основанном Лукасинским «национальном масонстве». Популярный публицистический очерк *Андрея Немоевского* «O masonerii i masonach», Warsz., 1906, уделяет совершенно недостаточное внимание польскому масонству. Книга *Казимира Яновского* «Wolnomularstwo», Lwow, 1912, представляет в части, касающейся польского масонства, удачную сводку материала, заключающегося преимущественно в упомянутых выше трудах. Статья *С.Ф. Добрянского* «Масонские ложи в Литве» (оттиск из «Записок Сев.-Зап. отдела русск. геогр. общ.», кн. 2), Вильно, 1911, содержит ряд новых сведений для истории польско-литовского масонства, извлеченных главным образом из Рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Лучшее пособие на нем. яз.: *Goldbaum.* Rudimente einer Geschichte der Freimaurerei in Polen, 1897.

¹⁶⁴ См. стр. 290, а также статью А.М. Васютинского, т. 1.

¹⁶⁵ См.: Массонство, т. 1, стр. 41.

¹⁶⁶ «Линией» назывались организованные Вашингтоном регулярные отряды, в отличие от ополчения, составлявшего большинство американской армии.

¹⁶⁷ См.: *Hammond*. The History of political parties in the state of New-York, 1862.

¹⁶⁸ Собранные вслед за ним конвенты национально-республиканской и демократической партии положили начало современной организации национальных американских партий.